

*ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ,
КАК МОГЛИ!*

ДОСААФ Республики Татарстан
Казанский государственный архитектурно-строительный университет
Редакция «Книга Памяти» при Кабинете Министров РТ
Татарстанское отделение
Академии Военно-исторических наук

**Этот день мы приближали,
как могли!**

Сборник воспоминаний ветеранов
Великой Отечественной войны

Казань – 2010

УДК 930.85 (47+57)

Редакционная группа:

С.И.Никонова (ответственный редактор),
Иванов А.А., Зарипов Р.Р., Нуриахметова Ю.Э.

Редакционная группа и участники проекта «Факел» выражают благодарность Радио Ринаговичу Зарипову – председателю Правления Общественно-государственного объединения ДОСААФ Республики Татарстан за помощь в издании книги.

Этот день мы приближали, как могли. Сборник воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны. – Казань. – Книга Памяти, 2010. – 248 с.

Предлагаемый сборник посвящен 65-й годовщине Великой Победы. В книгу включены воспоминания бойцов и командиров Великой Отечественной войны, собранные студентами Казанского государственного архитектурно-строительного университета – участниками проекта «Факел» при участии коллектива кафедры истории и культурологии КГАСУ.

ISBN 978-5-9222-0332-6

© Редакция «Книга Памяти» при КМ РТ, 2010
© Издательство «Отечество», 2010
© Никонова С.И., 2010

Дорогие друзья!

Приближается самый дорогой для нас праздник – День Великой Победы. 9 мая 2010 года отмечается 65-я годовщина Победы советского народа над фашистской Германией. В эти дни мы снова возвращаемся к бессмертному подвигу нашего народа в борьбе с самым опасным врагом в истории Отечества. Мы чествуем наших дорогих ветеранов войны, тружеников тыла, вспоминаем тех, кто не вернулся с поля боя, всех, кто беспримерным подвигом на фронте и самоотверженным подвигом в тылу приближал этот День Победы.

Слова благодарности хочется сказать нашим ветеранам – участникам тех далеких и трагических событий 1941-1945 годов. Низкий поклон всем, кто ценой больших лишений и жертв, ценой самоотверженного подвига на фронте и в тылу завоевал эту долгожданную, так необходимую нам всем Победу. Подвиг советского солдата и всего народа бессмертен!

В Казанском государственном архитектурно-строительном университете живут давние традиции бережного отношения к ветеранам войны и труда, к памяти павшим на полях сражений. В Музее истории КГАСУ важное место занимают материалы о сотружниках и студентах – героях Великой Отечественной войны, в его экспозиции и документальные свидетельства, собранные бойцами «Снежного десанта». Долгие годы активно работает Совет ветеранов.

Ветераны войны – сотрудники вуза окружены вниманием и заботой. К сожалению, сейчас их «в строю» осталось немного. Все, что мы можем для них сделать – отдать дань уважения их мужеству, поклониться их подвигу, вспомнить вместе с ними далекие годы войны, годы их молодости. Ветераны войны – почетные гости в нашем вузе: встречаются со студентами и преподавателями, участвуют в конференциях, вечерах памяти, праздниках.

Встречи с ветеранами, их выступления дают возможность студентам почувствовать атмосферу той эпохи, величие подвига, душой прикоснуться к исторической правде о войне. Мы уверены, что после этих встреч у молодежи происходит переоценка ценностей, жизненных ориентиров, они яснее представляют, что такое настоящий подвиг во имя Родины, во имя Победы, сердцем чувствуют свою связь с поколением победителей – поколением патриотов. Это неформальное, дружеское общение – основа формирования у молодежи таких качеств, как патриотизм и гражданственность.

День Победы – это праздник и для всех нас, знающих о войне лишь по рассказам, фильмам, книгам.

С целью увековечения памяти участников Великой Отечественной войны студенты Казанского государственного архитектурно-строительного университета под руководством преподавателей кафедры истории и культурологии по крупицам собирали воспоминания очевидцев – участников далеких событий военных лет. Творческое начинание молодого поколения, воплотившееся в проекте «Факел», встретило поддержку руководства университета. Итог многолетней работы – сборник воспоминаний ветеранов войны «Этот день мы приближали, как могли».

В этой книге боль и горечь утрат, радость побед, трагедия человека на войне. Мы помним свою историю, своих героев, тех, кто защищал свободу Родины, мир и спокойствие своего народа. Книга – наш скромный подарок дорогим ветеранам, их семьям и близким к юбилею Победы.

В преддверии большого праздника поздравляю ветеранов, студентов, преподавателей и сотрудников с Днем Великой Победы! Желаю вам, вашим родным и близким доброго здоровья, благополучия и мира на земле!

*Ректор Казанского государственного
архитектурно-строительного университета,
профессор Р.К. Низамов*

О книге

В настоящее время общество испытывает потребность в исторической правде, в том числе и о Великой Отечественной войне. Молодежь пытается узнать правду о войне, получив информацию от непосредственных участников событий – ветеранов войны, узнать их правду, взглядеться в лица на старых фотографиях, услышать рассказ о боевых товарищах, о взаимовыручке бойцов, о тяжелейших условиях, в которых пришлось добывать Победу.

Уважаемые читатели! Перед Вами – необычная книга. В ней – воспоминания 42 ветеранов Великой Отечественной войны, которые записали, собрали и подготовили к публикации студенты и преподаватели Казанского государственного архитектурно-строительного университета, объединенные работой в поисковом проекте «Факел».

Во время войны сегодняшние ветераны были совсем молодыми, такими же, как студенты – составители книги. Они хотели работать, учиться, дружить, любить. Все эти планы перечеркнула война – они ушли на фронт защищать Родину, семью, дом.

Ветеранам тяжело вспоминать войну: огонь сражений, павших товарищей, разрушенные города, убитых стариков и детей. Однако они вспоминают, рассказывают о самом сокровенном, чтобы войны больше не было, чтобы не повторилось то, что пришлось испытать им – солдатам Великой Отечественной.

Студенты – участники проекта «Факел» встретились с 68 вете-

Ветераны войны – сотрудники вуза окружены вниманием и заботой. К сожалению, сейчас их «в строю» осталось немного. Все, что мы можем для них сделать – отдать дань уважения их мужеству, поклониться их подвигу, вспомнить вместе с ними далекие годы войны, годы их молодости. Ветераны войны – почетные гости в нашем вузе: встречаются со студентами и преподавателями, участвуют в конференциях, вечерах памяти, праздниках.

Встречи с ветеранами, их выступления дают возможность студентам почувствовать атмосферу той эпохи, величие подвига, душой прикоснуться к исторической правде о войне. Мы уверены, что после этих встреч у молодежи происходит переоценка ценностей, жизненных ориентиров, они яснее представляют, что такое настоящий подвиг во имя Родины, во имя Победы, сердцем чувствуют свою связь с поколением победителей – поколением патриотов. Это неформальное, дружеское общение – основа формирования у молодежи таких качеств, как патриотизм и гражданственность.

День Победы – это праздник и для всех нас, знающих о войне лишь по рассказам, фильмам, книгам.

С целью увековечения памяти участников Великой Отечественной войны студенты Казанского государственного архитектурно-строительного университета под руководством преподавателей кафедры истории и культурологии по крупицам собирали воспоминания очевидцев – участников далеких событий военных лет. Творческое начинание молодого поколения, воплотившееся в проекте «Факел», встретило поддержку руководства университета. Итог многолетней работы – сборник воспоминаний ветеранов войны «Этот день мы приближали, как могли».

В этой книге боль и горечь утрат, радость побед, трагедия человека на войне. Мы помним свою историю, своих героев, тех, кто защищал свободу Родины, мир и спокойствие своего народа. Книга – наш скромный подарок дорогим ветеранам, их семьям и близким к юбилею Победы.

В преддверии большого праздника поздравляю ветеранов, студентов, преподавателей и сотрудников с Днем Великой Победы! Желаю вам, вашим родным и близким доброго здоровья, благополучия и мира на земле!

*Ректор Казанского государственного
архитектурно-строительного университета,
профессор Р.К. Низамов*

О книге

В настоящее время общество испытывает потребность в исторической правде, в том числе и о Великой Отечественной войне. Молодежь пытается узнать правду о войне, получив информацию от непосредственных участников событий – ветеранов войны, узнать их правду, взглядеться в лица на старых фотографиях, услышать рассказ о боевых товарищах, о взаимовыручке бойцов, о тяжелейших условиях, в которых пришлось добывать Победу.

Уважаемые читатели! Перед Вами – необычная книга. В ней – воспоминания 42 ветеранов Великой Отечественной войны, которые записали, собрали и подготовили к публикации студенты и преподаватели Казанского государственного архитектурно-строительного университета, объединенные работой в поисковом проекте «Факел».

Во время войны сегодняшние ветераны были совсем молодыми, такими же, как студенты – составители книги. Они хотели работать, учиться, дружить, любить. Все эти планы перечеркнула война – они ушли на фронт защищать Родину, семью, дом.

Ветеранам тяжело вспоминать войну: огонь сражений, павших товарищей, разрушенные города, убитых стариков и детей. Однако они вспоминают, рассказывают о самом сокровенном, чтобы войны больше не было, чтобы не повторилось то, что пришлось испытать им – солдатам Великой Отечественной.

Студенты – участники проекта «Факел» встретились с 68 вете-

ранами войны, большая часть мемуаров вошла в этот сборник. Солдаты Победы живут в разных городах и селах Татарстана, в соседних республиках и областях: Башкирии, Марий Эл, Чувашии, Кировской, Ульяновской, Нижегородской областях.

Воспоминания ветеранов – это бесценная память о войне, участниках которой – бойцы и командиры разных военных специальностей: связисты, снайперы, радисты, санитары, артиллеристы – делали одно великое дело – защищали Родину.

Близится юбилей Победы, ветераны войны и миллионы людей готовятся его встретить. Эта книга – подарок ветеранам, их семьям, память о далеких годах побед и сражений, боевых товарищах и командирах, память о военной молодости, о юности, опаленной пожаром войны.

Эта книга готовилась несколько лет. Студенты встречались с ветеранами войны, записывали их воспоминаний, собирали материалы для сборника: фотографии, газетные публикации, документы. Преподаватели кафедры истории и культурологии КГАСУ осуществляли методическую помощь в поисковой работе.

Серьезную поддержку проект «Факел» имел в Казанском государственном архитектурно-строительном университете, была создана организационно-методическая комиссия, которую возглавил ректор Р.К. Низамов. В состав комиссии вошли руководители вуза, ветераны войны, преподаватели.

В создании этой книги приняли участие:

Студенты: Ю.Нуриахметова, А.Чистякова, Т.Яфасов, Г.Хуснуллина, Н.Мухаметова, Р.Курбаткин, Г.Мусина, Р.Нуриев, А.Иванова, И.Хисамиев, А.Хисамиев, А.Замалиев, Д.Мударисов, М.Галиева, М.Хабибуллин, А.Бубеннова, А.Соснина, М.Воскобойникова, Л.Валиахметова, А.Симоник, К.Устинова, Г.Гайфуллина, А.Зиатдинова, А.Исхакова, Е.Льдокова, А.Хмелева, Е.Щедрова, Э.Гумирова, Л.Ибрагимова, Д.Фазулзянова, Г.Хайрутдинова и другие.

Преподаватели кафедры истории и культурологии: С.И.Никонова (зав.кафедрой), Л.Р.Засыпкина, Г.А.Табейкина, Л.Р.Галимзянова, Е.В.Буреева, И.Е.Чистякова.

Особая благодарность ветерану войны, военному историку Петру Павловичу Лебедеву.

Светлана Никонова

Ахтямов Сабир Ахтямович

Родился 15 июня 1926 года в деревне Искубаш Кукморского района Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, бронепойщик, Герой Советского Союза, участник Парада Победы 24 июня 1945 года.

Воспоминания бронепойщика

Я закончил в своей деревне школу-семилетку, хотел учиться дальше, но в семье было восемь детей, я – самый старший. Отцу было одному трудно прокормить такую ораву, и я пошел работать кузнецом, как и мой отец.

Когда мне было 15 лет, началась Великая Отечественная война; отец добровольцем ушел на фронт, и с ранних лет на меня пала ответственность за семью. Я хватался за любую работу, в это тяжелое время мне пужно было прокормить девять человек – братьев, сестер и мать.

Основным доходом был огород и 25 соток (картошка была вторым хлебом), а так же я валял валенки, от меня постоянно пахло шерстью. Как сейчас помню слова девчонок в клубе: «не пойдешь танцевать с тобой, Сабир! От тебя шерстью пахнет!»

Прошло 2 года войны и в 1943 году пришло ужасное известие – геройски погиб в боях отец в возрасте 40 лет.

В ноябре 1943 я был призван в ряды Советской Армии. Сначала я был в запасном полку. Помню это время. Ребята погибали из-за ужасного питания, дизентерия давала свои результаты. Обед состоял из куска хлеба 200 г. и двух картошек, счастьем считалось, если одна из них будет не гнилой.

Пройдя курс обучения, я воевал рядовым бронбойщиком в составе роты противотанкового ружья мотострелковой бригады второго батальона второго гвардейского танкового Тацинского корпуса. Что такое бронетанковое ружье? Его длина 1 м 80 см, вес – около 18 кг, патроны тоже весят немало, поэтому воевали вдвоем: первый номер – стрелок, второй номер – помощник. Я был первым номером. И мой рост был 1 м 65 см, но я был сильный, выносливый, кузнец и спортсмен.

Первый мой бой был в Белоруссии, там, где погиб мой отец. Мы впервые встретились с фашистскими танками и победили – уничтожили боевую технику врага. За этот бой я был награжден орденом Красной Звезды.

Следующей точкой был Минск. Горел весь город, нас встречали старики и дети, которые прятались в подвалах, ждали помощи.

Уничтожив вражеские машины, мы двинулись в восточную Пруссию. Так, рядом с городом Неммесрдорф был один из самых тяжелых боев, одна из самых опасных операций. Командир роты приказал нам уничтожить немецкие танки «пантера». Было трудно пролезть незамеченным по канаве, моего напарника смертельно ранило. Остановливаться было нельзя, надо было двигаться вперед, к цели. Спасла меня, наверное, лишь металлическая фляжка, которая была на моей спине. Каждый выстрел по ней напоминал мне, что необходимо торопиться, что я могу и вовсе не добраться до цели!

И вот я уже внутри здания, из которого можно было начать пальбу по танкам. Я медленно и осторожно проходил по разрушенному зданию и вдруг мне показался силуэт врага, незамедлительно выстрелив в него, я понял, что наделал шуму лишь из-за своего отражения в зеркале. Но хорошим знаком было то, что на звук выстрела никто не пришел, значит, в здании было пусто. Я забрался на второй этаж, вижу две «пантеры», цель достигнута,

осталось только истребить их. Прицеливаюсь и стреляю в дуло пулемета танка, задание выполнено. За это задание я был награжден Орденом Боевого Красного Знамени.

А во время штурма сильно укрепленного пункта Неммерсдорф (ныне село Маяковское Калининградской области) я подбил из противотанкового оружия один танк, три самоходные артиллерийские установки (САУ), два бронетранспортера (БТР) и две грузовые машины со снарядами. За это был представлен к званию Герой Советского Союза.

У войны, какая бы она жестокая и беспощадная не была, были и добрые моменты. В первую очередь это было проявление дружбы и невероятное чувство сплоченности, не только одной роты, либо одного подразделения, но и всего народа. Не было разделения по классам или национальностям. Все были единым целым, да о каких разногласиях может идти речь, когда единственное оружие, на которого опирались – сплоченность, уверенность в себе и товарище, общая цель, достигаемая любыми мыслимыми и немыслимыми путями. Вера, любовь и надежда – добродетели, дающие колоссальную поддержку, дающие силы двигаться дальше, двигаться вперед, как бы трудно не было, каким бы тернистым путь не был.

Каждая победа в бою – очередная уверенность в том, что гитлеровская армия сокрушена, что она не всесильна. Битва под Москвой – это битва, участники которой подарили ту самую уверенность не только соотечественникам, но и всему миру. Это люди, сделавшие невозможное.

Так же различия на войне не касаются пола, возраста. Дети, совсем маленькие, ступали на тропу войны вслед за своими отцами или братьями, многие из которых уже героически погибли. Они сбегали из дома, лишь бы внести свой возможный вклад в Победу. И совершали такие подвиги, от которых слезы накатывались на глаза.

А девушки, такие маленькие и худенькие, работающие фельдшерами, сколько они сделали, сколько жизней спасли. Они несли солдат на своих хрупких спинах. Ну а что уж говорить о летчицах, чьи воздушные подвиги дали не одну победу и уничтожили не одну военную базу.

Единственное, что я бы хотел изменить сейчас, это отменить разделение на героев тыла и фронта, все боролись одинаково! Множество поступков было совершено в тылу, люди перевыполняли план в несколько раз, был даже случай, когда рабочий на заводе, для того чтобы исправить неполадки в работе двигателя, полез в горящую печь. Люди оставались на недели на заводах, не выходили на отдых, засыпая на рабочих местах, у станков.

Люди не щадили себя, отдавали свою последнее нам, тем кто был на фронте. Мы жили лишь тем, что стало позже девизом всего народа: «Все для фронта! Все для победы!».

В моей жизни было много ярких моментов, но, пожалуй, самое значительное – участие в Параде Победы на Красной Площади 24 июня 1945 г. Для подготовки к параду нас привезли в г.Кенигсберг, а там меня чуть было не отправили обратно в часть, так как мой рост был ниже, чем полагалось. Но я возмутился: «Когда танки подбивал, ордена получал, то рост мой был подходящий?» И меня оставили, я участвовал в Параде, видел, как к Мавзолею Ленина швыряют знамена побежденных фашистских полков и дивизий, видел маршалов Жукова и Рокоссовского, был на приеме в Кремле у Сталина, все это и сейчас в моей памяти.

После окончания войны я служил в армии почти семь лет. Был командиром воинской части №3409 в Арзамасе-16, ныне это город Саров, занимался организацией службы по обеспечению безопасности, также сохранности особо важных государственных объектов.

В 1953 году я был избран депутатом Горьковского областного Совета. В том же году поступил в вечернюю школу, которую окончил в 1956 году. С 1956 по 1959 гг. жил и учился в Москве, в Военном институте им. Ф.Дзержинского при Совете министров СССР.

Завершив обучение в ВУЗе, решил вернуться в Арзамас-16, где на восемь лет, с 1963 по 1972 год, избирался депутатом городского Совета народных депутатов.

В 1972 году вышел на пенсию и приехал в Чернигов, где прожил 12 лет. Там я работал инженером по специальным сооружениям гражданской обороны на производственном объединении «Химволокно». К 1984 году я снова поменял место жительства, переехал в г.Горький, до 1986 года работал на Горьковском заводе «РИАН» в должности инженера.

Когда мне исполнилось 60 лет, я покинул работу на заводе, так как бывшие раны давали о себе знать. Хорошо вот сейчас мне 83 года, а чувствую себя очень даже ничего, спасибо крепкому здоровью!

Лишь в 1991 я переехал в Казань, где и живу по сей день. Сейчас я являюсь членом комитета ветеранов войны и военной службы города Казани, комитета ветеранов Советского района города Казани, общественной организации «Герои Татарстана», Совета ветеранов МВД Татарстана.

Что касается моей личной жизни, многие мои однополчане женились на столичных девушках. Как сейчас помню, девчонки в 62-ом выходили на балкон, закутавшись в одеяло, и кидали нам записки с приглашениями, но я к этому времени был лишь простым сержантом, и у меня не было денег купить цветов, а без них в гости идти было как-то стыдно. Свою любовь я встретил позже, о чем ни разу не пожалел.

Время идет, кажется 65 лет после войны – миг, а в человеке – целая жизнь. Родившиеся в 1945-м стали уже дедами или даже прадедами, столько поколений поменялось, я уже успел похоронить двух своих сестер...

Вот сейчас вспоминаю те страшные времена, когда счастливыми были посиделки с друзьями у костра, редкие минуты затишья на фронте, когда светлые воспоминания о близких и родных, о своей деревне грели душу, давали силы. Тогда мы часто говорили такую фразу: «кружку чая выпьешь, траншею врага возьмешь, две выпьешь – две возьмешь, ни одну не выпьешь, свою отдашь!».

И хотя это были времена, которые, я надеюсь, никогда не вернуться на наши земли, были моменты, когда ты понимал: «Пусть гитлеровская армия и превосходит нас по уровню промышленности и военного оборудования, но у них никогда не проснется чувство доброты и любви, не растают сердца, в которых живет лишь жажда убийства и воцарения фашизма во всем мире».

Даже в самые тяжелые моменты мы никогда не сомневались, что победим, что разобьем фашистов, что придет к нам великое счастье – День Победы!

Амерханов Талгат Камильевич

Амерханов Талгат Камильевич родился 28 марта 1925 года, ветеран Великой Отечественной войны. Старший сержант, командир отделения, начальник радиостанции штурмовиков наведения на цель.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга».

Счастливые число «13»

Война ворвалась в мою детскую жизнь стремительно. 21 июня 1941 года после выпускных экзаменов в школе для лучших учеников была организована поездка за город, в Обсерваторию, в числе активистов-восьмиклассников был и я. Помню Волгу, тихо плещущую о берег, тихие ночные звуки, прохладу ветра и ощущение удивительного счастья. Вся жизнь впереди! Столько планов было! Помню, услышали гудок парохода, выбежали все на берег смотреть: он проплыл, весь залитый огнями, музыка с борта звучала, смех. Это было утром 22 июня 1941 года. Как потом оказалось, в это время началась война, но мы этого еще не знали.

На следующий день, побыв на природе и отдохнув, мы поехали обратно. Сели на пригородный поезд в хорошем настроении, пели под гитару, громко разговаривали, смеялись, и вдруг к нам подошла пожилая женщина и сказала: «Как вам не стыдно, война началась, а вы так шумите!» Мы сначала даже не поверили своим ушам, а когда поняли всю серьезность ситуации, то решили, что завтра же пойдем в военкомат.

В Казани уже было тревожно: скакали конные и сообщали о том, что началась война. Вся молодежь призывного возраста пошла в военкомат. Я помню большое количество людей, которые шли восвать за Родину. Каждый считал своим долгом вступить в борьбу с фашистами.

На следующее утро все наши ребята собрались в школе и пошли в военкомат, а там начальник призывной части, Кожух Александр Иванович, запретил нам отправляться на фронт, ведь нам тогда было только шестнадцать лет. Нам пришлось остаться в тылу и продолжить обучение в школе.

По стечению обстоятельств, Кожух Александр Иванович оказался моим соседом по дому, и я стал его упрашивать отправить меня на фронт. К тому времени я уже проучился одну четверть в девятом классе, и нашу школу перевели на улицу Нариманова. В то время в школе проводились киносеансы. Поскольку за работу там давали деньги, то я стал работать кассиром, продавал билеты. Так прошел один год, и я перешел в контролеры кинозала. Параллельно наш киномеханик стал меня учить работе на киноаппарате. Ну, а когда уж началась война, он ушел на фронт, меня оставил работать киномехаником вместо себя. Я работал в школе и меня посылали показывать кино раненым в школу № 19 на улице Горького. Так я стал киномехаником и показывал кино.

17 декабря 1942 года вышел Сталинский указ, который разрешал брать в армию добровольцев-комсомольцев из числа молодежи, обучающейся в десятом классе. И я снова стал проситься на фронт. Из моего класса набралось пятеро парней, а мне снова отказали, так как я не был комсомольцем. За плохое поведение, меня выгнали из пионеров в 1936 году. Узнав в военкомате, о том, что я не комсомолец, сразу же позвонили в районный центр, и через двадцать минут у меня на руках был

комсомольский билет, а на то, что я учился в девятом классе, не обратили внимания и даже отправили меня командиром собранного отряда.

23 декабря 1942 года мы всем отрядом выехали в город Волжск около Саратова, в авиационное училище. Там стали проходить медицинскую комиссию, и из десяти тысяч добровольцев нас осталось только тысяч семь. Такая вот была строгая комиссия, нас ведь брали в авиацию, а туда с плохим здоровьем нельзя. Я прошел комиссию, и меня стали спрашивать: «Что я делал после восьмого класса?», а я ответил: «Работал киномехаником, там познакомился с начальником радиостанции, и пошел к нему учеником. Впоследствии я стал радиотехником второго разряда». После этого разговора майор Захватов вызывал меня к себе и спросил: «А что Вы знаете и умеете?» Я назвал станции, на которых работал и рассказал о своих навыках. Он взял меня к себе в отряд. И я один, без друзей попал в Ульяновский учебный полк связи. Благодаря тому, что у меня уже была техническая подготовка, был зачислен в отделение начальников радиостанции, как рядовой солдат, в феврале 1943 года принял присягу. К этому времени начали отправлять людей на фронт. Дошла очередь и до меня. Меня и ещё трех человек отправляют в авиационную часть, где я попал к командиру штурмовой авиационной дивизии, Георгию Филипповичу Байдукову, на обучение. Впоследствии Г.Ф.Байдуков – Герой Советского Союза, генерал-полковник, командовал дивизией, корпусом, заместитель командующего ПВО страны.

В июне 1943 года меня направляют стрелком-радистом на Курскую дугу. Там меня определили в 291 авиационный полк стрелком-радистом самолета ИЛ-4. На одном из вылетов к селу Прохоровка, наш самолет сбили немцы. Когда самолет подбили, я успел катапультироваться, остальные погибли. После этого мне комиссия летать запретила, поскольку я получил контузию, лежал в госпитале в Москве. На этом Курская битва для меня закончилась.

Еще врезалось в память, как зимой ходили по компасу.

Через каждые несколько километров оборудовали контрольные станции, связь на каждой такой станции держало отделение связистов. Связисты спали в снегу, у нас поначалу даже палаток не было...

Постоянные бомбежки. Укрыться негде на заснеженной равнине.

Лежишь, смотришь как пулеметные очереди, выпущенные из самолета, «лентой» приближаются к тебе, глаза закроешь, с жизнью попрощаешься... а «лента» в метре от тебя остановилась...

Было очень страшно. Живые после авианалета поднялись из снега, посмотрели вокруг, а пятеро наших товарищей-связистов лежат убитые...

Доходило до того, что самолеты гонялись даже за одиночными бойцами.

И так каждый день...

После бомбежек возникали проруби и полыньи. В одну такую прорубь я и провалился. Кто-то кинул мне дышло, я за него зацепился, и меня вытащили из ледяной крошки. Мороз в тот день был градусов двадцать.

Дали мне сухую одежду, напоили спиртом. Все обошлось...

У нас все было на ходу. Только на время отдыха, – тогда уже нас загружали на тачанку. У нас всегда были запасные батареи. Но, конечно, радиостанции были несовершенны. Прыгаем, прыгаем, – ведь шли по бездорожью!

Бывало и такое, что просто не можешь работать. Это же ответственность! Когда связи нет, а перед тобой начальник стоит с пистолетом и говорит: «Дай связь!», и по-русски выражается. Я сижу в наушниках, говорю: «Дайте мне высоту, я не могу в такой низине». А он ничего не хочет слушать, ему нужна связь. Каждый был на своем месте! Там нельзя рассуждать. Я, например, не могу отвлекаться, у меня работа. Что такое война? Каждый на своем месте! Это тяжелая работа. Я должен поддерживать связь, – больше ни на что отвлекаться нельзя. Вот ведь, что было самым главным. Ну других также.

Там никогда даже думать о чем-то, – только чтобы радиостанция была в порядке. Я ничего не видел, я знал, что я должен дать связь, – и всё, больше ничего я не должен. И потом, наверное, чувство ответственности за людей: потому что от связи зависит, как нас учили, судьбы многих, целого полка. Так ведь? И от твоей неряшливости, небрежности или небрежности могут же люди погибнуть, – ты же все, всё время в тылу врага. Вот ведь что самое неприятное!

Для меня всегда была загадкой: вот после боя пришло молодое пополнение, – и за первые три дня вся молодежь погибала, а «старрики» оставались. Это было умение воевать! Не то, чтобы они прятались, не то, чтобы они скрывались. И некоторые ведь прошли «от и до»! Правда, были несколько раз ранены, – но прошли всю войну, и живы остались, эти «старрики».

У нас даже не было полевой кухни, горячего питания, солдатам выдавали немного крупы, пайком на пять дней, и они сами варили себе кашу на контрольных станциях в котелках и касках, кто как мог... Все превратились в живые скелеты... Дистрофия...

Правда, немцы делали много запасов, такие были большие склады: там яйца были, шоколад. Когда мы населенные пункты освобождали, захватывали склады немецкие и продуктами этими пользовались. Однажды во время большого боя, есть нечего было, кухня все никак не подъезжала, – а старшина принес ведро масла, яиц. Ребята стряпали: масло смешали с мукой и сделали что-то вроде блинов. Мы голодные были!

Когда в феврале 1943 года нам стали выдавать по 800 грамм хлеба на день, и два раза в сутки мы получали горячее котловое питание, то многие поначалу просто не знали, что с таким количеством хлеба делать... Люди не могли привыкнуть к мысли, что им дают целых восемьсот граммов хлеба! Это было для нас неслыханным богатством.

Уже рефлекс какой-то выработался. Даже присутствуя при обильном застолье, я могу позволить себе взять со стола из хлебницы только маленький тонкий кусочек хлеба, чтобы других не обидеть: голод прочно засел в моем сознании.

Кто не голодал, тот меня не поймет...

После того как я вышел из госпиталя, меня назначали начальником радиостанции у Г.Ф. Байдукова. Дали мне машину и экипаж радистов, после чего я выехал под личное руководство Байдукова. Ежедневно, по утрам, Георгий Филиппович Байдуков прилетал на нашу станцию и отдавал команды летчикам.

В 1944 году я в составе четвертого авиационно-штурмового корпуса участвовал в боях за освобождение Белоруссии, а на Варшавском направлении под городом Замбров был ранен в правый глаз (май, 1944), это было осколочное ранение, четыре

осколочное ранение, был отправлен в госпиталь, после вернулся в свою часть.

В июне 1944 года нашу авиационную часть бросили на взятие Кенигсберга, после нас перебросили в северную часть Германии (мы называли эту часть Померания). Потом я участвовал в освобождении Гданьска в Польше, и от Берлина мы пошли дальше на запад.

В мае 1945 года получилось так, что моя радиостанция стояла на машине, которую обстреляли немцы. До этого нашу машину уже разбивали, да и не раз, но все обходилось, но, к сожалению, в этот раз нам не повезло – в мотор попал снаряд, и машину отбуксировали в полковую часть.

Мы остановились на ночь в населенном пункте Освенцим. Немцы, которые не желали сдаваться, ночью проходили через этот населенный пункт. Началась стрельба, все, у кого завелись машины – уехали. Все мои радисты успели сесть в другие машины, а я как-то замешкался. Когда все стихло, то увидели, что меня нет нигде. Связались по радио и передали, что Амерханов пропал без вести...

Моему другу пришла похоронка на меня, о том, что я пропал без вести. Он не смог принести моим родителям эту весть, не хотел их расстраивать. Когда я вернулся после госпиталя, он отдал мне мою же похоронку.

После того, как меня считали пропавшим, я еще участвовал в боях и дошел до реки Эльба (1945 год после взятия Берлина), там мы встречались с англичанами.

Всего помню, когда шли по освобожденным районам, то из леса к нам выходили выжившие в оккупации местные жители и партизаны. Голодные, измученные люди, встречали нас со слезами радости и с бутылками самогона. Мы отдавали им с себя одежду, все свое продовольствие.

После этого, нас включили в состав Северной группы войск и перебросили в Юго-Восточную Германию, в город Лигнице, и там стоял легендарного маршала Рокоссовского. В июне 1945 года из города Лигнице нас стали комиссовать. В гарнизонном госпитале проверили мое здоровье и определили, что годен только к полевой службе.

Было очень много хороших и смелых ребят, толковых связистов. Многие солдаты оставили в моем сердце о себе самую добрую память. Безусловно, солдаты дорожили своей службой в отдельной роте связи, ведь связисты считались «фронтовой интеллигенцией».

В роте связи хоть был какой-то шанс выжить, а стрелковом батальоне – почти никаких шансов... Раненые связисты не хотели оставлять роту и не уходили в медсанбат не только потому, что сроднились с товарищами по взводу. И хоть и у нас постоянно гибли солдаты при обстрелах и бомбежках, рвались на минах, но с пехотой наши потери не сравнить. Все связисты, непосредственно находившиеся на передовой, были отмечены боевыми наградами. У нас в этом вопросе все было справедливо. У меня есть награды и благодарности от Сталина.

В 1945 году 25 декабря меня демобилизовали, и я поехал в Казань.

Прибыл я в Казань в 1946 году, в день рождения отца, 13 января. У меня вообще много, что в жизни связано с этим числом. К примеру, я тринадцатый ребенок в семье, всего нас было девятнадцать детей. Родился в 13 неделю 1925 года. Вот и прибыл тринадцатого числа, получается – оно для меня самое счастливое.

После прибытия в Казань я поступил и окончил Казанский финансово-экономический институт. В 1975 году защитил диссертацию на тринадцатом совете.

Я воевал за свою Родину! Мы считали, что надо освободить страну от фашизма. Сейчас на некоторую часть молодежи мне больно смотреть, – как они с фашистскими свастиками играют!

Я испытывал боль, возвращаясь после войны на места бывших боев... Невольное чувство вины перед погибшими товарищами.

Блажко (Яхонтова) Анна Александровна

Родилась 8 марта 1925 года в селе Медведково Псковской области, ветеран Великой Отечественной войны, старшина медицинской службы, награждена боевыми орденами и медалями: орденом Красной Звезды и Отечественной войны, медалями «За взятие Праги», «За взятие Берлина», «За боевые заслуги».

«...Яхонтова моя...»

Анна Блажко, в 1941 году – Яхонтова, встретила войну в Ленинграде, где она только что окончила среднюю школу, добровольно ушла в армию. 16-летнюю девушку направили на военные курсы санинструкторов, что было равноценно краткосрочным курсам медсестер с преимуществом оказания первой медицинской помощи в военно-полевых условиях. В это время вокруг Ленинграда стягивалось кольцо блокады, а Псковщина, где осталась ее мама, была оккупирована немцами. До самого конца войны не было никаких известий о родственниках, оставшихся там.

В октябре 1942 года молодая медсестра была направлена в действующую армию, она несла службу в медсанчасти мотострелковой бригады, которая вошла в состав сформированного в Новгородке 2-го механизированного корпуса под командованием генерала И.П.Корчагина. В этой части Анна прошла всю войну.

Анна служила в медсанвзводе, на ее долю пришлось все тяготы военного времени, на ее глазах умирали товарищи, ее боевая бригада была впереди павлодармы, окружала группировки фашистов, освобождала города, попадала в тяжелые ситуации. Это была героическая девушка: помогала из боя раненым, оказывала им первую помощь, позже стала старшей медицинской сестрой, старшиной медицинской службы.

С июня 1942 года Анна со своим корпусом участвует в боях, сначала на Калининском, затем на других фронтах Великой Отечественной. Благодаря героическим усилиям персонала медсанбата были спасены сотни бойцов и командиров, здесь оказывалась не только первая, но и квалифицированная помощь, здесь сформировано хирургическое отделение с двумя врачами, при взводе была развернута аптека. Тогда же в 1942-м Анна

встретила свою первую и самую большую любовь – молодого капитана медслужбы Георгия Ивановича Блажко, который служил в медсанбате корпуса, заведовал аптекой и всем медицинским снабжением корпуса. Он сразу сделал ей предложение, хотел отправить Анну в тыл, к своей маме. Но девушка не только не приняла это предложение, но и запретила любимому до конца войны даже говорить ей о своих чувствах. Она и представить себе не могла, как она может оставить своих боевых товарищей.

В 1943 году корпус участвовал в Курской операции, далее в составе 60-й армии освобождал Украину. Здесь развернулось стремительное наступление советских войск, в результате успешных боевых действий корпус сходу освободил г.Нежин – важный стратегический объект, железнодорожный узел. За эту операцию Анна получила свою первую боевую награду – медаль «За боевые заслуги». Ей было 18 лет, но она воевала почти два года, считалась опытным работником, могла стоять у хирургического стола сутки, ее ценило руководство, любили и берегли боевые товарищи, ласково называя «яхонтовая наша».

Анна не давала себе поблажки, товарищи всегда видели ее бодрой, энергичной. Симпатичная, статная, с ямочками на щеках, всегда улыбающаяся девушка была гордостью бригады.

После взятия г.Нежина корпусу присвоено наименование Нежинский, теперь он – 7 Гвардейский Нежинский мехкорпус медвзвод, в котором служила Анна, до конца войны был в составе 25-й Гвардейской мехбригады.

7-й Гвардейский бросали на самые сложные участки фронта. В 1943 году он участвовал в форсировании Днепра. Это было так тяжело, что многим выжившим было не понятно, как остались живы, как переправились на другую сторону, как переправили тяжелую технику, танки и орудия. В этой операции корпус потерял много людей и боевой техники, большое число раненных прошло через медсанвзвод, было отправлено в тыл на лечение. Решением Ставки 7-й корпус был отведен на отдых и для пополнения в Нежинский район Черниговщины. Через 3-4 месяца корпус пополнил личный состав, получил частично восстановленную боевую технику, но самое главное – за это время из Кузбасса доставили и передали вооружение корпуса боевые танки нового образца, построенные в

средства трудящихся Кузбасса. В конце июля 1944 г. корпус на опелонах направили в Белоруссию, где он принимает участие в ликвидации так называемого «белорусского котла».

Во второй половине 1944 года война откатывается все далее на запад. Советская армия освобождала родную землю, выходила на государственную границу СССР, вступала на территории Польши и Германии. Корпус героически воевал, быстро продвигаясь, преодолевая отчаянное сопротивление фашистов. Но и наши потери были очень велики, медвзвод работал круглосуточно, делая все возможное и невозможное, чтобы спасти людей.

И все-таки победа была уже близка. Несмотря на свою большую занятость, Анна стала изучать немецкий язык, которым заинтересовалась еще в школе, после войны она хотела стать учительницей, как ее родители. Где-то она нашла самоучитель немецкого языка, и в короткие минуты отдыха учила незнакомые слова. Очень скоро Анна смогла общаться с местным немецким населением, сначала заглядывая в словарь, потом все более бойко.

После успешных действий в Польше и Германии корпусу было присвоено наименование Нежинский-Кузбассовский, он награжден орденом Суворова. И опять 7-й Гвардейский – в самой гуще боя: участвует в форсировании Вислы, берет Сандомирский плацдарм, окружает многотысячную группировку фашистов в Бреслау. Корпус стал резервом Ставки и использовался не раз для прорыва сильно укрепленной обороны противника.

В 1945-м году – боевые действия в составе 3-го Белорусского фронта в Прибалтике и Восточной Пруссии, а затем снова – на Украинский фронт. Перед корпусом новая задача – выйти на Эльбу для соединения с союзниками.

Шел апрель 1945 года, война вот-вот закончится, но в конце апреля Анна пережила вместе со своей бригадой, пожалуй, самое тяжелое испытание. Корпус так стремительно продвигался, что оказался далеко вперед, оторвался от основных частей, и в тылу остались немецкие части. 25-я бригада понесла большие потери, погибли люди, которые всю войну были с Анной: командир бригады Герой Советского Союза полковник И.О.Дубко, начальник медицинского медсанбата майор Ю.И.Воробьев. Штаб 25-й бригады находился под командованием и.о. начальника штаба подполковника Афа-

нашева вместе с медсанвзводом также оказались отрезанными от своих, почти в окружении. Свои части были совсем близко, и тогда решили выходить группами, выводя раненных, вынося документы и имущество штаба, и главное – боевое знамя бригады.

Тогда Анна и совершила свой подвиг: она обмотала знамя части вокруг своего тела под гимнастеркой и вынесла его из окружения. Все закончилось благополучно, старшина медицинской службы Анна Яхонтова была награждена орденом Красной Звезды.

Последние дни войны были, пожалуй, самыми тяжелыми: гибли боевые товарищи, прошедшие всю войну, от Москвы до Берлина. Но горевать и впадать в отчаяние никто позволить себе не мог, сразу же пришло пополнение, корпус был срочно переформирован и снова вступил в боевые действия: вошел в Чехословакию, приняли участие в освобождении Праги.

Прага была освобождена 9 мая 1945 года, война в Европе казалась закончилась, однако 7-й корпус принимает участие в боевых действиях до 12 мая в районе старой крепости и древней столицы Чехии г.Табора, потом – в Карпатах ликвидировал остатки немецких частей.

Война закончилась, но для Анны служба продолжалась. В 1945 году после Победы она, как и было задумано, вышла замуж за своего боевого командира – Г.И.Блажко и вместе со своим корпусом направлена в Венгрию. В августе 1946 года – снова передислокация: в Германию, г. Франкфурт-на-Одере. Через несколько месяцев Г.И.Блажко направлен из Германии в Казань в танковую часть.

Анна Александровна вышла в отставку, занималась домашним хозяйством. Однако благополучная жизнь домашней хозяйки совсем устраивала фронтовичку: она хотела стать учительницей. Так как все довоенные документы сгорели в Ленинграде, ей пришлось заканчивать вторично среднюю школу, после чего поступила в педагогический институт. Много лет А.А.Блажко проработала в казанских школах № 27 и 89, ее любили многочисленные ученики, ценило руководство. Она не занимала ответственных постов, была членом партии, но всегда была лидером, замечательным и очень светлым человеком.

Ботов Борис Алексеевич

Родился 17 ноября 1923 года в селе Пушкино Пензенской области, ветеран Великой Отечественной войны, командир взводного звена, имеет боевые награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны, медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другие.

Воспоминания о войне

Родители мои происходили из крестьян, я рос в счастливой и благополучной семье. Мама наша, родившая и воспитавшая девять детей была награждена орденом «Материнской славы» 1-й степени.

Война застала меня в Саранске, куда я прибыл, чтобы узнать условия приема в педагогический институт. В полдень 22 июня 1941 года вместе с другими ребятами я сидел в одной из аудиторий института, как вдруг вошел встревоженный парень и сообщил, что началась война. Далее он пояснил, что на улице по громкоговорящей передаче Завяление Советского правительства о том, что уже утром Германия вероломно напала на нашу страну.

В тот же день в первые же дни войны десятки мужчин нашего села были мобилированы и являлись в военкомат в полной готовности. Мне

на всю жизнь запомнились первые проводы мобилизованных мужчин на войну. У сельского клуба собрались почти все жители села. Среди них стояли и мобилизованные с котомками в руках. Ораторским искусством они не владели, говорили, кто как мог, но говорили страстно, с болью в душе.

А мне в ту пору было семнадцать с половиной лет, и меня пока не призывали в армию. Тогда я решил подать документы в пединститут. В августе сдал вступительные экзамены, и меня зачислили на первый курс факультета русского языка и литературы.

В институте я приступил к занятиям: слушал лекции, в библиотеке взял рекомендуемые книги, выбирал время, чтобы посидеть в читальном зале. Одним словом, время шло, и я не заметил, как пролетели два с половиной месяца. В начале ноября я получил из дома известие о том, что меня приглашают в наш районный военкомат.

Гитлеровские войска блокировали Ленинград, подошли близко к Москве. Военная обстановка чувствовалась и в нашем селе. Она напоминала предгрозовую: тучи сгущались, небо потемнело, и где-то уже слышны раскаты грома — вот-вот случится что-то страшное.

И все-таки мы дождались радостных вестей, первого светлого дня: весть о поражении немецко-фашистских войск под Москвой дошла и до нашего села. Радости нашей не было предела.

Подошел и мой черед идти в армию: 1-го февраля 1942 года я получил повестку. Отправили на железнодорожную станцию в Казань, посадили в вагоны-теплушки и куда-то повезли. Куда никто из нас не знал, пока наш состав не прибыл в Москву, затем на остановочную платформу Хлебниково, откуда пешком к каналу Москва-Волга, на берегу которого расположился небольшой военный городок. Нас быстро распределили по подразделениям и объявили, что мы зачислены курсантами в Московское пулеметно-минометное училище. Я был зачислен курсантом первого взвода первой роты пулеметного батальона.

И сразу же начались занятия. Никакой поправки и никакого послабления — все было строго по расписанию, без выходных дней и без каких-либо увольнительных. Такая строгость никого не удивляла, никаких вопросов по данному поводу не было, все

шла война, училище готовило командиров по сокращенной программе и в укороченные сроки — для фронта нужны были командиры взводов. Потому и учебные дисциплины у нас были: уставы, огневая подготовка, тактика, топография, физподготовка, затем строевая подготовка и политподготовка.

По огневой подготовке мы изучали, прежде всего, станковый пулемет «Максим», затем винтовку, карабин, ручной пулемет Дегтярева, револьвер «Наган» и пистолет ТТ. Станковый пулемет «Максим» мы изучали основательно, не только его материальную часть, но и применение его во всех видах боя: при обороне, при наступлении, при отражении контратак противника и т.д.

Вообще-то командиры у нас были грамотные в военном отношении и обучали нас именно тому, что нужно на войне. Занятия проводились в темпе, с большой нагрузкой, без каких-либо условностей.

Самое сильное впечатление на политических занятиях произвело изучение Приказа Народного комиссара обороны СССР И. Сталина № 227 от 28 июля 1942. Помню, как по коже мурашки пробежали от слов, содержащихся в Приказе о том, что население нашей страны начинает разочаровываться в Красной Армии, которую оно любило, что оно теряет веру в Красную Армию, а некоторые даже проклинают ее за то, что она отступает, оставляя их под ярмом немецких угнетателей.

В середине июля 1942 года часть курсантов должна была отправиться на фронт. Объявлен был список убывающих, в числе которых были и мои односельчане, с которыми я уходил в армию.

В сентябре учеба в училище подходила к концу. В последнюю неделю сентября мы сдавали экзамены, потом нас переодели во все военное комсоставское обмундирование, на другой день после завтрака — построение с личными вещами и на фронт.

Начался бой 21 января 1943 года: во время наступления я оказался с одним из пулеметных расчетов. Немцы сопротивлялись упорно. Авиации не было, т.к. пасмурная погода не позволяла самолетам действовать, но зато было в достатке огня из пушек, минометов и автоматов. В разгар боя справа от меня произошел взрыв, взрывной волной меня немного отбросило, и я потерял сознание. Очнувшись, почувствовал

тепло крови в области правого бедра. От боли встать я не мог. Мои два красноармейца подняли меня и оттащили в низину, а затем в овраг, где, к моему счастью стояла лошадь, запряженная в сани, и красноармеец-повозочный. Он узнал меня и бодро произнес: «Не беспокойтесь, товарищ младший лейтенант, я Вас быстро отвезу в медсанбат». Три месяца меня лечили, сначала в медсанбате, потом в госпитале в Кинешме. Город Кинешма — город ткачих, город невест. К нам в госпиталь постоянно приходили молодые симпатичные девушки, охотно беседовали с нами, завязывали знакомства.

Помню еще один бой. Наша бригада должна была выбить немцев из одного населенного пункта. Но наступать пришлось по открытой местности. Немцы обрушили на нас шквальный огонь. Батальоны часто залегали и не могли продвигаться вперед. Вот тут-то подполковник Прозоров личным примером увлек подчиненных. Он вскочил и с призывом «Славяне, вперед!» побежал вперед. Взводы и роты поднялись и, стреляя на ходу, устремились за ним. Мы удивлялись храбрости командира бригады. Он был как замороженный, ни одна пуля его не брала, несмотря на то, что он иногда вскакивал и устремлялся вперед при ураганном пулеметном и автоматном огне. Подполковник Прозоров — удивительный человек, храбрый, не теряющий самообладания даже в самых сложных ситуациях. Он у меня всегда в памяти.

На фронте все красноармейцы и офицеры были пронизаны духом патриотизма. Считалось настоящей честью вступить в комсомол или партию большевиков. Я тоже в начале декабря 1943 года подал заявление в партийную организацию с просьбой принять меня кандидатом в члены ВКП(б). Заявление было кратким и стандартным «Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). В бой хочу идти коммунистом». Вот и все. Подпись и дата. «Какие будут суждения и предложения по заявлению Ботова?», — спросил парторг. Все дружно высказались: «Принять». При этом коммунисты высказались положительно о моих действиях в бою. Итак, я принят кандидатом в члены ВКП(б). Получив кандидатскую карточку в политотделе, я отправился в свой батальон. Была уже ночь, а наутро снова в наступление.

Незадолго до окончания войны к нам в батальон прибыл помощник начальника политотдела по комсомолу. Мне объявили, что меня отправят в Германию продолжать службу в советской военной администрации.

После Победы я служил в Германии, каждому из нас пошили кителя и брюки на выпуск из белой полушерсти с легким кремовым оттенком. Погоны на кителях — золотые. Выглядели мы красиво, но носить этот костюм мне не пришлось, т.к. позднее на практической работе я ходил в гражданском костюме.

26 декабря 1948 года (эта дата записана мной тогда на одной из фотографий) руководство устроило нам интересную экскурсию в Берлин.

Мы видели поврежденные войной Бранденбургские ворота. Над их квадригой развевалось черно-красно-золотое знамя с молотом, циркулем и обрамлением из колосьев — символ новой Германии.

Здесь, метрах в двухстах от Бранденбургских ворот находится памятник воинам Красной Армии, павшим в боях за Берлин. По левую и правую стороны фигуры Солдата стояли советские часовые с карабинами. Памятник находился в английской зоне.

Когда мы стояли перед памятником, мимо нас проходили и проезжали английские военные. Они смотрели на нас, но не останавливались. Да и вообще никто нас не останавливал и никто ни о чем не спрашивал. Видимо, дух союзничества во время войны у западных военных еще присутствовал.

Затем мы прошли к Рейхстагу, находящемуся метрах в трехстах от памятника. С большим интересом мы рассматривали и читали надписи на стенах Рейхстага, сделанные нашими воинами, штурмовавшими Берлин. Внутри мы увидели развалины и поврежденные лестничные пролеты. По полуразрушенным лестничным пролетам мы пробрались на второй этаж, а потом кое-как карабкались на третий этаж. Дальше что-либо делать было невозможно — внутри здания были сплошные обрушения.

От Рейхстага мы прошли к Бранденбургским воротам, оказавшись снова в советском секторе. В Рейхсканцелярию мы вошли с западного входа. Прежде чем мы попали в кабинет Гитлера, мы прошли через громадный прямоугольный длинный зал, раньше

во всю длину этого зала стояли эсесовцы. Поднявшись по двум ступенькам, мы попали в просторный коридор, сразу направо была дверь в кабинет Гитлера. В кабинете мебели не было, стены голые, на одной из стен остался след от висевшего там орла, справа был большой камин.

В конце 1949 меня в качестве инструктора отделения информации перевели в комендатуру района Бад-Фрайенвальд земли Брандербурга. Я регулярно контактировал с функционерами партийных, молодежных и общественных организации. Здесь мы по два часа в день, час до работы и час после занимались немецким языком. Спустя некоторое время мне объявляют, что я направляюсь для продолжения службы в распоряжение отдела информации Советско-Германского акционерного общества «Висмут». И я отправился в Саксонию. «Висмут» занималось добычей урана и обогащением урановых руд. В начале 1954 года я был переведен для дальнейшей службы в Советский Союз.

Я был назначен на должность литературного сотрудника в дивизионной газете в 96-ю Гомельскую стрелковую дивизию, которая размещалась в Казани. Откровенно признаюсь, не очень мне нравилось работать в газете. Газета выходила каждый день и нагрузки были огромными. Но на мое счастье в конце лета 1956 года Н. Хрущев объявил о сокращении вооруженных сил СССР. Я подлежал увольнению в запас. Сейчас я состою в Совете ветеранов МВД, принимаю участие в патриотическом воспитании молодежи.

Валиуллин Гарифулла Валиulloвич

Родился 10 марта 1922 года в с. Урзагары Алькеевского района Татарстана, ветеран Великой Отечественной войны, рядовой стрелкового полка, имеет боевые награды: орден Отечественной войны, медаль «За боевые заслуги».

Быть такого не должно никогда!

Сколько горя и потерь принесла война нашему народу – миллионы вдов, сирот, матерей, потерявших на фронте своих детей – печальные итоги той войны. Даже не хочется вспоминать те годы, рассказывать о том, что пережил в то время. Мне пришлось видеть радости побед и пережить горечь отступления наших войск.

Мы входили в разрушенные, безлюдные города, зияющие огромными пустотами окон, провалами подъездов; поваленные здания с разбитыми стеклами. Мы стреляли по траурно-чёрным танкам и бронетранспортёрам, по чёрным крестам самолётов, по чёрной свастике, по немецким солдатам.

Я был призван на военную службу 17 июня 1941 года. Вначале нас собирали в лагере под Казанью, а потом отправили в эшелонах в Ульяновскую область, тут нам объявили – началась война.

Этот день остался в памяти на всю жизнь. Нам не дали обмундирование и оружие, голодные, не было даже воды. До Смоленска 300 километров преодолевали пешком, ночами, потому что вражеские самолёты постоянно бомбили поезда. Тысячи парней, даже не попав на фронт, получили ранения, погибли. Ох, и свирепым был враг, даже увидев одинокого солдата гонялись за ним на самолёте.

Я стал свидетелем такого случая. Над полем кружил немецкий самолёт. Он пикировал, набирал высоту, разворачивался и снова пикировал, рассыпая окрест пулёмётную дробь. Я посмотрел внимательно и увидел бегущего солдата. Когда раздавались очереди, тот падал на землю, а после пролёта самолёта вскакивал и стремглав бежал, куда глаза глядят. Помочь солдату было нечем. И мы с тревогой наблюдали за ним. Вот самолёт снова стремительно вниз, прозвучали выстрелы, и боец упал. Минут десять лежал неподвижно. Каково же было наше удивление, когда солдат поднялся, погрозил кулаком улетевшему самолёту и направился к нам.

А сколько нас погибло от голода, пока мы эти 300 километров прошли! Даже чтобы похоронить своих товарищей, не останавливались. Нас осталось семнадцать человек. Три дня пешком шли. До Смоленска осталось 50 километров. Нас за три часа обучили обращению с оружием и определили меня в 186-ю отдельную стрелковую бригаду. 25 июня 1941 года добрались до линии фронта. Тут же вступили в бой.

С большими лишениями дошли до Смоленска. Над нами пролетают эскадрильи, насчитывающие по 60-80 вражеских самолетов, вперёд рвутся фашистские танки. А у нас в руках несколько человек одна винтовка. Город разрушен, весь в огне. Мы расположились в северной части города. Постоянно идут бои. То в атаку поднимаемся, то, теряя товарищей, отступаем назад. Жестокие и беспорядочные бои продолжались долго. Они прекратились и после того, как фашистов вытеснили из города, потому что чуть ли не каждый подвал приходилось отвоевывать от гитлеровцев.

Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Смоленск.

*От рожденья земля не видала
Ни осады, ни битвы такой,
Содрогалась земля
И краснели поля,
Все пылало над Днепром-рекой.*

Потом были новые бои – уже в составе регулярных частей Красной Армии, были радости наших побед. Но эти первые дни Великой Отечественной войны никогда не сотрутся в моей памяти. До последних дней не забуду всего, что пришлось тогда пережить, нашего первого героического боя, подвига простого рабочего парня из Татарстана по имени Гарифулла. Светлой памятью и ярким примером для всех нас останется жизнь и героическая гибель моих сослуживцев.

Особенно хорошо помню бои у населённого пункта Заячья Гора. Наши солдаты поднимаются в атаку, а враг встречает их стеной огня. Смерть буквально косила солдат. В одной из очередных атак меня тяжело ранило – в ногу и в руку. В госпиталь недели добираться своим ходом. А там! Сотни тяжелораненых оставшихся бойцов, постоянные налёты вражеских бомбардировщиков. Сколько тогда погибло уже полуживых бойцов! Несколько раз я встретился со смертью, а бог меня миловал. За мужество и отвагу в этих боях я был награждён орденом Отечественной войны первой степени.

Часть, в которой я сражался, продвинулась до Днепра и заняла оборону южнее города Сафоново. Стрелковая рота, в которую попал наш отделенный, получила приказ захватить плацдарм на берегу противника и держать его до прихода основных сил. Для этого выбрали ещё днём более крутые берега, где враг меньше всего ожидал высадки десанта. Лодки причалили к намеченному месту, враг не заметил. На рассвете предприняли атаку. Передние ряды немцев, не понимая, откуда вдруг взялась эта атака на их фланг, дрогнули и побежали. Пули уложили десятки фашистов.

Потом начались бешеный обстрел маленького плацдарма. Вокруг разнеслись снаряды, мины, в воздухе появились самолёты с фашистскими бомбами.

Братни, назад ни шагу, – крикнул замполит. Все бойцы были готовы вступить в смертельную схватку. Ране-

ные тоже держали в руках оружие. Чтобы бить наверняка, фрицев подпустили близко. Открыли огонь из всех видов оружия. Немцы не выдержали, залегли. Многие из них залегли навсегда. Из противотанкового орудия был подбит один танк. Другой двигался вперёд, но связка гранат решила его участь: он закрутился на месте. Зажигательной бутылкой подожгли его.

Накал боя за плацдарм нарастал с каждым часом. Без непосредственной артиллерийской поддержки нам приходилось очень трудно. Дорога была каждая минута. Мы прекрасно понимали, что фашисты не остановятся ни перед какими потерями и попытаются, во что бы то ни стало сбросить нас в Днепр.

Немцев, которые пытались продолжать атаку, разили из пулемёта. Пулемёт наш работал безотказно: получайте, гады, за товарищей, кричали мы. Атака немцев захлебнулась.

После полуночи немцы начали обстрел, а утром фашисты пошли в атаку. Их было более сотни. А нас – чуть больше тридцати человек и два пулемёта. Через некоторое время по цепи врага забил миномёты. Тут же застрочили наши пулемёты. Но вдруг один пулемёт замолк. Я сразу же побежал к другу. Его голова безжизненно лежала на земле. Другой пулемёт яростно поливал свинцом наседающих врагов, за смерть погибших друзей мстил фашистам.

Шесть раз немцы атаковали плацдарм, но так и не смогли его захватить. Трое суток мы отбивали врагов, не отдыхая, не смыкая глаз. А подкрепления не было.

Немцы предприняли новую атаку. Мы смело приняли бой. Перебегая от одного места на другое, мы вели огонь из автоматов и пулемёта. Немцы дрогнули. Таким образом, мы освободили плацдарм. Боевую задачу по форсированию Днепра и захвату плацдарма с целью обеспечения переправы главных сил нашего стрелкового полка успешно выполнил.

Ещё очень хорошо помню бои под Полтавой. Нашему отделению поручили ответственное задание, от выполнения которого зависел успех батальона. На рассвете штурмовые группы при поддержке танков и артиллерии прямой наводки пойдут на штурм города. Наша задача: пробраться со стрелковым отделением к расположению врага и закрепиться в одном из домов. До определённого времени себя не выдавать. В назначенное время группа

собралась в путь. Маршрут проходил под землёй по канализационному каналу. Мы продвигались в темноте, воздух тяжёлый, пахнет гнилью, под ногами грязь и вода. Эти сотни метров казались целой вечностью. На каком-то повороте сержант остановил наше отделение. Все проверили оружие. Сержант осветил стенку фонариком и тихо произнёс: «Ну, ребята, ещё осталось пройти немного, и там выход». Лица у всех сосредоточенные, духота, по лицу текли капельки пота. Гвардейцы подошли к выходу, сержант дал задание каждому в отдельности. Мне предстояла сложная задача – пройти на чердак дома. Сержант сказал всем: «Огня не открывать, действовать ножами». По скобяным ступенькам поднялся солдат Пьянков (он родом был из Башкортостана), поднял крышку люка, но в ночной тьме не обнаружил ничего подозрительного. Где-то недалеко строчил немецкий пулемёт.

Отделение по-пластунски подползло к строению. Сержант приказал Пьянкову и мне занять место у подъезда. Мы успели подойти к выходу, и тут по ступенькам подъезда, грохоча подошвами ботинок, начал спускаться немец. В это время он получил резкий удар ножом в грудь, обошлось без шума. Убитого оттащили в сарай. Группа по ступенькам поднялась на третий этаж, и затем на чердак. Солдаты установили пулемёты, приготовили гранаты.

Долго ждать не пришлось. Наша артиллерия открыла мощный огонь. На небе показались три красные ракеты на восточной стороне и громкое раскатистое Ур-Ра-А! И наше отделение открыло огонь. Стали известны огневые позиции врага. Когда с нами начали строчить советские пулемёты, у немцев началась паника, начали разбегаться кто куда. А наши пулемёты из чердака вели огонь по бегущим немцам. Когда враг опомнился, уже было поздно. Штурмовые группы стремительно приближались к центру города, операция закончилась успешно. Командир полка объявил благодарность за выполнение боевого задания и перед строем вручил медаль «За боевые заслуги» всем участникам. Но, к моему сожалению, эта медаль у меня не сохранилась. После этой операции нам дали день отдыха. Кто получал письма, тот обязательно раз перечитывали, писали ответы. А я ни разу не получил письма. Потому что некому было писать: братья все были на

войне, родителей не было. Это было так больно. Не скрываю, много раз я лил слёзы за период войны.

Запомнились кровопролитные бои, когда мы освобождали от фашистов город Харьков. Превосходство в небе было за вражеской авиацией, поэтому мы несли тяжёлые потери. А город все же освободили.

Помню такой случай: наша часть проходила через одно село. Решили немного отдохнуть и постучались в дверь стоящего у обочины дома. Вышедшая навстречу нам женщина не хотела пускать нас в дом. А у самой трясутся руки. Нас охватило сомнение. Решили осмотреть дом вопреки несогласию хозяйки. Надо же, в подполье обнаружили четырех немецких солдат. Взяли их в плен.

В конце 1942 года враг начал отступать, мы освобождали одну деревню за другой. До сих пор вспоминается мне деревня под названием Дьякон или Дракон, точно не помню. Нам сказали, что до войны в этой деревне было 100 дворов. Враги сравнивали её с землёй, в живых не осталось ни одного человека. Рядом ещё одна деревня. Около ста местных жителей с детишками и стариками спрятались в подпольях домов. Когда мы их освобождали, увидел такую ужасную картину – молодая женщина убаюкивала и прижимала к груди мёртвого ребёнка, старуха с надеждой смотрела на нас испуганными глазами, а девочка лет десяти судорожно цеплялась за подол обезумевшей матери. Не выдержал я, громко заплакал. Сколько было таких несчастных людей. Война была жестокой и грубой школой, мы могли плакать от ненависти и могли радоваться по-детски весеннему косяку журавлей.

Помню такой смешной эпизод в начале 1943-го. Первый раз дрался с фашистами как мальчишка. Однажды заметил вражеский подбитый самолёт, из него прыгнули два парашютиста. Один, приземлившись, спрятался за бронепоездом, а другой – совсем рядом, за стогом сена. Я пополз к врагу, и сам не понял, как молниеносно кинулся на здорового мужика. Я был таким худым, полуголодным. Фашист ловко подмял меня и принялся душить, но меня выручили, чудом оказавшиеся рядом, свои. Этого пилота взяли в плен. Я очень радовался, что фашист попал в плен из-за меня. До тяжёлого ранения на счёту меня было уже много убитых гитлеровцев.

Зимой в феврале 1943 году под Харьковом, по общему сигналу командира мы дружно поднялись в атаку. Вражеские части дрогнули и начали отступать. Но вскоре положение ухудшилось, немцы начали атаковать. Видим, ползут на нас немецкие танки. Молодые бойцы, не выдержав натиска, бросились бежать. И я, что бы их остановить, встал во весь рост. Дальше не помню, что было. Очнулся в госпитале. Я был тяжело ранен, восемь месяцев пролежал в госпитале. Потом меня признали негодным к несению военной службы и демобилизовали. До конца войны оставалось почти полтора года. Вернулся в родную деревню Ургагары.

Война принесла много горя, бед и несчастья нашей стране. Она разрушила и разорила сотни городов и сёл. На войне погибли миллионы людей. Но наш народ выстоял и победил в этой страшной войне. Победил потому, что был до конца предан своей Родине. Миллионы людей ковали победу над врагом на фронте и в тылу. И вот наступил он – великий долгожданный день – День Победы! Этого праздника люди ждали 1448 дней.

Я в этот день был в поле, пахали землю. Сразу же все односельчане собрались около здания сельского совета. Председатель сельского совета поздравлял нас с Победой. Люди обнимались, плакали. Такое ощущение было, словом передать невозможно.

Каждый год в майские дни мы вспоминаем грозные годы войны, чтим память павших, кланяемся живым. Хотя прошло шестьдесят пять лет со Дня Победы, но время не властно над памятью людей разных поколений. Так получилось, что я из нашей деревни первым начал воевать и сейчас остался последним ветераном. Трудно рассказывать о войне. Пусть вам не доведётся увидеть такие ужасы. Мы хоронили верных товарищей, на всем пути видели следы фашистских зверств, встречали плачущих матерей, безутешных вдов, голодных сирот. Быть войны больше не должно. Быть её не должно никогда!

Вишневецкий Всеволод Владимирович

Родился 14 февраля 1921 года в г.Галич Костромской области, ветеран Великой Отечественной войны, связист, имеет правительственные награды: Орден Отечественной войны, медали.

Первый год войны

Когда мне был год, семья переехала в Казань, где прошло мое беззаботное детство. Первоначально я поступил в частную школу имени Самойлова, но после реорганизации всех частных учебных заведений меня перевели в школу №19 имени Белинского. Школу я закончил в 1939 году. Уже будучи учеником старших классов я точно знал, что пойду по строительной стезе. Поэтому с особой тщательностью я изучал инженерное черчение и даже делал чертежные работы на заказ. Летом 1939 года я сдавал вступительные экзамены в Казанский институт инженеров коммунального строительства (КИИКС). Их было аж двенадцать, но, несмотря на это за все дисциплины за исключением рисунка я получил отлично и поступил на строительный факультет.

В это время уже шла финская война. Прочился я сравнительно недолго, и 30 сентября 1939 года нас, молодых ребят, собрали в

актерном зале института, чтобы сообщить, что все военные льготы отменяются, и мы подлежим призыву. 15 декабря я получил повестку о призыве, через месяц я должен был явиться на призывной пункт.

Из-за этого я вынужден был досрочно сдавать зимнюю сессию. Особенно мне запомнился экзамен по химии, к которому я особенно тщательно готовился. Принимал его у меня строгий и требовательный профессор Горизонтов. Итак, сессия моя закрыта, обходной лист подписан, и я – солдат-призывник. На эшелоне нас привезли в город Кузнецк Пензенской области. В запасном пункте я прошел курс молодого бойца. А через четыре месяца, в апреле, нас отправили по частям.

К моей радости, наш эшелон приехал в Казань, где была уже создана 86-я Краснознаменная стрелковая дивизия. Я попал в батальон связи. Вернувшихся с финской войны солдат заменили новобранцами. В эшелоне нас отправили через Москву на запад в Литву. Шло присоединение Литвы к СССР. Сейчас говорят, что этот процесс шел насильственно, что это была «оккупация», а тогда жители деревень встречали нас хлебом-солью, и, как мне кажется, тогда никто не считал нас оккупантами.

После нас перевезли на Западную Украину. Около месяца наш батальон был в резерве, в это время мы дежурили по городу. Около двух-трех недель десять эшелонов солдат оставались на путях около Шепетовки, так как в Казани уже создали новую дивизию, а куда девать солдат старой решено не было. Позже нас направили в город Цихановец (Польша). В это время на расстоянии восьми километров от Цихановца находились немецкие войска. Там мы пробыли до начала войны: патрулировали границу.

Я хорошо помню события начала войны, бои 1941 года, самые тяжелые, отчаянные, кровопролитные бои, отчаяние солдат, вынужденных отступать, сдавая немцам родные города и села, помню многих боевых товарищей, своих командиров.

Нашей дивизией руководил полковник Зашибалов (к тому времени Герой Советского Союза за участие в Финской войне). 27 мая 1941 года всех, кто имел законченное среднее образование, вызвали в штаб. Нас направляли на курсы младших лейтенантов. Мы поехали в город Могилев, что расположен на Днестре (Белоруссия).

5-8 июня 1941 года начались занятия, проводились топографические учения. 22 июня после ночных тренировок нам дали хорошенько выспаться. И утром, в десять часов по радио мы услышали обращение Молотова к народу о начале войны с фашистской Германией. Нам выдали оружие, гранаты, патроны и отправили нашу дивизию в Могилев (штаб Западного фронта). Наша дивизия расположилась в заброшенной церкви на берегу Днепра. Тогда я был в звании ефрейтора. Еще засветло я осмотрел местность, церковь. Ночью совсем близко с нами кто-то выпустил три ракеты, одна из которых – с территории шелковой фабрики, перешедшей на выпуск военной продукции. Я потратил много времени для того, чтобы найти врага, засевшего рядом с нами, и даже обнаружил ракетницу, рядом с которой были его личные вещи. Однако в это время он спустился по веревке вниз, где и был пойман нашими солдатами. Немецкий лазутчик был одет в форму десантника и носил погоны младшего лейтенанта.

На реке Друть мы были в обороне. В это время даже был такой случай, что из воздуха нам сбросили обращение к солдатам. Появились слухи о захвате Могилева немцами. Нашей же задачей было патрулировать город во время сильных бомбежек. Жители города спешно уезжали, оставляя все хозяйство незапертым. Магазины, лавки – все было открыто для прохожих. Так до конца июня мы пробыли в Могилеве. Потом нас отправили в Сердопск (Пензенская область). Там мы сдавали экзамены, я стал младшим лейтенантом.

После был отправлен в действующую армию и был назначен в 57-й батальон связи в город Калинин (Тверь). В то время батальон только формировался, и мне было поручено сформировать роту. Рота была сформирована, обучена и переведена в мигаловский гарнизон. За это нас с политруком премировали и мне дали внеочередное звание лейтенанта.

13 октября в два часа ночи меня поднял дежурный по части и доложил о приказе вывести батальон в город Бежинск к восьми часам утра. К тому времени город Ржев был занят немцами. Во второй раз мне пришлось видеть, как оставляют город. Я погрузил всю спецтехнику и личные вещи солдат на танки батальона десантников, присоединившихся к нам, и поручил заместителю руководить пешей колонной, а сам поехал в мигаловский гарнизон.

В Торжке горели склады боеприпасов, штабелями лежали авиационные бомбы. На окраине города по машине открыли огонь. К счастью, мы с водителем не пострадали и скоро смогли догнать пешую колонну. После небольшого отдыха в селе Кушалине к утру мы достигли Беженска. Через два месяца после освобождения Калинина нас перевели в город Старица. Во время же взятия Калинина 15 декабря 1941 года я заработал легкую контузию. Мы оказались оторваны от основных сил. Во время очередной бомбежки я побежал к солдатам, как внезапно меня накрыло взрывной волной. После этого я около двух недель пролежал в гарнизоне, но молодой организм быстро восстанавливается, и вскоре я вернулся на боевые позиции.

Я воевал долго, до самой Победы, участвовал в Курской битве, в прорыве блокады Ленинграда, в освобождении Польши, штурмовал Берлин.

Отдельная рота связи в составе гвардейской истребительной авиационной дивизии была удостоена звания гвардейской. Мне особенно запомнился торжественный момент вручения подразделения (на правах отдельной части) Гвардейского знамени.

После войны окончил в 1951 году Казанский институт инженеров гражданского строительства (первый послевоенный выпуск).

Работал главным инженером строительного треста N 2, с 1961 г. вернулся в КИСИ, работал в должности доцента, декана строительного факультета, заведующего кафедрой.

Гараев Динмухамет Нуриевич

Родился 25 марта 1921 года в деревне Тат. Тансар Кадралинского сельсовета Агрызского района Татарский АССР, ветеран Великой Отечественной войны, разведчик, партизан, имеет боевые награды: ордена Отечественной войны, медали «За отвагу», «Партизан Отечественной войны».

Партизан Великой Отечественной войны

28 мая 1941 года я был призван Арским РВК Тат. АССР в ряды Красной Армии, с 25 июня по 19 августа 1941 г. воевал в районе г.г. Жлобин, Бобруйск, Ргачев, ст. Халич, ст. Султановки. В районе ст. Султановки наша часть оказалась в окружении. 19 августа я попал в плен, был в немецких лагерях в Могилеве, Орше, Борисове. Бежал из плена вместе с товарищами – всего нас было 9 человек, в партизанский отряд 4 апреля 1942 года.

С 4 апреля 1942 года по 28 мая 1942 года действовали отдельной партизанской группой, 28 мая 1942 года присоединились к партизанской бригаде «Бати», где командовал подполковник Бойко Василий. Действовали в районе Витебской области по 28 сентября 1942 года.

28 сентября 1942 г. бригада «Бати» пошла за линию фронта в советский тыл, мы с группой из четырех человек присоединились к партизанской бригаде К.С. Заслонова, где по июль 1943 года я служил рядовым партизаном.

С июля 1943 г по ноябрь 1943 г. служил в должности командира взвода в отряде им. Чапаева. С ноября 1943 г. по июль 1944 г. – командир роты при том же отряде во 2-ой партизанской бригаде им. Героя Советского Союза К.С. Заслонова, действовали в Витебской, Смоленской и Минской областях.

Война для меня началась с призывной комиссии, в конце мая 1941 года в поселке Арск. Меня определили во взвод управления третьего дивизиона разведчиком-корректировщиком. Через три дня занятия со стереотрубой, старший сержант проверил практическое умение засекать падения снарядов дальнобойной 152 мм орудия и признал обученным...

Утром 15 июня мы выехали обратно в часть – в г. Самару. По ночам грузили эшелоны боевой техникой: горючее, тягачи, орудия. Объясняли нам, что предстоят маневры войск Приволжского военного округа на территории Белоруссии с войсками Западного особого военного округа с 25 июня 1941 года.

Утром 18 июня нас погрузили в «теплушки» – грузовые вагоны и при строжайшей секретности, отправили в Белоруссию. Вагоны снаружи опломбировали, горячую пищу подавали в термосах только на полустанках.

В 11 часов 30 минут 22 июня прибыли в г. Орел. В 12.00 слышали выступление Молотова о начале войны. Мы, молодые, начали петь патриотические песни, в памяти осталась песня «Если завтра война, если завтра поход...».

В 23 часа вдруг завывли сирены, по небу засветились лучи прожекторов, застучали зенитки, начался воздушный налет фашистской авиации на станцию. Наши вагоны были закрыты. Мы выломали нары, кто-то пытался двери сорвать, выбили люк вагона, кто-то вниз головой из вагона, кто-то ногами падает из люка, паника полная. Из нашего вагона никто не погиб, а где ехали запасники, призванные на 45 дней, потери составили 30-40 %.

После бомбежки нас собрали и отправили назад из Гомеля до станции Новобельцы. Выдали винтовку-трехлинейку, каску, проти-

вогаз и раздали «пропуск на тот свет» – пластмассовые пеналы. На полоске бумаги записал сведения о себе: 21 армия, 546 корпусной полк, 3 дивизион, 8 батарея, разведчик на стереотрубе Гараев Динмухамет Нуреевич. ТАССР, Агрызский район, дер. Тат. Тансар Гараева Гелмибаян Набиулловна (моя мама).

Повезли нас на запад, мы оказались примерно в 60 км западнее Могилева, где немцы сбросили десант. Нас развернули в цепь, мы залегли напротив рощицы. Командиры дали команду «Огонь», мы начали стрелять в сторону рощи, хотя врага мы не видели. Оттуда открыли встречный интенсивный огонь из автоматического оружия. Когда из рощи перестали стрелять, командиры объявили, что с десантом покончено. Может быть, на самом деле было так...

Мы снова сели на машины, не проехали и 20 км, опять немецкий десант. Немцы в наглую наступали, часто пьяные, стреляя из автоматов от «живота». Должен заявить – мы не драпали, не бежали, а отступали из-за превосходства техники, живой силы немцев. За каждый клочок земли дрались, паники, как описывают, не было. Но немцы были сильнее, опытнее, и вооружены лучше.

Был и в рукопашном бою... Страшное зрелище. Так, наверное, деды сходились в ратном поле. Действия не подчиняются сознанию. Кто лопатой дерется, кто колет штыком, кто стреляет в упор, нож – «финка» в этом деле всегда нужная вещь. Прямо как у Владимира Высоцкого: «Руби, коли, а лучше бей ножом, он надежнее и тише...» Когда я ударил прикладом автомата Дягтярева по голове немецкого солдата, деревянный приклад в щепки, а из головы врага вывалились мозги. Меня два дня после этого тошнило...

В первой декаде июля 1941 года мы отступили до Днепра. Очень тяжелые бои шли у городов Жлобин, Ргачев, Бобруйск. Жлобин несколько раз переходил из рук в руки. Однажды у моста через Днепр я сидел на сосне и вел корректировку огня нашей батареи. Среди отступающих колон пехоты я заметил нашего деревенского председателя сельского совета. Я начал кричать: «Ахмат абый, Ахмат абый!». Действительно, это был он. Когда он по ранению вернулся в деревню, моей матери сказал, что видел меня, и что все мы там погибли в неравной схватке с врагом. Мать не поверила, ходила по гадалкам, в военкомат, где ей отвечали,

что я без вести пропал. Только получив одновременно более 10 писем от меня летом 1943 года, она успокоилась.

После 9 августа 1941 года, начались перебои с боеприпасами, нет солянки, керосина для тягачей. Оказывается, мы попали в окружение. Штаб 21-й армии находился в Гомеле и успел эвакуироваться. А нам оставалось взрывать орудия или закапывать в землю казенную (затворную) часть от них, чтобы враг не смог воспользоваться им. Наш 3-й дивизион в пешем порядке, начал организованно пробираться на восток, к линии фронта.

15 августа просыпаемся в лесу, командиров наших нет, остался с нами только младший лейтенант. Командиры бросили нас, и ушли одни. К этому времени нас оставалась человек 70. Младший лейтенант взял командование на себя и нас повел на восток. Мы сохранили свое оружие, я кроме винтовки и патронташа, еще нес стереотрубу весом 12 кг.

16 августа мы подошли к Днепру. Под большим дубом на берегу зарыли красноармейские и комсомольские билеты, разделись, взяли оружие и поплыли на тот берег. Многие утонули, на берег выбрались только 42 человека. В лесу нашли брошенный обоз, оделись в красноармейскую форму.

18 августа вечером, при переходе шоссейной дороги нас обнаружили немцы и обстреляли. Я был ранен в левую ногу в области икры. Хоть и рана была сквозная, сильно кровоточила и мешала идти. Младший лейтенант разбил нас на десятки и приказал самостоятельно выходить из окружения.

19 августа, при переходе недалеко от Гомеля через речушку, наша группа попала в засаду полевой жандармерии, толком не смогли даже оказать сопротивление и оставшиеся в живых 6 человек оказались в плену.

Нас привели, сначала, в пересыльный лагерь на станции Юшково, а к вечеру доставили в лагерь для военнопленных в городе Могилеве. Мы встретили тут и наших командиров, командира дивизиона и командиров батарей в солдатских гимнастерках. Лагерь был огорожен несколькими рядами колючей проволоки, снаружи ходили часовые, но по ночам ток не пускали.

Местное население подходило к лагерю и по возможности перекидывали для нас караваи хлеба. Обезумевшие пленные от

голода, буквально, дрались меж собой за крошку хлеба. К нам подошел пленный солдат средних лет и сказал, что он из Могилева и его жена должна подойти к ограде и бросить хлеб в его сторону. Нас набралось 15 человек, которые еще были в силе и начали ждать у колючей проволоки. 21 августа, в обед, жена того пленного, на самом деле, подошла и улучшив момента бросила каравай в нашу сторону. Все мы бросились на каравай, образовалась «куча мала», хлеб можно сказать нам не достался, но, оказывается, внутри были ножницы по металлу. Стали ждать ночи, подползли к проволоке и начали ее осторожно резать, выбрались на ту сторону и побежали на север, слышали выстрелы, собачий лай, оказалось, что оставшиеся пленные пытались бежать, но охрана их заметила и открыла огонь.

Мы всю ночь бежали, сколько хватило сил, и под утро оказались в овраге. Солдат из Могилева сказал, что он принесет еды. Ближе к вечеру он появился с четырьмя караваем и большим ломтем сала. Рассказал, что он еврей, здесь у него семья, жена, дети, что соскучился по ним, отдохнет неделю дома и тоже будет пробиваться к фронту. Он ушел, и еще из группы 6 украинцев решили домой заглянуть. Оставшиеся 8 человек, вооружившись найденным оружием (в местах боев их было предостаточно, много было в лесах брошенных обозов) начали двигаться на восток, к линии фронта. Шли обычно ночью, обходя селения. Через десять дней еда закончилась, и пришлось свернуть в селение. Подошли к крайнему дому, заходим, дома старик и старуха. Мы спрашиваем, есть ли немцы в деревне, отвечают, нет, просим накормить. Старик вытаскивает из шкафа большой каравай, сажает нас за стол и говорит старухе, иди мол, в погреб, принеси простокваши. Мы сидим, мирно хлеб едим и не заметили, как старуха привела немцев. Снова мы попали в плен в Дубровинском районе Смоленской области. Деревня находится на границе с Оршанским районом Витебской области (от Смоленска 100-120 км., от Орши 30-40 км.). Оказывается, мы зашли в дом переселенным кулакам, но больше в Белоруссии такого предательства я не встречал.

Увезли в Оршу в пересылочный лагерь. Утром нас построили в колонну по десять человек, и каждому ряду начали давать по 2 буханки хлеба на дорогу. Я был крайней и мне одну буханку

дали, а вторую, пленный с белой повязкой на рукаве, забрал себе, я пытался возмутиться и тут же получил удар по голове дубинкой. Меня бессознательного, ребята из нашего ряда вели под руку 25 км, до станции Коханова, между Оршой и Толочиной.

Кохановский лагерь военнопленных был недавно организованный, находился в центре села, на месте картофельного поля. Ограждение представлял ряд колючей проволоки. Со мной в этом лагере оказался учитель истории из города Орла, с которым бежали из первого лагеря. Вот с ним и решили, что надо срочно бежать. Решили бежать на север, где нет больших шоссежных дорог. Ночью проползли до колючей проволоки, сделали лаз. Наша группа из 9-ти человек бежали всю ночь на север. Ночью пересекли шоссежную дорогу Минск – Москва. Вооружились, построили шалаши, начали жить в лесу. Собирали оружие, нападали на отдельные легковые машины, добывали сведения о расположении немецких частей, устраивали засады на дорогах.

В феврале 1942 года решили навестить агентурную разведку, которая жила в 5 км от Орши в деревне, куда должны были доставить разведданные, и пополнить запасы соли, в лагере соль заканчивалась. Когда на лыжах проходили около одной деревни в 7 километрах от нашего лагеря, заметили, что в деревне немцев нет, и топится баня в огороде. На обратном пути ребята устали, и решили выспаться в теплой бане. Окно бани смотрело в сторону деревни, то ли кто-то чиркнул спичкой, то ли закурил. Нас разбудили немцы прикладами. Оказывается, после нас, в деревню явились полицаи с немцами и остались ночевать. Немцы и заметили в бане огонек. Нас до полусмерти избили. Утром повезли в волостную управу, где допросили и повели за околицу расстреливать. Заставили выкопать большую яму. Мы уже между собой простились, как из управы прибежал немецкий солдат, и нас повели в управу. Снова очень сильно избили и на санях доставили в Борисовский концлагерь. Повезло, что все мы были в армейской форме и на вопрос «Что мы здесь делаем?», отвечали, что выходим из окружения. Две недели в концлагере я был без сознания. Когда очнулся, то увидел одноклассника из Агрыза, Мазитова Халика. Он меня узнал и выходил. Когда я начал ходить, мы с Халиком начали подходить к воротам, откуда немцы забирали на работу.

Бежать из лагеря не было возможности. Раньше здесь было танковое училище, высокие кирпичные стены двухметровой высоты, а наверху колючая проволока, по которой по ночам пропускают электрический ток. С Халиком два раза ездили на работу на аэродром для чистки взлетной полосы от снега, но убежать не было возможности....

И вот наконец 4 апреля 1942 года, в субботу, когда грузили в карьере около местечка Озерцы песок на автомашину, убив конвоира, организованно убежали (группа в количестве 9 человек) из плена.

Дальше я воевал в партизанской бригаде, сначала рядовым, после – командиром.

Гаранин Павел Алексеевич

Родился 8 января 1924 года в с.Алексеевское Республики Татарстан, ветеран Великой Отечественной войны, участник Курской битвы, радиотелеграфист, имеет боевые награды, в числе которых Орден Красного Знамени, Орден Отечественной войны, медали «За отвагу», «За боевые заслуги».

«Танцы под Гаранина» (Воспоминания радиотелеграфиста)

Я родился в 1924 году в семье бедняка, закончил Алексеевскую неполную среднюю школу. Время тогда было бурное, все стремились получить какую-нибудь видную рабочую профессию. Началось комсомольское движение – на учёбу в ремесленные училища. И я по комсомольской путёвке поехал учиться доменному делу в далёкий украинский городок Краматорск.

Шел 41-й год. В апреле я закончил учебу, и тут повстречал своего товарища Владимира Свистунова, который родом был из деревни Большой Красный Яр нашего района. Я получил специальность слесаря по доменным печам, а Володя – сталевара. Начали работать: Володя варит чугун, я тружусь на кауперах,

доставляю газ в доменные печи. Однако проработали мы недолго. Как-то собирает нас директор завода и объявляет, что фашисты напали на нашу родину – сообщение об этом мы уже слышали по репродуктору. Немцы бомбили наши города и сёла, вступили на нашу территорию, продвигаются вглубь нашей страны. Завод надо было эвакуировать на восток. Мы с Володей стали помогать снимать станки и всё, что было ценное на заводе, а затем грузили оборудование в вагоны и на платформы.

Через некоторое время немецкие самолёты стали делать налёты на Краматорск. Время шло. Мы с Володей посоветовались и решили с товарными поездами ехать домой – в Татарию, чтобы не остаться у немцев. Так и сделали. До Казани добирались около двух месяцев – без хлеба, без продуктов. Промышляли на рынках: воровали картофельные лепёшки у зажиточных торговцев, разгружали на станциях какие-то ящики за тарелку похлёбки – мы же были мальчишки, голодные, как собаки... Кое как добрались до своего Алексеевского. До чего намотались, кто бы только знал. Володя уехал в Красный Яр, я остался дома.

В разгаре был первый год войны. Мне идёт 17-й год, прислали повестку из райвоенкомата, чтобы я прибыл на приписку и встал на учет. Нас стали учить обращаться с оружием. До призыва в Советскую Армию я работал в артели «Ударница» машинистом на двигателе внутреннего сгорания. В апреле 1942 года ушёл на фронт.

Несколько месяцев нас обучали в Гороховецких лагерях, в августе того же года по комсомольской путёвке отправили в составе 137-го стрелкового полка на Северо-Западный фронт под город Старая Русса. Шли ожесточённые бои. Наша часть понесла большие потери, меня перевели в 159-й артиллерийский полк 33-й артиллерийской бригады резерва Главного Командования. Наша часть всегда перебрасывалась на момент прорыва обороны противника. При штабе бригады я окончил курсы радиотелеграфистов и с этого времени стал обеспечивать связь для артиллерийской разведки, всегда находился на переднем крае вместе с разведчиками.

В начале 1943 года нашу бригаду в составе шести полков переправили в г. Москву на переформировку, где пополнили

личным составом и техникой, а затем эшелонами отправили на Курско-Белгородскую дугу, так как немцы там готовили крупную операцию. Мы встали в оборону в 60-ти километрах от города Белгорода. Орудия и технику закопали в землю и замаскировали. Засекли огневые точки противника, потихоньку вели пристрелку. Взяли языка – немецкого офицера, который сообщил, что завтра, по приказу командования, начнётся генеральное наступление немцев. К отражению танков и пехоты противника мы были готовы.

И действительно: данные взятого в плен языка подтвердились, кроме того, подтвердились и сведения разведки пехоты и разведки нашей артиллерии. Только немцы не на другой день пошли в наступление, а на второй. В четыре часа начали артиллерийскую подготовку, особенно сильно обрабатывали передний край, то есть пехоту и мелкую артиллерию. Нам тоже попало: у нас снесло наблюдательный пункт, но хорошо, что пострадал только один человек, который наблюдал в стереотрубу, остальные следили за действиями противника из укрытия. Артподготовка немцев шла долго, наши же разведчики засекали цели и наносили на карту. Связь телефонная была вся нарушена, и вот уже мы, радисты включились в радиосвязь.

К нам на наблюдательный пункт прибыл командующий генерал Конев, который стал непосредственно по радио руководить уничтожением вражеских войск. Командиром у нас тогда был полковник Штейн, которому было приказано вывести два полка на прямую наводку и уничтожить танки. Немцы пошли в наступление. Двинулись танки, и очень много. Наша артиллерия расстреливала их, как из ружья. Но немцы прут, а за танками пошла пехота автоматчики. Комбриг приказал по рации потихоньку пушки отводить назад, чтобы не достались немцам. Так и делали. Мы потихоньку отходили, но сильно продвигаться не давали, так как уничтожали танки и живую силу противника. Но все же нам пришлось на этом участке немного отступить.

Так продолжалось несколько дней и ночей. Фашисты стали выдыхаться, на полях лежали тысячи убитых немцев и сотни разбитых танков и орудий. Гитлеровцы встали в оборону. По приказу маршала Конева по рации сообщили, чтобы командиры

частей прибыли на наблюдательный пункт, где он всем поставил какую-то задачу.

Рано утром началась артиллерийская подготовка наших войск. Горела земля. Немцы сначала молчали, а потом стали огрызаться и тоже потихоньку постреливали. Кончилась артподготовка, наши танки и пехота пошли вперёд, прорвав оборону противника: началось генеральное наступление наших войск. Немцы были ошеломлены таким напором и стали отступать, бросая технику и тысячи убитых солдат и офицеров. Из-за недостатка горючего они бросали танки целыми, или сжигали сами. Мы с радистом Лёшей Ивановым из Москвы всегда были впереди с разведчиками нашей бригады, передавая данные о противнике. Бои были очень сильные, но всё же, через два или три дня, сейчас точно не помню, наши войска взяли город Белгород. За эту операцию меня наградили орденом Красной Звезды, а моего напарника – медалью «За отвагу».

После прорыва обороны противника нашу часть перебрасывают под город Обоянь, после Обояни – на Сумы, и так мы продолжаем наступать на запад к городу Ромны, приближаемся к Днепру. Вот здесь-то нам, разведчикам и радистам, досталось! Что интересно: у реки Днепр западный берег крутой, немцам как на ладошке видно, что мы делаем на противоположной стороне. Началась группировка наших войск на форсирование Днепра. Нашу бригаду поставили на узком месте реки, где мы должны сыграть решающую роль при форсировании.

Сейчас число не помню, но ночью нас, разведчиков и радистов, на плоту переправили на ту сторону, и мы залегли. С нами переправилось много людей и из других частей. Разведчики ушли вперёд. Связной нам передавал данные, а мы с Лёшей Ивановым передавали их нашему штабу бригады.

Нам один день показался за год, что только творилось, как занимали плацдарм... И вот по сообщённым координатам грянула наша артподготовка. Началось форсирование Днепра. Переправлялись в основном ночью, так как днем немцы в ход вводили авиацию и не давали нормально переправляться. Захватив небольшой плацдарм, начали переправлять танки и орудия. Через несколько дней заняли город Белая Церковь. В ознаменование

этого события нашей бригаде было присвоено звание «Белоцерковская». Нас с радистом Лёшей наградили: меня – медалью «За отвагу», а Лёшу – медалью «За боевые заслуги».

Дальше наша часть участвовала в боях на знаменитом Сандомирском плацдарме, где особенно отличилась: нашими орудиями было уничтожено много танков и живой силы противника.

Особенно мне помнится танковый бой под деревней Прохоровка, где наша бригада принимала непосредственное участие в разгроме немецких танков «Тигров» и «Пантер».

Тысячи единиц бронетехники пошли в наступление. А в противовес им двинулись на них тысячи наших танков «Т-34». Начался страшный танковый бой. Теперь, что решает наш командир бригады – он выводит на прямую наводку наши пушки калибра 152мм, а сам по рации командует: «Прямой наводкой по танкам и самоходкам бить беспощадно!». И началась карусель. Немцы думают, что «Тигры» горят от наших танков, а по ним бьём мы из орудий. Эти танки немцы считали несгораемыми, но комбриг приказал бить по бокам и гусеницам, и они горели, как спички. Бой длился долго, фашисты не выдержали и начали отступать. Творилось страшное, кто бы только видел.

За участие в той операции, за отличную связь меня наградили медалью «За боевые заслуги», такой же медалью наградили моего радиста Лёшу Иванова.

Далее наша бригада участвует в разгроме злочевской группировки немцев. Под городом Злочев было окружено шесть немецких дивизий, и нашу бригаду на прорыв бросили туда. Эта операция длилась порядочное время. А что получилось? У немцев было очень много танков, но горючего не было. По приказу командования они слили из одних танков в другие горючее и пошли на прорыв. Но наша бригада дала им такой отпор, что они и опомниться не успели. Кольцо было сжато, и фашисты разгромлены.

Так продвигаемся с боями на запад. Через Карпаты пересекли границу и перевалили в Чехословакию. Как помню, вошли в Моравскую Оставу и продолжали наступать дальше. Затем нашу часть перебросили в Германию. Мы вошли в город Гёттеборг, что в Южной Силезии, и в это время война окончилась.

После войны меня сразу не демобилизовали, мы вели борьбу с бандеровцами, которые были еще хуже немцев – убивали наших солдат из-за угла. Да, два года ещё служил в Германии, и только в 1947 году вернулся на родину в р.п. Алексеевское.

За участие в Великой Отечественной войне, и за последующую службу в органах МВД имею десятки правительственных наград.

Дорога мне еще одна, необычная награда. В мирной жизни и на войне я был не плохим баянистом, и меня премировали гармошкой за «участие в Великой Отечественной войне».

Как не удивительно, у меня даже есть справка об этой своеобразной награде. С этим баяном я сопровождал задушевными переборами танцевальные вечера, не забывая указывать в афишах: «танцы под Гаранина».

Гарипов Мухаметшариф Гарифович

Родился 5 декабря 1927 года в деревне Новые Чути Бавлинского района Татарстана, ветеран Великой Отечественной войны, рядовой, награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

* * *

Когда началась война, я учился в 6 классе. Помню, наш учитель Муллоян абый Рафиков сказал, что в этой войне придется участвовать и нам. Он знал, насколько силен враг, и что война продлится так долго. А мы думали: «Как так, мы ведь еще ученики».

Утром 22 июня 1941 года мы ловили рыбу на речке. В какой-то момент услышали, как нас позвали: «Идите домой, дядя уезжает, война началась». Когда мы вернулись в село, увидели, что все побросали свои дела и направляются в клуб. Он был переполнен людьми. В центре сидел надевший наушники заведующий клубом Мугин абый Хуснутдинов. Он пересказывал людям обращение министра иностранных дел В.Молотова о начале войны, о том, что враг захватил многие советские территории, разрушены города и села.

А дядю Хабибрахмана Тахавиева забирали в армию так. 19 июня он, летчик, капитан приехал в отпуск. Когда началась война, с места его службы – Новороссийска пришла телеграмма о срочном возвращении. Дядю отвезли на лошадях в Абдулино. Все это было на наших глазах, вся деревня его провожала.

До осени 1943 года мы участвовали во всех работах колхоза. Почти каждый день кто-то уходил на войну. Горестные последствия войны не заставили себя долго ждать. С фронта приходили вести о том, что кто-то сильно ранен, кто-то пропал без вести. Вскоре пришли и письма с «черной печатью».

Робят 1926 года рождения 7 ноября 1943 года провожали матери, девушки и мы, родившиеся в 1927 году. Было неизвестно, когда закончится война, настанет Победа.

Раненые и вернувшиеся с войны фронтовики руководили весенне-полевыми работами. И сбор урожая, и уход за скотиной – все было на нас. С питанием было плохо, в округе почти не осталось

пригодной для пищи травы, а весь урожай до последнего зернышка отвозили на элеватор. Закон был жестким, за хищение — тюрьма.

Мы жили девизом «Все для фронта! Все для Победы!». Разговоры о военных действиях запрещались, как сегодня помню плакат, что висел в сельсовете: женщина, коснувшаяся пальцем губ, и надпись «Болтун — находка для шпиона». Когда враг подошел к Сталинграду, некоторые люди тайно желали победы Германии. Мы слышали эти разговоры и понимали, что это противники советской власти.

Будучи очень молодыми, мы мечтали о скорой Победе. Но было видно, что до нее еще далеко. Нас, 17-18-летних ребят, забрали в Красную Армию в ноябре 1944 года. Мамы, целуя нас, благословляя, приговаривали: «Какие же вы еще юные, возвращайтесь живыми — здоровыми!»

В ноябре 1944 года я был направлен в город Инзу Ульяновской области в 56-ю стрелковую дивизию, где готовили младший командирский состав. Командиром второй роты первого батальона был Герой Советского Союза капитан Борисов. Мы должны были пройти курсы подготовки командиров.

Начались занятия, во время вечерней перекички мою фамилию не называют. Так прошло 3-4 дня. Некоторые товарищи шутили: «Уезжай домой, твоего имени здесь нет». Я обратился к старшине роты Исаеву, просмотрев список, мы остановились на фамилии Хайруллин, выяснив, что во время перекички никто на нее не откликнулся. Так я стал Хайруллиным. Комсомольский билет, выданный на имя Мухаметшарифа Гариповича Гарипова, забрали, сказав, что выдадут новый, но к этому времени мы уже уехали. Фамилия отца была Хайруллин, иначе говоря, деда звали Хайрулла. Под этой фамилией я прослужил 7 лет. Перед окончанием войны меня вновь приняли в комсомол.

В этой части нас продержали недолго, в декабре пришли «покупатели» и нас, 1200 татарских ребят, отправили на западный фронт. С нами поехали и командиры, которые должны были вернуться, но им этого сделать не дали. Мы долго тряслись в товарных вагонах. Днем не ехали, стояли на станциях. В начале 1945 года мы три дня простояли на Северном вокзале Москвы. Дали искупаться в бане, «прожарили» одежду, а то на коже всякое начало выступать...

Накормили горячим, которого у нас давно не было. В это время все окна в Москве были замаскированы, дневного света через них нельзя было увидеть. Где-то числа 10-15 мы снова поехали на запад. Выезжая из Москвы, услышали, как дали салют. Командиры нам объяснили, что это в честь освобождения какого-то города.

Однажды остановились на месте, где ранее стоял город Вязьма, теперь здесь были одни руины. Нас отвели в каменный дом, накормили, и вновь в путь. Ехали по ночам, а на рассвете, когда уже светлело, видели вдоль дороги сгоревшие танки, перевернутые пушки. Теперь мы, по сути, дети, начали понимать, куда едем. Среди ночи поезд остановился. Что-то вроде вокзала. На доске, на которой вывешивают газеты, при свете свечи увидели «Советскую Литву» и поняли, где мы. 600 солдат были высажены с поезда, а остальных повезли дальше.

Пройдя пешком 6-7 километров по ночному сосновому лесу, на рассвете дошли до казарм, что стояли недалеко от Немана. Расположились мы на «постели» из бревен, толщиной 15-20 сантиметров, покрытых соломой и накрытых брезентом. Спали мертвым сном. Подъем. Оглядываемся, куда же нас привели. За метров 40-50 от нас течет бурный Неман. Распределили по ротам и отделениям, повели по обозначенным местам в лес. Выбиваться из ряда нельзя, так как идем только по расчищенным от мин тропам. Холодно так, что в палатке хлеб замерзал, умывались только холодной водой, а еду привозили (наверное, была походная кухня).

На третий день, после тактических занятий (нас учили орудовать штыком) выстроили в строй. Один довольно молодой майор стал расспрашивать, у кого сколько классов образования, состоим ли в комсомоле и другое. Выбрали из строя 23 человека и повели по лесной тропинке. Пройдя 8-10 километров, мы разместились в деревянных казармах с перебитыми стеклами. Здесь раньше жили литовские солдаты. Нам объяснили, что мы находимся в 30-40 километрах от фронта. Таким образом, был сформирован 83-й запасной артиллерийский полк особого назначения 1-го Балтийского фронта. Начали жить военной жизнью. По ночам стоим на посту, слышно как недалеко разрываются снаряды и звук, похожий на стон земли, доносится грохот поездов,

что везут на переднюю линию оружие. Командиром нашего полка был подполковник Пыршин, а командиром батареи – капитан Рахимбаев. Солдат, приехавших раньше нас, мы ночью провожали на переднюю линию. И в это время я встретил своего односельчанина, Мирсаита Лутфуллина.

Начали ходить в караул. Стояли на посту у военных объектов, оружейных складов, водных источников, грузили снаряды в машины и отправляли на переднюю линию. Однажды стоим на посту – я и парень из Сармановского района Салим Хайруллин. Я у колодца, он у бани, расстояние между нами небольшое. Где-то в час ночи послышалось пение, оказалось, что солдат отправляют на переднюю линию. Вскоре в темноте кто-то появился. Мы спросили у него пропуск и приказали не трогаться с места. Направив на него ружья, повели его в караульную землянку. Начальником караула был старший лейтенант Малышев, мы сдали его ему. После караула во время вечерней переклички нас вывели из строя. Командир дивизии при всем строе объявил благодарность Хайруллиным Шарифу и Салиму, сказав, что мы проявили отвагу. Оказалось, что это был дезертир.

Чего только не пришлось пережить. Нам тогда было по 18 лет. С нетерпением ждали окончания войны, Победа приближалась.

Мы участвовали в освобождении Литвы, Латвии (Шауляй, Тельшай). Во второй батарее я был наводчиком. Проводились усиленные учения, каждый день вставали по тревоге, по стрельбе наша батарея заняла первое место.

За полковыми стрельбами наблюдали генералы, о нас тогда написали во фронтовой газете «За Родину!», опубликовали фотографии. Командующий И.Х.Баграмян при всем строе высказал нашему расчету благодарность.

Командир батареи капитан Рахимбаев был дважды кавалером Орденов Красного знамени, воевать начал еще на озере Хасан. Он нам говорил: «Вы, мусульмане, будьте всегда примером, хорошо изучите устав». Артиллерийские термины переводил на татарский язык. Ведь до этого слова прицел, шкала, угломер были нам не знакомы. Поэтому мы и смогли взять первое место.

Победу встретили в Восточной Пруссии. 9 мая 1945 г. ночью меня отправили за Рахимбаевым, они спали в другом месте.

Я разбудил их криком «Тревога!», и побежал обратно. К моему возвращению весь полк был на ногах, все стреляли в воздух. Так мы узнали об окончании войны.

Солдатам разрешили спать до 10 утра, в 12 часов отвели в столовую и угостили приготовленным в честь Победы обедом и фронтowymi 100 граммами. Выстроив полк, командир полка подполковник Пыршин, поздравив с Победой, обратился к молодым артиллеристам (в полку были ребята 1926-1927 года рождения): «Живы остались, ваше счастье, если бы война не кончилась, то 13 мая вы бы приняли участие в штурме Берлина».

Хоть война и кончилась, учения не прекратились. Была еще союзница врага – Япония. В свои 18 лет мы были готовы защищать интересы Родины и там.

Война закончилась, но еще не были вконец уничтожены банды, борьба против них не прекращалась еще долго.

В ноябре 1945 года наш полк расформировали и отправили в различных направлениях. С 1945 по 1951 год я проходил военную службу в Прибалтийском военном округе, работал в ремонтных мастерских, на военной базе системы «Смерш».

Служили, дружили, дедовщины в наше время не было, опытные бойцы всегда пытались помочь молодежи. Но были и неприятные, трагические моменты. Так солдаты Гомозов, Печенов были осуждены на 7 лет за кражу оружия. Не смогли мы узнать, за что Юрий Коротков из Ивановской области убил своего товарища Влада Ширяева из Калининской области. В ходе расследования он так и не сказал причину убийства. Поседел, сошел с ума и был демобилизован.

Часть у нас была многонациональная. Мои соседи по комнате: латыш Вольдемар Штейнс, армянин Анушаван Манацкян, узбек Ниязов, литовец Казановичус и другие. Были еще мордвин Поляков (из того же района, что и летчик Девятаев), удмурт Демин, башкир Сабитов. Как отец был нам русский старшина Гордеев. С представителями этих национальностей мы жили очень дружно, никаких оскорблений по поводу национальности не было. Это и благодаря тому, что наш замполит подполковник Чеканов вел большую воспитательную работу, иногда до 10-11 часов, и в различной форме. Мы его очень уважали.

Пришлось мне служить в очень красивом городе Кенигсберге (Калининграде). Говорили, что он разрушен на 75%, но я до сих пор помню красоту того, что сохранилось. А какие там прочные крепости (враг подготовился основательно)! Этот город бомбили союзники и наша авиация. 6 апреля 1945 года город был окончательно освобожден.

Здесь крепости носили имена русских генералов, а сейчас там, на улице Александра Невского стоит танк Т-34 в честь первого танка, вошедшего в город.

Приближалось время нашего возвращения домой. И сейчас вспоминаю, как исходил-исколесил всю Восточную Пруссию. Много видел. Старался потом применить в дальнейшей своей жизни то положительное, что там было. Хоть были и очень молодые, но побывали в тех краях, о которых и не слышали до этого. Свой долг перед Родиной выполнили с честью, оставшись верными воинской клятве.

24 апреля 1951 года из Калининграда поехал домой. Первого мая приехал в родную деревню, а там в это время шли весенне-полевые работы.

После окончания службы встал вопрос о дальнейшей жизни. В послевоенное время положение сел было тяжелым. Чтобы уехать куда-то, нужен паспорт, а его не выдают. В августе 1951 года устроился учителем рисования, черчения, физкультуры в новочутинскую школу. Нужно было получить среднее образование. В 1957 году заочно окончил школу искусств им. Н.К.Крупской в Москве, одновременно поступил учиться в Новошалинскую среднюю школу и успешно ее окончил в 1964 году. В 1963 году работал секретарем парткома совхоза, был пропагандистом.

Проработав с 1951 по 1993 год в школе, вышел на пенсию. Сейчас являюсь председателем совета ветеранов, инвалид II группы.

В моей семье воевали еще мой дядя Низаметдин Шамсутдинов, погиб 9 мая 1945 в Берлине, другой дядя Халфетдин Шамсетдинов вернулся с войны живым.

Гатауллин Рой Вафинович

Гатауллин Рой Вафинович родился 19 июля 1925 года, ветеран Великой Отечественной войны, участник Сталинградской битвы. После войны работал преподавателем в вузе, историк, доцент Татарского Государственного Гуманитарно-педагогического Университета.

* * *

Я родился 19 июля 1925 года в селе Каргали, в семье сельских учителей, мне было всего 16 лет, когда началась ВОВ. В то время я учился в Арзамарском пулеметно-минометном училище.

В 1942 году Сталин издает приказ: « Ни шагу назад!». Естественно он дошел и до нашего военного училища. И вместо того, чтобы закончить учебу, мы с друзьями, в составе 44 гвардейской дивизии, пошли воевать под Сталинград – молоденькие ребята 16-17 лет отправились защищать Родину. Правда непосредственно в самом Сталинграде мне воевать не пришлось, я участвовал в последних боевых операциях по разгрому фашистской группировки Паулюса.

Последний мой бой проходил в Донских степях: прорвав оборону фашистов, мы прорвались на запад. Оказалось, что мы воевали не только против немцев, но и против испанцев, румын, венгров, итальянцев – всю Европу Гитлер мобилизовал против

Советского Союза. Но фашисты, несомненно, были самым сильным противником – они умели воевать.

Преодолев укрепления противника, мы погнали их на запад. 330 тысяч немцев тогда сражалось против нас. Мы окружили их в районе города Калача, и 2 февраля 1943 года окончательно разгромили эту фашистскую группировку. К сожалению, непосредственно 2 февраля я не смог участвовать в битве, но чувство удовлетворения наполняет мое сердце от того, что я хоть небольшую долю внес в эту победу. Мой последний бой был особенно тяжелым. Фашисты отступали, но не сдавались. Наш небольшой батальон вырвался вперед и погнал немцев на запад, но мы оторвались от своих и оказались в окружении противника.

Фашисты, чувствуя, что им нечего терять, сопротивлялись ожесточенно, отстреливаясь до последнего.

В декабре 1942 года в донских степях начался встречный бой. Но он сложился для нас не совсем благополучно. Мы воевали на открытом поле, против десяти немецких танков, покрашенных в белый цвет и четко выделявшимся черным фашистским крестом на борту. Они мне очень запомнились, потому что 10 танков шли против нас, а мы лежали на поле боя, отстреливаясь из пулеметов, минометов. Война – это суровая штука, а солдатский труд очень тяжелый...

В этой битве погиб весь мой батальон, вместе с командиром. Меня ранило взрывной волной, был поврежден позвоночник и одна нога. К счастью, немцы были уверены, что все мы мертвы и ушли. Однако спустя некоторое время, отступая через это же поле, они обнаружили, что я еще жив. Прекрасно видя мою беспомощность, немецкий командир дважды выстрелил мне в голову...

Очнувшись я в госпитале, не веря, что еще жив. Там мне рассказали, что пули прошли насквозь, причем одна из них на сантиметр ниже мозга. Полгода я лежал в госпитале, а затем восемнадцатилетним инвалидом отправился домой в Каргали. Помню, как мать даже потеряла на время память от счастья, что ее сын вернулся живым.

В деревне меня еле ходящего и двигающегося фронтовика избрали секретарем райкома комсомола. Мы поднимали молодежь на трудовые подвиги. Холодные, голодные, несмотря на все трудности, люди тыла отправляли на фронт все средства! Ведь тыл и фронт были едины в этой страшной войне.

Мы победили в Сталинградской битве, победили в самой войне, потому что были советские патриоты! Советский патриотизм – это особое качество нашего народа, сейчас почти забытое, к сожалению.

Великая Отечественная Война – это не обычная война двух государств. Немцы сражались за установление мирового господства их расы, а мы за Советский Союз, за советскую власть, за социализм! Я побывал в 22 странах и всегда гордился тем, что я гражданин именно Советского Союза. Советских людей везде встречают с большим уважением.

Я желаю молодому поколению быть всегда настоящими патриотами своей Родины, ведь патриот – это человек, посвящающий свою жизнь порядочности, честности и народу.

Горшков Федор Ильич

Родился 24 декабря 1924 года в деревне Чув.Елтан Чистопольского района Республики Татарстан, ветеран Великой Отечественной войны, связист-телефонист, за участие в боях был награжден двумя орденами «Красная Звезда», медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» и «За победу над Японией».

* * *

Я из крестьян, в 1939 году я окончил 7 классов и до 1942 года работал в колхозе. А в августе 1942 года был призван в ряды Советской Армии, где прослужил до марта 1947 года.

Войну прошел рядовым, в качестве связиста-телефониста в составе прославленного соединения легендарных «катюш». Воевал в составе 24-ой тяжелой гвардейской минометной бригады, которая была сформирована в декабре 1942 года в г. Москве. В начале февраля 1943 года в составе этой бригады прибыл на Западный фронт в район дер. Маклаки Калужской области. Сражаясь с врагом на указанном фронте, а затем в составе 3-го Белорусского, с боями прошел города Ельня, Смоленск, Орша,

Минск, Молодечно, Каунас, Вильнюс и закончил войну 25 апреля 1945 года в Восточной Пруссии взятием городов Кенигсберг и Пиллау. В ходу военных действий форсировал вместе с боевыми товарищами реки Днепр, Неман и другие.

Бригада, в которой пришлось проходить службу, награждена орденом Красного Знамени и удостоена почетного наименования Кенигсбергская. После завершения войны на Западе, она была переброшена на Дальний Восток, где с 9 августа 1945 года принимала участие в войне против Японских империалистов в составе Забайкальского Фронта на территории, занимаемой войсками Квантунской армии в Китае. В пути, в условиях бездорожья, отсутствия воды, форсировали горные хребты Большого Хингана. Войну на Востоке завершили победой в районе г. Тонань 3 сентября 1945 года. Боевой путь бригады составил 5000 километров.

Встретил войну семнадцатилетним юношей в г. Казани, работал тогда строителем авиастроительного завода. 22 июня 1941 года в день начала войны пошел в гости к родственникам, которые проживали и работали также в г. Казани. По пути в центре города обратил внимание на большую группу людей, которые внимательно слушали радио. Подошел к ним и услышал о начале войны с фашистами.

Также хорошо помню первые дни войны в части. Мы прибыли на фронт 14 февраля 1943 года своим ходом из г. Люсивы в район деревни Маклаки Калужской области. И примерно 20 февраля 1943 года утром началось наступление наших войск. Наша задача заключалась в том, чтобы обеспечить устойчивую проводную связь. Мы, хотя и были молодыми и участвовали в боевых действиях впервые, всегда добросовестно выполняли возложенные на нас обязанности.

Особенно хорошо помню День Победы 9 мая 1945 года. Группа связистов ночью не отходили от радики, не спали. Наконец, где-то в 4 часа утра дождались долгожданного сообщения об окончании войны с фашистской Германией. Мы тут же доложили командиру бригады Горохову М. П. об этом. По тревоге был поднят личный состав бригады и объявлено о проведении большого праздника. Тогда наша часть стояла недалеко от г. Кенигсберга.

В период войны было много опасных, запоминающихся дней.

Каждый раз, когда успешно завершались боевые операции, связисты справлялись с возложенной задачей, всегда получали чувство радости и гордости. Самые тяжелые и жестокие бои были в последние месяцы войны во время штурма г. Кенигсберга в районе города Пилау.

Фашисты дрались за свои пограничные города упорно и жестоко. Три раза в г. Кенигсберг лицом к лицу сталкивался я со смертью. Дважды целился вражеский снайпер в меня и промахнулся: одна пуля, просвистев над ухом, ушла в землю, а другая ранила в ногу командира взвода. Третий раз я оказался на минном поле г. Кенигсберга в поиске разрыва провода связи, шел по коридору минного поля, отмеченного саперами. На одном месте колышки указателя упали, и я сбился с пути. Взорвавшаяся мина оторвала руку идущему впереди меня танкисту, который, истекая кровью, увидев меня, крикнул: «Возвращайся назад». Таким образом, я и остался живой.

Особенно жестокие бои были в последний день во время штурма г. Пилау 25 апреля 1945 года. Фашисты вместе с предателями сопротивлялись исключительно упорно, чтобы удержать последний опорный пункт. Однако наши войска своими умелыми и смелыми действиями к 2-часам дня очистили город от захватчиков. В этом бою я, к большому сожалению, потерял своего боевого друга сержанта Сергеевского Владимира из г. Ленинграда. Он не дожид до победы всего 2 часа. Погиб от осколка снаряда.

Многое отложилось в памяти и за период войны с японцами. Как мы знаем, разгром и капитуляция Германии означал конец войны на западе, но на Дальнем Востоке война все еще продолжалась. Чтобы обезопасить свои дальневосточные границы, правительство 8 августа 1945 года объявило Японии войну. В этой операции я принимал участие в составе Забайкальского фронта. Наша 24-я бригада к вечеру 8 августа подошла к границе в районе реки Халкингол. 9 августа перешли границу и шли по бездорожью, по пустыням в отсутствии воды, по безлюдной местности. Через несколько дней вышли к населенным пунктам. Однако людей не встретили, так как они, как потом выяснилось, ушли в страхе от наших солдат в горы. Последние, возможно, по указанию командования, пошли за китайцами. Группа солдат

нашего взвода из интереса также отправились по тропе. Прошли мы совсем немного и увидели яму недалеко от тропы, где пряталась семья китайцев. Мы еще тогда не встречали ни японцев, ни китайцев. Однако сразу определили, кто находится в яме. Было их около 10 человек вместе с детьми, и все без оружия. С трудом нашли общий язык, пошли вместе с ними в деревню, где долго отыскивали их дом, чтобы оставить с вещами и продуктами.

Они очень обрадовались, предлагали мешок риса, от которого мы отказались. Они нам отвечали: «Шонго». А потом нам китайцы объяснили значение слова: «Хорошо». В дальнейшем китайцы в каждом населенном пункте стали встречать нас радушно: с красными флажками, чаем.

Продвигаясь все дальше, нам с трудом успевали подвозить из тыла горюче-смазочные материалы и продовольствие. Японские резервы находились за Большим Хинчаном. Командир бригады полковник Горохов М.П. принял самостоятельное смелое решение, направить группу солдат с автоматами вперед к японским складам во вражеский тыл. И вот однажды ранним утром, по тревоге подняли наше отделение в количестве 7 человек, посадили в закрытую продовольственную автомашину-полуторку. Командиром назначили лейтенанта Матвеева. К нам присоединили автомашину нашего дивизиона «Студебейр» с группой солдат во главе с офицером, и мы поехали на двух автомашинах в количестве 14 человек и двух офицеров вперед по направлению вершины Большого Хингана. Это был первый боевой приказ. Через некоторое время, добравшись до вершины Большого Хингана и не встретив в пути ни одного человека, остановились, отдохнули, полюбовались красотой природы и поехали вниз. Проехав совсем немного, солдаты стали ощущать увеличение скорости из-за неисправности тормозов. Командир отделения приказывает нам прыгать из машины на ходу. Солдат Котнов Алексей успел прыгнуть, а мы нет. Вдруг автомашина резко остановилась. Таким образом, наш водитель Большанов спас нас и себя от верной гибели. Он правильно оценив обстановку и определив безвыходное положение, сознательно врезался в гранитную гору на повороте. Если бы водитель проехал еще метров 10-15, наша автомашина, вместе с нами по инерции пошла бы под откос вниз в ущелье. Тогда не

могли бы обнаружить не только наши трупы, но даже наших костей. Естественно наша автомашина вышла из строя, водитель и офицер некоторое время не могли прийти в себя, а двери кабины были прижаты. Нам с большим трудом удалось открыть двери. Котнов шел к нам навстречу хромая, руки у него были в крови. Нам оставалось ждать автомашину «Студебейр», которая шла впереди. И действительно через некоторое время увидели ее. Взяв нашу полуторку на буксир, спустились вниз и поехали до станции, куда должна была прибыть наша 24 бригада. Доехав до станции, оставили разбитую автомашину на площади вокзала с двумя солдатами. Остальные отправились дальше для выполнения боевого задания. Дорога была грунтовая, параллельно шла железнодорожная колея, с обеих сторон горы. Проехав 5-7 км, мы уперлись прямо в гору, где действительно обнаружили несколько японских складов, сделанных в горных углублениях. Подъехав к этим складам, произвели небольшую разведку и обследовали на предмет обнаружения мин. Не обнаружив на месте ни японских солдат, ни мин, определив склад горюче-смазочных материалов, погрузили бензин в бочках и спирт в емкостях.

Офицер Матвеев приказал оставаться здесь и не допускать к этим складам никого, ждать прибытия наших машин. Приказ есть приказ, мы в количестве пяти человек остались на безлюдном месте, они уехали. После этого мы в спокойной обстановке еще раз обошли и проверили эти склады. Нагрузили свои вещмешки разными японскими консервами, набрали для себя разной одежды и спирт в емкости. Потом расположились в кустарнике неподалеку от складов, чтобы мы могли вовремя заметить японцев. Однако к концу дня к складам подъехали несколько автомашин с солдатами, во главе с офицером из штаба армии, доложили старшему, кто мы. Он сказал, что назначен в этот район командиром, и мы должны будем подчиняться ему. Предупредил, что ночевать здесь опасно и после осмотра складов забрал нас с собой. Однако до площади станции не доехали, остались на повороте дороги, чтобы не пропустить свои машины. На этом месте были десятки казарм японских солдат, осмотрев их, решили здесь и переночевать. Наши машины не появились ни вечером, ни утром следующего дня. Ночью пошел дождь, и мы решили возвратиться к нашим солдатам,

которые остались около машины. Идти было тяжело, по грязи. Поскольку параллельно с нашей дорогой шло железнодорожное полотно, мы вышли туда, там идти было гораздо легче. Продолжали наблюдать за дорогой, где вскоре столкнулись с дрезиной, которая была исправна и заправлена. Естественно мы погрузили свои вещи, сели и поехали. Дорога одноколейная оказалась свободной. Проехали без помех больше половины пути, остановились попить у водоема в лесу. Дрезина с нашими автоматами и вещами стояла на пути. Когда мы поднялись к дрезине и хотели отправиться дальше, увидели, как с противоположной стороны на большой скорости появилась другая большая, закрытая дрезина с солдатами и столкнулась с нашей. Конечно, в начале мы не поняли, кто это. Однако, нам повезло, это были наши. После чего пешком благополучно добрались до машины к товарищам. Все они были живы, ремонтировали автомашину. Находилась тут же и часть нашей бригады, в том числе наш старший лейтенант Матвеев и командир бригады Горохов. Мы все очень обрадовались, что выполнили боевое задание и пришли в часть без потерь. Командир бригады объявил благодарность. Спирт мы сдали старшине. Во время выполнения задания никто из нас спирт не употребил. За сутки в тылу мы проехали более 300 км, столкнулись со смертью, но, по счастливой случайности, не произвели ни одного выстрела. После форсирования нашими основными частями Большого Хингана мы продолжили продвигаться вперед уже с боями вглубь Китая.

Я до сих пор хорошо помню моих боевых товарищей, вот их имена:

1. Заславский Марк Едилгович, 1920 г. Москва
2. Оспищев Степан Григорьевич, 1916 г. Москва
3. Саушкин Василий Лаврентьевич, 1919 г. Москва
4. Малашкин Алексей Алексеевич, 1924 г. Владимирская область
5. Спириин Григорий Савельевич, 1924 г. Московская область
6. Соловьев Михаил Иванович, 1924 г. Московская область
7. Корченко Василий Иванович, Харьковская область
8. Николаев Петр Иванович, 1924 г. Омск
9. Котков Алексей Степанович, 1924 г. Башкирская АССР

10. Степанов Василий Корнеевич, 1927 г. Тульская область
11. Мололетнев Александр Павлович, 1924 г. Московская область
12. Ильин Николай Павлович, 1924 г.
13. Горхов Михаил Петрович, г. Москва
14. Тимошенко Петр Васильевич, Краснодарский край
15. Киселев Геннадий Ерланович, Архангельская область
16. Варгин Евгений Васильевич, г. Москва
17. Гараев Бикмулла, 1924 г. ТАССР, Рыбно-Слободского район
18. Хайдаров Радик Кадизович, 1924 г.
19. Попов Николай Филиппович, Архангельская область
20. Белоус Федор Адамович, г. Москва
21. Платонов Михаил Иванович, Владимирская область
22. Фатыхов Салих Фатыхович, 1924 г. ТАССР Мензелинский район.

После демобилизации из Советской Армии в 1947-1948 гг. работал машинистом в Тат. Елтанской МТС Кзыл-Армейского района РТ. В октябре 1948 года пришел на работу рядовым милиционером Кзыл-Армейского районного отдела милиции МВД РТ. С 1951 года до марта 1960 года занимал разные должности по оперативной работе в Мамадышском, Тетюшском и Балтасинском районах. С 1960 года по 1975 год работал начальником ОБХ Балтасинского, Арского, Буинского районов. В марте 1975 года ушел на пенсию по выслуге лет. После непродолжительного отдыха с 28 апреля 1976 года как вольнонаемный был назначен на должность начальник Арского бюро МВХ РТ, где проработал 21 год по 14 мая 1997 года.

В 1956-1957 в учебном году при вечерней школе получил среднее образование. В 1963 году заочно окончил Елабужскую Школу милиции. И в 1969 году также заочно окончил Высшую школу МВД СССР. За период работы в органах милиции был награжден медалями «За боевые заслуги», «За безупречную службу» 1-2 степени и орденом «Трудового Красного знамени».

Являюсь инвалидом войны II-й группы, имею ранение и контузию.

Егоров Александр Николаевич

Егоров Александр Николаевич родился 2 мая 1924 года, в д.Кугальна Буинского р-на Татарстана, ветеран Великой Отечественной войны, минометчик, имеет военные награды, среди которых орден Красной Звезды, орден Отечественной войны и медаль «За отвагу».

Моя фронтовая судьба

Я был и рос умным, трудолюбивым, скромным. В крестьянских семьях дети сызмальства приучались помогать родителям по дому и по хозяйству, а я радовал родителей успехами в учебе. Любимым школьным предметом у меня была математика, с упоением зачитывался я книжками о героях. До войны я окончил среднюю школу имени Луначарского. В 1939-1941 г.г. обучался в Тетюшском техникуме на зоотехника.

Летом в 1941 году я приехал на каникулы домой. Стояла жаркая погода, и мы с друзьями гуляли в парке. Вдруг мы услышали разговор преподавателя с каким-то мужчиной. Этот мужчина сказал нашему преподавателю, что началась война. Сначала мы в это не поверили, но у нас был радиоприемник. Он

работал на кислотных батарейках. К сожалению, в тот момент батарейки были разряжены. Тогда мы все побежали в соседней поселок Ак-куль, но там тоже радиоприемник не работал. 23 июня 1941 года к нам приехал нарочный от военкомата. Он привез нам повестки, и тут мы вспомнили слова того мужчины: правда началась война! Кто знает, как в дальнейшем сложилась бы наша жизнь, если бы не война! Великая Отечественная война огненным колесом прокатилась по судьбам многих и многих людей, разбросала в разные стороны, безжалостно оборвала их мечты и планы, изменила весь ход жизни.

Я был призван в армию, как и многие мои сверстники. В августе 1942 года меня направили на пересыльный пункт в город Горький, тогда там формировался минометный полк. Я был в батальоне 500 мм-створных минометов. В один день наш полк был поднят тревогой, мы погрузились в эшелоны и повезли нас под Москву. Это было в начале октября 1942 года. Тогда мое воинское звание было ефрейтор. На передовую линию мы шли через деревни, деревенские женщины стояли у ворот, глядя на нас, плакали и говорили: «вот наши защитники», а мы все, как на подбор, невысокого роста, приклады винтовок доставали до земли.

Прибыли мы на передовую и заняли вторую линию обороны. В то время на нашем направлении были бои местного значения и среди нас были раненные и убитые. Потом нас сменили кадровые войска, и нас отправили на формирование во Владимирскую область. Утром после завтрака командир полка нас построил и сказал, что нужно выбрать командира, и выбрали меня командиром взвода, дали в мое распоряжение 50 человек. Пошла дальнейшая служба и военная подготовка. Нас обучали всему: как правильно использовать оружие, как чистить его, и как аккуратно обращаться с оружием и боевой техникой.

Однажды к нам приехало начальство из Москвы, им нужно было отобрать хорошо подготовленных солдат – уже для фронта. Отобрали 26 человек, в том числе и меня. Нас направили в 11-ю минометную бригаду. Дали мне старую машину полуторку, на ней я выполнял все свои командирские приказания. Развозил грузы и солдат, а грузы как известно – это снаряды для наших установок. Каждый снаряд весил по 130 килограммов. Однажды

помню, везем мы снаряды на огневую точку, и вдруг внезапно в радиаторе вода вскипела. Тогда я решил, что нужно срочно менять воду. Пошел за водой, а в это время, как назло немцы начали бомбить, везде снаряды рвутся. Таких опасных моментов было много!

Приехали, однажды с лейтенантом (фамилию забыл) на огневую позицию, привезли оборудование. Лейтенант ушел, а я стал машину маскировать, чтобы с воздуха не было видно, как раз немцы начали стрельбу. Прятаться некуда, я залез под машину, а на меня ещё один солдат лег. Вдруг не далеко от нас упал немецкий снаряд, но к счастью он не взорвался, и мы остались живы.

Помню, было очень холодно, шел холодный дождь, впереди нас дождевое болото. Лейтенант мне говорит: «А если в этом болоте машина встанет, что будешь делать?», он только договорил и мотор заглох. Я вылез из машины в воду устранять причину, а это оказался всего лишь провод из тримплера выпал. Конечно, после этого я сильно простыл.

Был еще случай. Попал я в такой сильный огневой налет, аж земля ходуном ходила. Вот тогда, я просил бога: «Спаси, меня. Не дай помереть» Во время бомбежки засыпало песком, грунт был песчаный. Разрывы мин и снарядов взрывляли столбы песка, они попадали в глаза, засоряли огнестрельные орудия. Окоп был мелкий, и мне кто-то кричит: «Давай голову сюда, а ноги пусть там», и мы спаслись!

В июне 1944 года настал день нашего наступления. Освобождали мы Белоруссию. Бойцы готовились к форсированию реки Неман. Переправа была трудной: ночью на лодках, плотках, плащ-палатках, набитых соломой. Два дня шли ожесточенные бои, несмотря на яростное сопротивление, враг был изгнан с занимаемой территории.

Освободили города Вильнюс, Каунас, Шауляй и другие населенные пункты. Все города, деревни были разгромлены, не осталось ни одного целого дома – все сожгли фашисты. Жителей убивали в их же домах, грудных детей кидали в колодцы.

Во время войны в Восточной Пруссии со мной произошел такой случай. Командиру взвода было дано указание: найти на немецких артиллерийских складах главные взрыватели. И вот мы с ним поехали искать. Приехав на склад, мы начали искать, приглядываться. Вдруг я слышу какой-то шорох. Я лейтенанту дал намек,

что здесь кто-то есть. Мы подошли к тому месту, откуда доносился шорох и увидели там молодую девушку. У меня было среднее образование и я понял, что она здесь семь дней, сама трясется от испуга. Мне стало так её жалко, и я ей отдал свой кусок хлеба и сало.

В декабре 1944 года шли тяжелые ожесточенные бои. Вот здесь, к сожалению, удача от меня отвернулась: упал снаряд и разорвался в пару метрах от меня. От разрыва снаряда меня выбросило из машины, разрывной волной сняло с ног кирзовые сапоги, я ударился головой, а также получил множество осколочных ранений. Я долго лежал без сознания.

Весной 1945 года шли военные действия за город Кенигсберг. Мы в основном били по фортам и сильно укрепленным точкам. Здесь в Пруссии война для нас закончилась и мы встали на отдых.

И вот снова душевная тревога. Ночью 9 мая 1945 года все мы проснулись от сильной стрельбы соседней части. Думаем, напали немцы. Слышим: «дивизион подъем!», мы все выбежали и видим, как бежит командир дивизиона и кричит: «братцы, война закончилась!» Мы, как по команде, все закричали: « Ура! Мы победили!»

Утром никакого подъема, встали намного позже, завтрак был отмененный.

Время шло, и в июне месяце нас погрузили в эшелон и сказали, что мы поедem к себе на родину дослуживать там. По дороге мы узнали, что мы едем на Дальний Восток. С Дальнего Востока в Монголию, Китай. В Китае наша бригада: четыре взвода, четыре дивизиона дошли и остановились в городе Таонань. Оттуда к себе на родину приехали в октябре 1945 года в г. Благовещенск. Я ещё прослужил в мирное время два года и вернулся домой в апреле 1947 года старшим сержантом.

Зайнутдинов Самигулла Абдуллович

Родился 10 мая 1925 года в селе Старое Алтарово Нижне-Алькеевского района Татарстана, ветеран Великой Отечественной войны, рядовой стрелкового полка, имеет боевые награды: орден Славы, медали «За отвагу» и «За взятие Вены».

Моя война

Мне уже много лет, но до сих пор ясно помню Великую Отечественную, мою войну. Свой рассказ хочу начать с детства, я всегда отличался от своих сверстников, так как мой отец Абдулл был один из грамотных людей в деревне. Мы получали газеты на русском и на татарском языках. В деревне среди сверстников у меня первого были гармонь и коньки, которые мне купил отец.

22 июня 1941 года по радио объявили о начале войны, мне было всего 16 лет, учился в десятом классе. Призвали меня позже, в конце войны, отправили на воздушно-десантную дивизию. Я попал в первый батальон 100-й дивизии, за время службы 48 раз прыгал с парашюта. Начинал с воинского звания – гвардии рядовой, красноармеец, на воинской должности – стрелок 301 гвардейского стрелкового полка 100 гвардейской стрелковой дивизии.

В 1944 году (точную дату уже не помню) мы, солдаты, человек пятнадцать, сидели в окопе. Неожиданно взорвался снаряд, и я потерял сознание. Под землей пролежал 4 часа и чудом остался жив. Очнувшись после взрыва, я откопал окоп и вылез. Увидев вокруг мертвые тела, оторванные руки, ноги, головы своих сослуживцев, я растерялся и долго не мог прийти в себя, так как получил контузию.

25 июня 1944 года я был снова ранен осколками снаряда, до сегодняшнего дня я ощущаю сердечную и страшную головную боль. До сих пор у меня на плечах, в ноге есть осколки немецкого снаряда. Они мне каждый раз напоминают о страшной войне. В госпитале я пролежал полгода, меня поставили на ноги и снова отправили на войну.

Запомнился еще один эпизод войны. 22 июня 1944 г. в городе Лодейное поле Ленинградской области мы переправились через реку, шириной 200 метров. Бои были упорные, на противоположном берегу нас ждали железобетонные укрепления и ожесточенное сопротивление вражеской армии. Мы переправлялись кто на пароме, кто на плоту... А дальше была дорога через озеро Светлое к деревне Самбатукса (это уже на территории Карелии). Нам потребовалось много усилий, мужества, героизма, чтобы вытеснить врага с данной высоты. Затем предстоял путь через Мегрегу в городе Олонек. Далее путь лежал к городу Видлицы на Ладожском Озере.

Когда мы освобождали город Олонек, к нам в плен попали немцы. Как бы я не хотел, но мне пришлось застрелить одного немца. Этот пожилой немец, посмотрев в мои глаза, встал на колени, и на немецком языке говорил: «У меня пятеро детей, семья... Не убивай меня, пожалуйста!». Вот после этих слов я не хотел его убивать, но приказ был очистить территорию от немецких солдат. До сегодняшнего дня я помню его глаза...

А в боях за Вену 10 апреля 1945 г. сложилась неблагоприятная ситуация. Немцы вклинились в нашу оборону, продвижению нашей роты мешали 2 немецких снайпера и ручной пулемет. Командование решило выровнять линию фронта, а резервов не хватало. Задача нам ставилась такая: выбить немцев с их позиций, перейти в наступление и у ближнего села (не помню его названия) занять оборону до подхода наших частей, а затем, если останемся живы, вернуться в свои части. Получив приказание подавить одну

из огневых точек, мы обошли их и с тыла уничтожили снайперов. 11 апреля 1945 г. в числе первых форсировали Дунайский канал. Воевали героически, при удержании захваченного плацдарма на левом берегу я уничтожил 5 немецких солдат.

Служба моя продолжалась и после войны, демобилизовался только в 1947 году, приехал в родное село. Устроился на работу учителем русского языка в начальных классах, преподавал я 42 года, старался всегда добросовестно и честно выполнять свою работу. Был награжден Орденом Трудового Красного Знамени.

Великая Отечественная война оставила незаживающие раны и в моем теле, и в душе, и в памяти. Осколки фашистского снаряда, застрявшие в моем теле в 18 лет, беспокоят мое сердце, доставляя мучительную боль. Однако есть еще одна сердечная боль – это память о годах войны.

До последнего дыхания не забыть мне то, что я увидел, освобождая пленных из концлагеря в городе Вена. Через 32 года мы с однополчанами собрались в Нижнекамске, на квартире нашего друга-однополчанина, члена Союза журналистов СССР Фаргата Бургановича Нуруллина. В 1944 году я и мой товарищ Виктор Каменщиков оказали раненному Фаргату Нуруллину помощь на поле боя.

И вот, в 1967 году я получил приглашение на встречу от Ф.Б.Нуруллина. Фаргат Бурганович разыскал и Виктора Степановича Каменщикова, вынесшего его с поля боя, который преподавал в Ставропольском мединституте. Он тоже приехал в Нижнекамск на встречу с боевыми друзьями. Нам всем, троим, было о чем поговорить, что вспомнить. С чувством большой благодарности мы вспомнили своих боевых товарищей, о прошедших годах после войны, о жизни, о том, что мы не нарушили клятву: бороться, жить и трудиться на благо нашего народа и нашей Родины.

Залялетдинова (Садыкова) Закия Харисовна

Родилась 25 ноября 1918 года в с. Асеево Азнакаевского района Татарстана. Ветеран Великой Отечественной войны, с 1942 по 1946 находилась на военной службе, лейтенант медицинской службы. Награждена медалью «За победу над Германией», орденом Отечественной войны.

У войны не женское лицо.

Для меня война началась со страшного известия: «Ваш муж Рамазанов Ш. в боях пропал без вести». Мы поженились в 1939 году, в 1940-м его призвали в армию. 1941-й год разрушил мое семейное счастье: сначала я потеряла мужа, потом – сына. В нашем селе началась эпидемия кори, и мой годовалый сынишка Риф умер. Я решила пойти добровольцем на фронт. Меня переполняло чувство мести за самых дорогих мне людей – мужа и сына. На фронт меня брать не хотели, говорили, что квалифицированные медицинские кадры нужны в тылу. Но я упрямо обивала пороги военкомата, пока не добилась своего, и в апреле 1942 года меня отправили на фронт.

Отправляли нас из военкомата в городе Бугульме. Добирались из Бугульмы до столицы целую неделю. В это время шли тяжелые

бои под Москвой. В столице нас разместили в здании школы. Со мной в одной комнате оказалось шесть девушек из Татарстана. Как кандидата в члены партии меня сразу же направили в резервный полк в Томилино Московской области. После четырех месяцев тяжелой подготовки меня назначили старшим фельдшером батальона. Я попала в состав 76-го полка 24-й дивизии войск НКВД Калининского фронта.

Весь мой фронтовой путь прошел в составе Калининского фронта, переименованного в 1943 году во Второй Белорусский фронт. В июне 1943 года мне было присвоено звание младший лейтенант медицинской службы. Наш полк охранял железнодорожные мосты, сопровождал на передовую линию фронта ценные грузы, военную технику, оружие.

Летом 1943 года в боях за город Смоленск во время массированного артиллерийского обстрела была контужена. Контузия была легкая, а квалифицированных врачей не хватало, поэтому из дивизии меня не отпустили. Через два месяца я уже вернулась в строй.

В составе 2-го Белорусского фронта я участвовала в освобождении белорусских городов Гжатск, Вязьма, Рославль, Гомель, Могилев. В дни, когда шли кровопролитные бои под Витебском, наша армия в составе 2-го Белорусского фронта наступала на Могилев. В середине июня 1944 года наша дивизия форсировала Днепр. Саперы за два дня построили мосты для переправы военной техники. Мы переправлялись ночью. Всех медработников перевозили на лодках. На середине реки взрывной волной наша лодка опрокинулась. Я подумала, что для меня война закончилась. Было темно, мы на середине реки, значит очень глубоко и далеко до берега. Мне стало очень страшно. Вдруг крепкая рука схватила меня за шиворот и втянула на плот. Это наши солдаты как-то увидели меня в темноте и спасли. До самого берега меня трясло от страха и холода. Уже в конце июня 1944 года мы штурмом освободили Могилев. Огромными усилиями и с большими потерями мы освобождали все эти белорусские города и деревни. Нам в этом очень помогали белорусские партизаны. В некоторых деревнях, мы встречались с партизанами, которые радовались, обнимали и целовали нас. Жители этих сел, деревень и городов тоже встречали нас как самых родных и дорогих людей. Нам дарили много цветов. Помню, как одна старушка в

только что освобожденной белорусской деревне, сказала: «Как утром с востока все ждут солнца, так и мы ждали вас с востока, со стороны Москвы». И хотя многие города были изранены, дома разрушены, деревни сожжены, на лицах людей была радость. На всю жизнь остался в памяти запах смерти, смешанный с запахом гари. Много страшного пришлось увидеть и пережить на фронте.

Как-то пришлось нам на ночь укрыться в старом сарае, где до войны содержался скот. Только я забралась на печку и чуть задремала, как поднялась тревога. Взорвалась стоявшая неподалеку водозаборная башня, а рядом завязался ожесточенный бой. Вытекавшая вода сразу смешивалась с кровью раненых бойцов и окрашивалась в красный цвет. Это было очень страшно. Тогда я не только поняла, но и впервые увидела, что такое «реки крови».

Но самое страшное воспоминание осталось после освобождения одной маленькой белорусской деревушки в июне 1944 года, которую мы взяли с боем. Когда вошли в деревню, удивились тому, что было непривычно тихо. День стоял жаркий и солдаты с радостью побежали к колодезю, одиноко стоящему на одной из сожженных улиц. И когда солдаты собирались поднять ведро, то с ужасом отпряли назад. Перед глазами солдат, которые казалось бы, уже видели самое страшное, предстало ужасное зрелище. Колодец был заполнен трупами детей. В глазах солдат на мгновение застыл ужас и слезы.

Долго не могла я забыть глаза одного солдата, полные мольбы, горя и боли. На подступах к Минску ему взрывом бомбы оторвало руку и ногу. Я подбежала к нему и поняла, что ранение очень тяжелое. Он лежал, истекая кровью, и умаял запекшимися губами: «Сестричка, спаси...». Я не смогла. Он умер у меня на руках. Много солдат из нашего батальона так и не увидели парад партизанских сил, который прошел в Минске в середине июля 1944 года.

В марте 1945 года я получила звание лейтенанта медицинской службы. После окончания войны я очень хотела вернуться домой, но непустили. Врачи по-прежнему были необходимы теперь уже на освобожденной территории. До осени 1946 года я находилась в Витебске. 19 сентября 1946 года я уволилась в запас и приехала в село Таллы Булак к родителям.

Ибрагимов Кадыр Каримович

Родился 14 декабря 1924 года в Буинске Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, гвардии старшина, радиотелеграфист, имеет боевые награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина»

Фронтовые воспоминания

Когда началась Великая Отечественная война, мы были ещё подростками. Разразившаяся над страной беда сказалась и на нашей жизни. Осенью 1941 года мне наравне со взрослыми пришлось рыть окопы и противотанковые рвы в Апастовском районе. В то время мы, мальчишки, мечтали попасть на фронт. Во второй половине 1942 года моих ровесников начали вызывать в военный комиссариат. 8 сентября 1942 года в Советскую Армию призвали и меня. С несколькими призывниками я был направлен в Ярославское пулеметно-минометное училище. Тогда железная дорога на участке Свияжск – Ульяновск ещё только строилась. В дальнюю и ответственную дорогу нас провожали родные и

близкие. Среди них была наша любимая учительница Гульсум Галлитовна Султеева. Напутствуя нас, она сказала:

— Скоро вы будете воевать. Ребята, не забывайте нас, не забывайте свою школу, будьте смелыми, отважными. Помните о словах великого русского полководца Суворова: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет».

Надолго запали в сердце слова нашей любимой учительницы. Связи с ней мы не порывали, её письма вдохновляли нас, вселяли уверенность в победе... На подводах нас довели до города Тетюши. Оттуда на пароходе мы доплыли до Ярославля. В Ярославском пулеметно-минометном училище из нашей команды оставили несколько крепких, здоровых ребят. А я был худым и невысоким. Когда меня провожали, Хуршит апа сказала матери: «Как же он будет воевать, где ему пулеметы таскать». Из училища нас направили в Ярославский пересыльный пункт, где собралось 210 человек. Пятерых отправили в Московское финансовое училище, 200 человек — под Сталинград, а пятерых, в том числе и меня, — в Горьковскую школу радиоспециалистов. 21 сентября 1942 года мы начали учиться на шестимесячных курсах. Питание было очень скудное. В супе плавали мерзлая картошка, листья зеленой капусты. Некоторые курсанты писали заявление с просьбой отправить на фронт. Однако начальник училища говорил:

— Как только сдадите экзамен на радиотелеграфиста третьего класса, — пожалуйста, задерживать не будем.

После четырех месяцев учебы я с несколькими курсантами-отличниками боевой и политической подготовки — успешно сдал экзамен на радиотелеграфиста.

23 января 1943 года мы выехали из Горького. 25 января прибыли на станцию Перловка, где было расположено Московское училище связи. И здесь питание было неважное. И здесь мы просились на фронт. К нашему счастью, 4 февраля 1943 года приехал представитель первой гвардейской танковой армии и нас, 50 радиоспециалистов, отправили на Калининский фронт. Пять человек, в том числе и меня, направили в штаб 200-й танковой бригады, расположенной в деревне Крючково Калининской области. 13 февраля 1943 года после сильных боев под Ржевом

мы погрузили остатки боевой техники и поехали в Москву. В столице пополнились танками Т-34 и выехали на Юго-Запад.

26 марта 1943 выгрузили танки с железнодорожных платформ и поехали по городу Курску.

Возле города Обоянь начались боевые учения, во время которых я вывихнул ногу. Старший лейтенант медицинской службы товарищ Капустин быстро вылечил меня. 8 мая 1943 года я был отправлен в мотострелковый пехотный батальон, находившийся тогда в деревне Анохино. Здесь начались усиленные боевые учения. Свое первое боевое крещение я получил на Курской дуге в районе деревни Верхопенье Ивнянского района Белгородской области.

5 июля 1943 года около 4-х часов утра фашисты обрушили на нас шквал огня из пушек и минометов. Затем наши позиции бомбили более 60 самолетов, началось наступление танков, на нас шли «тигры», самоходки «пантеры» и «фердинанды», а за ними автоматчики. В таких страшных и трудных условиях мне пришлось несколько раз доставлять боевое донесение из наблюдательного пункта командира роты. В этом бою я впервые увидел мужество и героизм советских солдат. Наши пехотинцы, артиллеристы и танкисты самоотверженно сражались, на атаки врага отвечали ураганным огнем. Фашисты не выдержали, отступили. На поле боя осталось гореть несколько танков, среди них были и наши. Командир роты старший лейтенант Кобзарь уничтожил три, командир взвода лейтенант Замула — два вражеских танка. Позже им было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. На протяжении семи дней мы отражали атаки фашистов, а 12 июля перешли в наступление, освободили города Белгород, Ахтырка, Богодуха.

11 июля 1943 года я был ранен и контужен. А через десять дней, ещё не долечившись, вернулся в свою часть. Участвовал в освобождении Украины, Белоруссии, Польши. Затем мы били врага в его логове.

23 октября 1943 года приказом наркома обороны наше соединение было преобразовано во II гвардейский танковый корпус, а наша 200-я танковая бригада переименована в 45-й гвардейский танковый полк. Наш батальон стал мотострелковым батальоном

автоматчиков 45-го гвардейского танкового полка. Три года в составе этого батальона я был на переднем крае, дошел от Курской дуги до Берлина, а на рейхстаге и на Бранденбургских воротах мы оставили свои автографы. Но до этого нам пришлось пройти сложный боевой путь. 16 апреля 1945 года мы начали наступление на Берлин. 20 апреля вошли в пригород Берлина и без передышки, не давая фашистам отдышаться, днем и ночью штурмовали Берлин. Мы дрались за каждый дом, за каждый квартал и 2 мая взяли Берлин.

День 9 мая 1945 года принес народам мир. В этот день мы все были счастливы, веселы. Остались живыми. Будто бы забылись страдания, мучения, пережитые за четыре года. Но разве забудутся эти дни?! Ведь смерть тогда постоянно ходила рядом с жизнью. Но тогда некогда было думать об этом, все старались приблизить День Победы.

Идрисов Хабибулла Гарифуллович

Родился 6 июня 1921 года в деревне Кушитово Анастовского района ТАССР, ветеран Великой Отечественной войны, командир взвода пулеметчиков, награжден правительственными наградами.

* * *

Военную службу я начал на Дальнем Востоке в 1939 г. Япония систематически испытывала на прочность дальневосточные рубежи СССР. Путь к месту службы у нас занял целый месяц. В дороге мы узнали, что японские войска попытались вторгнуться в Монголию и ведут ожесточенные бои в районе реки Халхин-Гол. После прибытия к месту назначения нас определили в мото-стрелковые войска. Начались ежедневные тактические занятия, нас обучали на пулеметчиков. В это время мы узнали о начале Великой Отечественной войны. Нас, кадровиков, сразу отправили на фронт.

Местом формирования нашего боевого соединения в июле 1941 года была станция Кизляр в Удмуртии. Там я стал командиром взвода пулеметчиков 233-го стрелкового полка 61-й армии. Под Арзамасом наш эшелон попал под обстрел. Немцы были очень хитры: в темное время суток с самолета сбрасывали прожектор,

закрепленный на парашюте и, увидев в свете бойца, тут же убивали, было много убитых и раненых, а оставшиеся в живых были отправлены в сторону Москвы.

Так я прослужил около 1,5 лет, участвуя в боях за Подмосковье, Тульскую, Орловскую и Брянскую области. Солдаты подшучивали и называли меня долгожителем. Очень долго освобождали брянские леса. Мы думали, что это война никогда не закончится... Затем нас отправили освобождать город Орел. Здесь я получил разрывное ранение правого плеча и контузию. Когда бой стих, нас, раненых, собрали девчата-медсестры и перевязали в палатке-землянке. Помню, как за мной ухаживала сестричка Марьям. Она же отправила меня первым рейсом в госпиталь. Пришлось очень долго лежать в госпитале в Ивановской области. Я перенес несколько операций по восстановлению руки, но раны оказались очень серьезными... Помню, как медсестра часто проверяла состояние моей руки, не желая признавать негодность. В 1943 году меня комиссовали и отправили домой на три месяца. Сопровождающие были с нами до Москвы. Там я совершенно случайно встретил родного старшего брата Идрисова Хакима Гарифовича. Он тоже был ранен. Представляете, мы с братом вернулись домой! К родителям возвратились сразу два сына, хоть и раненые, но живые. Столько было радости, никто не мог в это поверить!

Я считаю, что нас спасли молитвы наших близких: отца, матери, Мисбах-бабая и Идрис-бабая. Они были честными и порядочными людьми, и Аллах их услышал.

Константинов Михаил Петрович

Родился 22 июня 1927 года в д. Чувашская Майна Алексеевского района Татарстана, ветеран Великой Отечественной войны, сержант, награжден правительственными наградами.

Война началась в день моего рождения...

После удачного завершения учебы в седьмом классе Билярской средней школы, с приподнятым настроением, я вернулся в родную деревню Чувашская Майна. С плеч свалился огромный груз занятий, и я уже мысленно готовил себя к трудовому отдыху в колхозе «Канаш». Меня ждала любимая работа на лошадях, а животных я очень любил, так как вырос среди них. Поясню: отец был конюхом, и за неимением скотного двора целый табун жеребят в годы моего детства содержался при нашей усадьбе. А в 1941-м году в колхозе уже был прекрасный скотный двор, где содержалось более 150 голов рабочих лошадей. Все полевые, хозяйственные работы выполнялись на этих лошадях.

Мы, детвора, которым исполнилось по 13 – 14 лет, уже умели запрягать лошадей, и нам доверяли разные работы по перевозке грузов. Вот было веселье! Трудились легко, с большим удовольствием.

В день 22-го июня мы работали на плотине, перегораживая реку Черемшан: подвозили землю, навоз, хворост т. д. Целый день резвились, во время обеда купались, кувыркались – красота! Завершив порученное дело, наперегонки поехали в деревню. А в голове кружится мысль: «Сегодня день моего рождения, обязательно первым пронесусь по родной улице». Было где-то 19-20 часов вечера. Только заехали в улицы – очумели. Люди, собираясь по несколько человек, размахивая руками, о чем-то рассуждают, стоит крик. Подъехали к шорнику, чтобы распрячь лошадей, узнали, что началась война. Тогда у нас радио в деревне не было. Начальству, видимо, сообщили по телефону.

Узнав о начале войны, почувствовали себя осиротевшими. Ощущение непонятное. Но до мозгов дошло, что случилось что-то страшное, невольно мышцы во всем теле напряглись, укрепились, как перед какой – то серьезной взрослой работой. Поняли, что тяжесть войны ложится и на наши плечи.

На другой день – первые проводы мужиков на войну. Слезы, переживания. В деревне каждый второй – родня, а уж знакомы друг с другом все. Тяжело было так, что и сейчас не могу описать.

До 1944 года я и мои погодки заменяли ушедших на фронт взрослых: выполняли все работы в колхозе, твердо веря, что мы тоже помогаем приблизить победу. Ну а в сорок четвертом и сам встал в ряды Красной Армии, надел солдатскую форму, присягнув на верность нашей великой Родине...

В 1944 году в конце июня, после окончания педучилища, опухшего от голода, положили меня в Биярскую районную больницу. В больнице в течение десяти дней поставили на ноги. Там лечились парни допризывного, призывного возраста от трахомы. Проверять их приезжал старший лейтенант Биярского районного военкомата Попов. Однажды, поговорив с ним, узнал о возможности добровольно встать в ряды защитников Родины. Написал заявление, и он его увез. Военком заявление принял.

После выписки из больницы сначала обратился в районный отдел народного образования, поинтересовался насчет работы в школе. В школах катастрофически не хватало учителей. Но заведующим без согласия с военкоматом, особенно парней на работу устраивать нельзя было. Поэтому меня сначала отправили в военкомат.

В военкомате майор Крючков встретил меня словами: «Вы для нас находка. Получайте три учебные винтовки и шагом марш в свою деревню. Организуйте воинский всеобуч с молодежью». И так, взвалив на горб три винтовки, пешком, преодолевая путь в 18 км, вернулся в родную деревню.

В июле-октябре 1944 года 30 пацанов и 12 девушек прошли через воинский всеобуч. Каждую неделю с проверкой приезжал старший лейтенант Попов. И наконец-то 15 ноября 1944 года пришла долгожданная повестка – явиться к 8 часам 20 ноября для отправки в летное училище в город Балашово. Команду из пяти человек на одной подводе направили на железнодорожную станцию Нурлат, а дальше в Казань. В Казани успешно прошли медкомиссию и были направлены в Троицкую военную авиационную школу механиков.

После окончания Троицкой военной авиационной школы авиамехаников, где мы в отдельном батальоне осваивали профессию воздушного стрелка, я был направлен в боевой полк. Окончившие по «первому разряду» имели выбор места назначения. Все 62 человека выбрали Московский военный округ, потому что почти все мы были деревенскими, и мечты увидеть столицу нашей Родины Москву взяли верх.

В Москве нас разделили на 4 группы, каждая из которых состояла из 12 человек. Я попал в город Киржач Владимирской области в авиаполк штурмовиков ИЛ-10. Основной костяк полка – бывалые, выдавшие виды люди. У всех на груди заслуженные боевые награды. Полк входил в состав резерва главного командования. Это было в начале июня 1945 года.

По прибытии нас немедленно «запрягли» в практические занятия. Почти каждый день полёты с обязательной стрельбой «по конусу». Чувствовалась напряжённая работа по подготовке к большим событиям. Это особенно чутко ощущали наши «старички». Как-то посерьёзнев, они смотрели на нас сочувственными взглядами, тяжело вздыхая.

Напряжённое ожидание разрядилось 9 августа – советское правительство объявило войну милитаристской Японии, грозившей нам нападением все предыдущие 4 года. Полк быстро доукомплектовали, и 14 августа мы получили приказ – перебази-

роваться на восток. Этот приказ каждый воспринял по-разному, но все были едины в одном – побыстрее разделаться с врагом и победоносно завершить вторую мировую войну во имя будущего молодого поколения.

26 августа своим ходом – на самолётах – мы прибыли на новое место. Полевой аэродром был расположен в 15 километрах северо-западнее города Биробиджан, а приписали нас к Забайкальскому военному округу. В этот день по радио передавали об освобождении нашими войсками южного Сахалина и Курильских островов. До первого сентября мы жили в состоянии готовности №1. Пушки, пулемёты заряжены, нет только бомб и РС. Весь состав дежурил в самолётах, питаюсь сухим пайком.

Ночь с 1 на 2 сентября. Вдруг ракета и выстрелы. Наш командир полка – в одной руке ракетница, в другой пистолет ТТ, – поднимает нас своими выстрелами и со слезами на глазах сообщает о капитуляции Квантуньской армии и завершении второй мировой войны.

Что было!.. Это не описать пером. У бывалых солдат- слёзы на глазах, многие, не стесняясь, рыдали, как мальчишки, обнимали друг друга, целовались, кружились, валялись по земле. Сколько времени всё это продолжалось, никто не зафиксировал. Наконец, команда: «Полк, строиться!». Перед всем полком наш командир торжественно объявляет об окончании войны.

Видимо успех первого и второго Дальневосточных фронтов и быстрая победа над Квантуньской армией позволили оставить наш полк в резерве. Вот так, в полевых условиях мы отпраздновали Великую Победу.

9 сентября 1945 года. Приказ отправиться обратно в Киржач. Старые опытные воздушные стрелки и наши командиры экипажей с этого момента звали нас не иначе, как счастливыми, приговаривая, что родились мы «в рубашке». Они, не раз встречавшиеся со смертью в воздушных боях, знали, что говорили, по-человечески радуясь, что в этот раз страшная машина войны не сумела собрать свою жатву, оставив нас, мальчишек, для мирной жизни.

Вспоминая войну, я почему-то все чаще вспоминаю одну, песню, которую мы пели тогда, называлась она «Сержант».

*Бывало в землянке
Сквозь грохот и взрыв,
Мы слышим сержанта,
Горячий призыв.*

Припев:

*Держитесь, ребята, держись не робей!
Штыками, гранатой и пулю бей...
Я знаю, ребята, вы смелый народ,
Покрепче ударим, и наша возьмет.*

*Сержант в наступление
С нами пошел.
И в бой отделение
С песней повел.*

Припев.

*Атака шла злая
И вдруг он упал,
И кровь унимая,
Упрямо шептал.*

Припев.

*Его схоронили,
Цветами прикрыв,
Но в бой пронесли мы
Сержанта призыв.*

Припев.

После демобилизации вернулся домой, работал на ответственных постах, а также почти 45 лет отдал школе, детям.

Концевой Анатолий Иванович

Родился 23 декабря 1922 г. в д. Судынка Унечского района Брянской области. В Советской армии с 1940 г., ветеран Великой Отечественной войны, заместитель командира стрелковой роты по политчасти, комсорг полка, помощник начальника политотдела дивизии по работе среди комсомольцев. Участвовал в битве под Москвой, в сражении на Курской дуге, в освобождении Белоруссии, Литвы, Польши. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, тремя орденами Красной Звезды и 16 медалями. Полковник.

* * *

Слухи как-то распространялись по стране. Но никто толком не знал, будет ли война, когда она будет, тем более никто не мог предположить сколько она продлится. Но мы верили в одно, что будет война или не будет войны, но нас никто не победит...

*Мы готовы к бою
С армией любой...*

Песни звучали мажорно:

*Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За Советскую Родину встанет!*

Смысл песни заключался в том, что мы всех побьем и повалим. Слишком громко было сказано:

*Если завтра война, всколыхнется страна
От Кронштата до Владивостока.
Всколыхнется страна, – велика и сильна
И врага разгромим мы жестоко!*

Некоторые наши политики говорили, что война между Англией, Францией и Америкой с одной стороны, и Германией – с другой, нам выгодна, так как считали, что в войне между этими странами они истощат свои силы, ресурсы, народ тяготы войны не примет, а мы потом со свежими силами выступим и продиктуем всем свои условия.

Когда началась Гражданская война в Испании, мы считали, что нам выгодно, если страны истощатся, испанский народ победит. Я помню, что в газете «Пионерская правда» написали, что к 1939г. Испания будет социалистической республикой. Сталин об этом говорил прямо: нам выгодно, чтобы Англия, Америка, Германия, Франция в борьбе между собой друг друга истощали, а мы потом поговорим с ними на нужном нам языке. Но что получилось потом? Сталин хочет, чтобы Германия разгромила Францию, разгромила Англию, расправилась с Америкой, и чтобы народы этих стран подняли борьбу против своих правителей. Это нам все будет выгодно.

На западе когда это прочитали, то удивились вероломству Сталина и нашей глупости. Но об этом мы узнали только после войны.

Мы вроде войны не боялись, хотя события тех лет нам показали, что воевать мы в современных условиях не можем. Сколько с Финляндией возились! Сколько хлопот мы имели с Испанией: туда ушли наши пушки, самолеты, продовольствие, испанские дети ехали в Москву учиться.

Мы вели такую политику, я бы сказал, не особенно умную, размахивали саблями над головой. Хотя война показала, что такими вещами не шутят.

Хасан – это озеро на Дальнем Востоке, а Ойфингом – это река в Маньчжурии, там еще до нападения фашистской Германии были столкновения японских и наших войск. Мы тогда, конечно, японцев побили, но и нам тоже досталось. И тогда уже стало ощущаться, что война с Германией неизбежна. Мы еще рассчитывали оттянуть начало войны...

В то же время Сталин вел политику террора, перед войной было расстреляно 40 тысяч наших командиров как враги народа. И это были не только бывшие царские офицеры, но и новая военная элита, воспитанная в советские годы, прошедшая Гражданскую войну. И это создало трудности с командными кадрами, особенно в начале войны.

Были расстреляны маршалы Тухачевский, Блюхер, Егоров. Это осложнило наше положение. Новыми маршалами стали Тимошенко, Кулик и Шапошников.

Неожиданно трудной и кровавой оказались советско-финская война для нас. Эту войну мы начали, так как хотели захватить лакомый кусок за счет Финляндии, но Финляндия получила поддержку материальную и моральную со стороны Англии, Франции, Германии. Были действительно большие потери. К декабрю 1939 года мы потеряли 69986 человек, из них убито и умерло от разных болезней – 11676, пропало без вести – 5965, ранено 35800, контужено 1164, обожжены 493.

Начинаю вспоминать войну, а вспоминаю свое детство. Помню, ходил в школу, а одеть было нечего, уже осень, так я нашел материнские старенькие туфли на высоком каблуке и пошел в школу в дамских туфлях. А другой раз шел в школу босиком. У нас, в мое детство, не было принято летом ходить в обуви. И на работу шли босиком, и в школу шли босиком, и бегали босиком, играли босиком. Однажды я шел в школу босиком, уже иней был, на траве иней – белая вода, так по траве нельзя было идти, потому что ноги горели как от огня. Так я пошел по пыли, где пыль, там вроде бы не чувствуешь этого инея, вот так и закалялся.

После войны оказался я на своей Родине, где не осталось ни

одного двора, часть во время войны погибла, часть населения разъехались, часть сгорела. А раньше была деревня. Когда я зимой туда попал: пустыня, зима, я в сапогах с командировки, проведать родное место и зашел на место, где стоял мой дом, но дома уже не было, но стояла еще несколько яблонь, посаженные моим отцом. Снег выше колена, вот я и побежал к этой яблони, как будто к живому существу и заплакал...

Когда началась война, я служил в Сибири. Когда наш эшелон шел на фронт, мы, молодежь, больше всего боялись, что не успеем повоевать, немцев быстренько побьют. Не знали мы тогда, что война будет такая большая, что мы успеем навоеваться до отвращения, до одури. Так и я: воевал, воевал и дошел до Одера. Шагая на запад, наша дивизия шла через мою местность, где я жил и где я учился. Вот я пришел в город, где я закончил 10 классов. Я пришел домой, как снег на голову. Мать два года ничего обо мне не слышала. И прихожу я: здравствуй, мама. Два года она меня не слышала, не видела, а я пришел целый, как огурчик. Но это было еще не скоро, только в 1943 году.

Ехали мы из Сибири, побыли в обороне, строили укрепления, немцы нас бомбили, мы стреляли по ним из пушек, они по нам. А 2 октября 1941 года немцы так долбанули, что мы только под Москвой опомнились. Бросили авиацию, танки, вынуждены были отступать. Танк есть – солярки нет, технику бросают и дальше. Таким образом, мы отступали до Москвы. Потом в середине зимы 1941-1942 годов воевали под Ржевом. Но Ржев так и не взяли: испытывали там холод, голод и смерть. Потом повезло, весной 1942 года меня послали учиться на курсы офицеров.

Октябрь 1941 года, мы отступаем под Смоленщиной. Уже осень, но погода сухая. Проголодались. Думаю, зайду я в орешник, вдоль дороги растут орехи, подкреплюсь. Не успел зайти в этот лесок, кустарник, вижу, лежит маленький сверточек, беленький, аккуратно сверточек. Я повернул – ребеночек маленький, грудной, мертвый. У меня пропало всякое желание искать орехи. Думаю, как это создание оказалось здесь? Прошел, смотрел, гляжу – лежит распластанная молодая мертвая женщина. Гляжу, недалеко от этого места огромная воронка от бомбы. Бомба была не меньше тонны, потому что воронка огромная, земля наворочена, их убило

взрывной волной. Посмотрел я в эту воронку, там, на дне довольно глубоко – вода. Немцы специально бросали тяжелые бомбы на те дороги, по которым наши войска ходили. Это даже психологически действовало на солдат. Когда он смотрит, что огромная куча земли наворочена, что убитые лежат – это подрывало моральные силы, оказывало психическое давление на человека.

В памяти остались многие эпизоды войны, лица товарищей, страшные, а порой и курьезные случаи. Так, на фронте было масса вшей, поэтому строили так называемые блошебойки – здания небольшие, там создавалась высокая температура и развешивались наши одежды, они там гибли. Кроме блох, были и клопы. Стояли мы в Тульской области летом 1943-го перед Курской битвой. У меня был на ремне пистолет в кобуре. У хозяйки были клопы. На фронте как-то между боями надумал почистить пистолет, открываю кобуру, а там сидят два клопа. Пока мы жили у хозяйки, они поселились у меня в кобуре. Я пошел на фронт, они как настоящие патриоты, тоже пошли за мной. Когда я иду, стреляю – они сидят спокойно, а когда я ложусь спать – они потихоньку насосутся кровью и опять сидят. Это чистая правда, как клопы воевать ходили.

В одном месте, в Белоруссии, во время боя, я был контужен, и меня вытащили из боя, но когда меня тащили, как-то выронили бумажник, где были документы и где был медальон с адресом. И потом, когда стали хоронить, вероятно, нашли и мой медальон. Написано: Концевой и домашний адрес. Похоронили меня и написали, что здесь похоронили Концевого А. И. Уже после войны мне товарищ один прислал письмо. Пишет: «Ты разве живой? А ты там-то значишься мертвым, убитым». Я поехал. Действительно: на большом алюминиевом листе написано «Концевой А.И.», я взял и нацарапал ножом: «Я жив!».

Особо тяжело было на войне женщинам. Позже я посвятил своим боевым подругам не одно стихотворение. Некоторых до сих пор помню по именам.

С Леночкой (фамилию не помню) мы познакомились, когда я был в маленьком госпитале, я простудился, температура была. Было это осенью, но был небольшой ледок на болоте, вот мы с ней ходили гулять, когда я уже поправился. Катались на льду, потом гуляли. А дальше наши дороги разошлись.

Помню, была у меня в роте комсомолка Дуся Калиновская. Худенькая, кошмар! Когда освободили ее деревню на Калининской земле, кто-то из наших офицеров ее, пятнадцатилетнюю девочку, изнасиловал. Но куда ей деться? Родители погибли, хата сгорела, ну мы ее приютили, потом она в комсомол вступила, стала медсестрой, мы подружились. Мне тогда был 21 год, а ей лет 16-17. Воюем в Белоруссии. Иду я однажды по деревне, которая находится под обстрелом врага, а тут санитарный взвод. Я подошел. Смотрю, в ходу сообщения лежит мертвое тело, в шинели, в валенках. Я опустил в этот ход сообщения, взял и перевернул. Дуся мертвая... она уже окоченела совсем. А что оказалось? Вечером она пошла на передний край ночью, понесла нашим солдатам ужин в термосе. И когда солдаты ужинали в блиндаже, упал такой тяжелый снаряд, что всех, кто там был, взрывной волной ударило, в том числе и ее. Потом их перетащили полуживых, но они все равно умерли. Вот такое было расставание с Дусей Калиновской. Не удалось ей увидеть победу.

Помню, как мы отмечали женский день 8 марта 1944 года на фронте. Это было в Белоруссии, мы – на одной стороне Днепра, немцы – на другой. Они стреляют, мы стреляем, но в целом довольно спокойно было. И мы отмечали день 8 марта 1944 года.

В марте 1945 года вызывает меня командир части и говорит: «Концевой, есть мнение, тебя послать в Ташкент, учиться». Оказывается, был приказ Сталина, еще до окончания войны, молодых здоровых, перспективных офицеров сохранить, чтобы всех не перебило, послать учиться в Академию.

9 мая 1945г. – День Победы я встретил в Ташкенте. Это была такая радость, народ ликовал, вся моя гимнастерка была в помаде. Потом нас перевели в Ленинград в институт. Закончил его, 4 года учился, потом 3 года учился в аспирантуре, писал диссертацию, защитился, приехал в Казань. Преподавал политические науки в военном училище, был заведующим кафедрой, получил звание полковника. Когда ушел в отставку, преподавал в строительном институте, сейчас на пенсии.

Корнев Борис Павлович

Родился 17 октября 1923 году в городе Новочеркасске, до войны жил в Чистополе, ветеран Великой Отечественной войны, артиллерист, имеет боевые награды, среди которых Орден Отечественной войны и медаль «За боевые заслуги».

* * *

В 1941 году я окончил 9 классов Чистопольской средней школы №1, а через несколько дней, 22 июня немецкие войска без объявления войны напали на нашу страну. В городе началась массовая мобилизация мужчин на фронт. В июне 1941 года мне пришла повестка в военкомат, и я пошёл добровольцем в армию, потому что мне было 17 лет, а в армию брали по достижении 18 лет. Таких, как я, в команду набрали 300 человек. Нас посадили в трюм парохода «Вера Засулич» и повезли в Казань. В Казани получили назначение в Саратов, где было эвакуировано из Киева 2-е артиллерийское училище. Прочувшись 3 месяца, нас, половину курсантов, перевели для продолжения учёбы в Пензенское артиллерийское училище противотанковой артиллерии. В конце ноября я окончил училище и был переведён в распоряжение Московского военного округа в чине младшего лейтенанта.

В декабре 1941 года немецкие войска были в 40 километрах от Москвы. За два месяца мы сформировали стрелковый полк и были отправлены на фронт. В феврале 1941 года освобождали Калининскую область и город Калинин. Зимы 1941 и 1942 годов были очень суровыми, морозы были 45-50 градусов. Немцы, отступая, сжигали все деревни и населённые пункты. Когда мы занимали деревню, там стояли одни голые печки, и негде было согреться. Мы освободили всю Калининскую область, вошли в Смоленскую. Там немцы остановили нас. Они сломали дома в деревнях и понаделали доты. Помню деревню Лосмянка. Мы в ней стояли где-то два месяца. Брали деревню Вышегоры, где тоже были немецкие доты.

Мы потеряли половину живой силы полка. Из артиллерии осталась только одна моя противотанковая пушка. Получаю приказ от командира полка: я должен ночью подкатить пушку на прямую наводку как можно ближе к немецкому доту, и по сигналу командира полка красной ракетой должен был открыть огонь по немецким дотам, а пехота штурмом должна их взять. Но чуть наступил рассвет, как немецкая артиллерия, заметив нашу пушку, открыла ураганный огонь из шестиствольного миномёта. Разрывы снарядов были рядом с пушкой. Около меня оказался маленький ровик-окоп, я прыгнул в него и подумал: «Только прямым попаданием снаряда меня может убить». И тут же летят на нас следующие шесть снарядов, один из которых попадает рядом с моим окопом, и от внедрения снаряда земля в узком круглом окопе сдавила меня. Жду, сейчас будет разрыв снаряда, и меня разорвёт на куски. Но на моё счастье немецкий снаряд оказался бракованным и не разорвался.

И мы стали короткими перебежками уходить из смертельной зоны, пока немцы делали перезарядку своих орудий. На следующую ночь мы двумя лошадьми с передком вытащили свою пушку из нейтральной зоны и поставили на высотку старой позиции. Где-то через пару дней немецкая артиллерия снова открыла ураганный огонь по нашей пушке. Около пушки нас дежурило двое: я как командир орудия и наводчик; и рядом с нами – штабель бронебойных и осколочных снарядов. Смотрю в бинокль: на нас идёт в наступление до батальона немецкой пехоты. Немецкая артиллерия продолжает стрелять по нам, а их пехота

всё ближе и ближе подходит. Наша пехота, которой осталось очень мало, стала короткими перебежками отходить назад, и мой наводчик, глядя на них, тоже исчез, и остался я один около пушки перед батальоном наступающей немецкой пехоты. Немецкая артиллерия прекратила стрелять, потому что пехота подошла слишком близко к моей пушке и стала стрелять из автоматов.

Я быстро выскочил из окопа к пушке и попытался открыть по немцам огонь, но затвор у пушки был открытым, и в него попала земля от разрыва снарядов. Что делать? Немцы совсем близко, сейчас меня расстреляют. На глаза мне попался топор (топор и лопата всегда бывают около пушки), и я всеми силами ударил по затвору снизу вверх, и затвор закрылся. Пушка имела большую скорострельность, и я один открыл огонь по немецкой пехоте. Она залегла и стала отходить короткими перебежками назад.

Примерно через час наши пехотинцы один за другим пришли на свои позиции, мой наводчик тоже явился. Вот проходят два наших пехотинца, и один говорит другому: «Этому пушкарю наверно дадут большую награду, ведь он один остановил наступление немецкой пехоты». А в нашем штабе полка даже не знали, что немцы делали наступление. И так бывало. Наша пушка как стояла на высоте, так и оставалась стоять. На следующий день с немецкой стороны полетели шесть лёгких бомбардировщиков. Один из наших говорит: «Наверное, полетели бомбить Москву». Но, долетев до нашей пушки, они стали летать по кругу над ней и, пикируя, сбрасывать бомбы. И так продолжалось около недели. Земля была вся изрыта бомбами, но в пушку ни одна бомба не попала.

Вскоре мы получили приказ перейти на другой участок фронта. Всю ночь мы шли, а на рассвете выбили немцев из деревни и заняли её. Мирных жителей там не было, они ушли глубоко в лес. С западной стороны деревни мы заняли оборону и стали рыть окопы для себя и для пушки. С левой стороны, в метрах 400 от деревни, стоял подбитый нами немецкий танк. Время шло за полдень, а наша кухня потеряла нас, что часто бывало.

Мы ели только в прошлый день. Два смельчака захотели залезть в танк в поисках еды. Но как только они стали подползать, немецкая артиллерия открыла огонь, и танк загорелся. Я оставил своих

копать окопы, а сам пошёл в деревню в надежде найти погреб с картошкой. Я зашёл в первый попавшийся дом, увидел в сарае петуха и, подумав, что он всё равно помрёт здесь без еды, поймал и связал его, пошёл дальше в поисках картошки. Вдруг надо мной пролетел самолёт. Я пригляделся и увидел красные звёздочки, обрадовался, что наконец-то на передовой появились наши самолёты. Это был приблизительно июнь 1942 года. Самолёт, пролетев деревню, сделал разворот для нового захода. Самолёт, не долетев до меня, стал стрелять по мне. Пули ложились в двух метрах от меня. Я упал, но ни одна пуля в меня не попала. Самолёт стал делать следующий заход на деревню. Я в это время успел забежать за дом. Это был наш штурмовик ИЛ, он дал из них залп по домам, зная, что в этой деревне должны быть немцы. Нашей авиации не успели сообщить, что мы заняли эту деревню.

Вскоре мы получили сообщение, что находимся в окружении. Меня как самого молодого послали в разведку, чтобы определить, где меньше немецких войск, чтобы сделать прорыв и выйти из окружения. Я вёл наблюдение двое суток и доложил командиру полка результаты наблюдения. В то время, пока я сидел в окопе, в небе шёл бой нашего истребителя с немецким. С земли по ним стреляли зенитки. И в это время какая-то шальная пуля попала мне в правое плечо. Она не прошла насквозь и с 1942 года до сих пор сидит в плече. Все посчитали, что это осколок от зенитки, а не пуля (я узнал, что это пуля только в 1947 году, когда демобилизовался и сделал рентгеновский снимок). Пока полк выходил из окружения, рана в плече стала затягиваться, я снова оказался в строю.

Где-то в июле 1942 года немцы в Смоленской области снова сконцентрировали большое количество техники и танков, и всё пустили против нас. Через некоторое время мы снова попадаем в окружение. В окружении оказалась 16-я армия, 45-я и ещё какая-то за 200 км от передовой линии фронта. Мы оказались в глубоком тылу врага. Сначала двигались остатками разбитого полка на восток. Немецкому командованию всё это было известно. В полку уцелела только одна моя пушка. Меня вызывает командир полка и даёт приказ: наша пехота будет делать прорыв, а я со своей пушкой должен двигаться сзади на случай, если немцы пустят танки сзади нас. Действительно, сзади на нас по полю в шахматном

порядке шли 7 танков. Это были немецкие танки, моей задачей было остановить их.

Мы остановились на просёлочной дороге. С одной стороны была посадка, кустарник. Я установил пушку в кустах и замаскировал, а перекрестие прицела пушки навёл как раз туда, откуда должен был появиться первый немецкий танк. Прошло немного времени, и из лощины выехал первый танк. От первого нашего выстрела бронбойным снарядом танк загорелся (это был лёгкий танк). Через небольшой промежуток времени из лощины выполз тяжёлый танк. После второго выстрела из нашей пушки бронбойный снаряд не пробил броню и рикошетом отскочил от неё. Я не успел дать команды «Расчёт в укрытие!», как выстрел из немецкого танка пришёлся по нашей пушке. Она перевернулась, а расчёт весь погиб. Я лежал в метрах пятидесяти от пушки и корректировочным огнем меня ранило в обе руки: в правой – сквозное ранение, в левой руке осколок от снаряда упёрся в кость.

Я думал, что мне оторвало руки. От разрыва снаряда земля попала в глаза. Проморгавшись, я увидел, что на танках был немецкий десант,двигающийся на меня, стреляя из автоматов. Что делать? В шоке я не владел руками. Я каким-то образом оттолкнулся головой от земли и сделал короткую перебежку до первого дерева (рядом был лес). После второй автоматной очереди я сделал вторую перебежку и снова спрятался за дерево, а немцы дальше в лес не пошли. Так я оказался с простреленными руками один в дремучем лесу. Немного придя в себя, я пошёл по лесной дороге. Навстречу мне шёл наш солдат с санитарной сумкой и без оружия. Я попросил его перевязать мне раненые руки, но он сказал, что бинты кончились. Тогда я попросил его снять с меня гимнастёрку, и нательную рубашку порезать на полосы и перевязать обе руки, чтобы остановить кровь. Он сделал это и надел на меня обратно гимнастёрку, а сам тут же исчез в неизвестном направлении.

Я пошёл по этой лесной дороге, не зная, куда иду. Я оглянулся и увидел, что сзади едет лошадь, а в небольшой деревенской телеге сидит бородатый старик. В лесу стало темнеть, Я подождал повозку, и увидел, что в ней едут ещё двое в наших военных формах. Один – генерал, второй – радист с рацией. Они посадили меня сзади повозки и поехали на лесную поляну, где должны были

развести костры для посадки самолёта У-2, который должен был вывезти их из окружения и забрать меня, если будут места в самолёте. Мы доехали и разожгли костры. Вскоре прилетел и приземлился У-2. Впереди сидел пилот, а сзади было два места, куда сели генерал и радист. И я остался один в тёмном лесу.

Самое страшное было впереди. Я, голодный, подремал возле дерева. Стало светать, а лес прочёсывали эсесовские карательные отряды, и всех окруженных расстреливали прямо в лесу, в плен не брали. Я пошёл по лесной тропе на восток. На небольшой поляне лежало около тридцати расстрелянных эсесовцами наших солдат. Силы от голода стали покидать меня, и я лег среди убитых и заночевал там, подумав, что одного живого среди убитых не найдут.

Утром я встал и пошёл дальше на восток и случайно наткнулся на группу в 30 человек окруженных, которые остановились на привал. Среди них был один майор, который обещал вывести всех на нашу сторону. Меня тут немного покормили ранее сваренной кониной без хлеба и соли. Застрелили лошадь, чтобы сварить мяса на дорогу, стали разделять мясо для варки. Мы с одним раненым в ногу расположились немного в стороне от всех здоровых. Вдруг я услышал какой-то не наш крик, оглянулся и увидел, что перед нашими солдатами стояли немецкие эсесовцы с нацеленными автоматами. Эта картина показалась мне очень страшной. Я быстро сбросил накиннутую на плечи шинель и убежал, скрывшись в кустах. Я не помню, сколько я бежал от этой смерти, но я бежал, сколько хватило сил. Добежал я примерно до такой лесной поляны, где была застреленная лошадь и примерно столько же расстрелянных эсесовцами окруженцев. Один, видимо наш командир, был повешен головой вниз, и всё его тело было окровавлено. Похоже, что его сильно били эсесовцы.

Я понял, что меня ждёт такая же участь и пошёл на восток. Вдруг лесная тропа вывела меня на опушку леса. Оглянувшись назад, я услышал крики эсесовцев и сквозь кусты увидел, что их идёт сюда целая вереница. Я оказался в редколесье, и бежать на этот раз мне было некуда. Я подумал, что меня сейчас расстреляют, но на моё счастье рядом оказалась небольшая сосенка с раскинувшимися до земли большими ветками, и я молниеносно полез под её густые ветви. Рядом была тропа, по которой проходили

эсесовцы. Я слышал их дыхание, и впечатление было такое, что они вот-вот наступят на мою ногу. Но эта смерть меня миновала, и я снова ушёл вглубь леса.

Идя по лесу, я чувствовал, что от голода силы покидают меня. Передо мною появилась вырубка с мелким кустарником. Там паслись наши кони, на них были сёдла, а под сёдлами примерно метр кошмы, чтобы седло не тёрло лошадь. Раненые руки висели у меня на ремне. Я подошёл к одной лошади, зубами отстегнул ремни седла и снял кошму. Так я снял ещё две кошмы. Одну я постелил на землю, а двумя прикрыл себя сверху, и так провёл ночь. Идти дальше из-за голода у меня не было сил.

Утром я увидел в траве землянику и, передвигаясь на коленках, стал собирать её. Вдруг, подняв голову, увидел по другую сторону кустов силуэт человека. Я понял, что наткнулся на немцев и сейчас умру. Я вспомнил родной дом, мать. Я встал и через силу пошёл к этому силуэту. Оказалось, что это наш солдат. Он сказал: «Как ты меня напугал. Я думал, что это немец!» Он сказал, что их здесь поблизости шесть человек, они варят в ведре конину, а командир послал его собрать земляники к чаю. Они меня хорошо приняли, накормили, правда без хлеба и соли, и мы всемером пошли дальше на восток к линиям фронта.

Ночью мы шли по большаку, где ездят немцы, а днём шли лесом. Подойдя к одной деревне, мы встретили нашего связиста. Он сказал, что останавливался в этой деревне и у него есть знакомая женщина. Мы отправили его к этой женщине в поисках еды. Поблизости деревни леса не было, и спрятаться было негде. Была посеяна рожь. Мы ждали связиста час, два, три, но его всё не было. Уже стало светать. Мы сидели на открытом месте у всех на виду. Что делать? В километрах двух от нас стоял большой дом без окон и дверей и с лестницей на чердак. Этот дом оказался сельской школой. Мы зашли туда и поднялись на чердак, потому что больше спрятаться было негде.

Рядом проходила просёлочная дорога. Через окно мы увидели, что в нашу сторону направляется большая толпа народу. Это немцы гнали пленных и возле нашей школы сделали привал. Потом они стали поднимать пленных и бить палками. Как только пленных угнали, мы собрались уходить. Вдруг мы услышали гул моторов.

Немцы везли на гусеничных тракторах две большие пушки и тоже остановились здесь. Они зашли в школу с ломом и стали ломать печку. Немцы взяли несколько кирпичей, вышли, а потом завели трактора и уехали. Мы же один за другим короткими перебежками ушли в рожь. Когда стемнело, мы зашли в крайний домик этой деревни и спросили женщину о нашем пропавшем солдате. Она сказала, что утром русские полицаи связали его и на телеге увезли к немцам.

Итак, нас осталось шесть человек. Мы пошли дальше на восток. В лесу мы встретили парня в гражданской форме лет четырнадцати с немецкой винтовкой на плече и гранатой. Мы спросили, кто он такой. Он сказал, что он партизан, и его партизанский отряд находится в километрах 15-ти отсюда, а его прислал командир отряда к матери в деревню за продовольствием. Так, мы с этим парнем дошли до его матери и договорились, где будем его ждать. В деревнях, где находились немецкие части, на въезде и выезде стояли по двое часовых с собакой-овчаркой. В деревне, куда ушёл парень, часовых не было.

Мы прождали ночь, но парень так и не вернулся. Стало светать, мы пошли искать укрытие, и нашли в конце огорода крайнего дома блиндаж, вырытый хозяином. Там мы и спрятались. Потом мы увидели, что из этой деревни немцы гонят лошадей пастись в лощину, связывают лошадям ноги, а сами возвращаются обратно по тропе мимо нашего блиндажа. Наш старшина, москвич, в то время разбирал автомат. Один немец услышал щелчок и полез в наш блиндаж. Мы вытолкали его, но он с криками побежал в деревню. Мы оказались в ловушке. Мы решили бежать к лошадям в лощину. Добежав, мы увидели, что впереди – высокий косогор, а дальше – поле и посеянная рожь. Мы поползли по полю, выправляя за собой примятую рожь. Где-то часа через полтора мы услышали немецкие крики, топот лошадей и лай овчарок. Всё это приближалось всё ближе и ближе к нам. Мы закидали себя рожью и легли в ожидании. Казалось, что нас вот-вот раздавит копытами. Так продолжалось около часа. Потом немцы ускакали, стало тихо. Мы пролежали во ржи весь день, не поднимая головы.

Мы пошли дальше на восток, всё больше приближаясь к линии фронта. Чем больше мы приближались, тем больше было на пути

немецких солдат. Мы стали двигать только лесами. Голодные, мы вышли к опушке и увидели в полукилометре от нас немца. Он пас лошадей, а сам невдалеке от нас лежал, раздетый по пояс. Из нашей команды я был самым молодым. Шло лето 1942 года, мне было 19 лет. Мне сказали, что мои раны на руках уже почти зажили, и отправили меня увести у немца одну лошадь. Остальные в это время держали немца на мушке. Я подбежал, схватил за уздечку крайнюю лошадь и побежал в лес к своим, а немец всё так же продолжал спать. Мы ушли глубоко в лес, наварили конины на дорогу и двинулись дальше на восток. Вскоре мы подошли к линии фронта, нашли место, где её лучше было бы перейти. Мы переходили линию фронта ночью, в лесу, где немцы пускали меньше осветительных ракет, которые пускались каждые 10-15 минут.

Итак, мы оборванные, обросшие вышли к своим. Нас накормили, одели. Мы прошли спецпроверку в особом отделе – такой был порядок на фронте. Нас распределили по частям. Я был назначен в артиллерийскую бригаду в миномётный полк 120-миллиметровых миномётов. У меня спросили номер приказа военного училища, из которого меня выпустили, и который я, конечно, не помнил, потому что в то время он не был мне нужен. Тогда меня назначили рядовым бойцом, командир дивизиона, в который я попал, назначил меня вычислителем (есть такая должность в артиллерии): я занимался расчётами подготовки данных для стрельбы из миномётов.

С этим полком я дошёл до реки Эльба в Германии. Затем продолжал службу в Германии в зоне советско-американской границы.

Демобилизовался в марте 1947 года. Вернулся домой в Чистополь, поступил работать на часовой завод слесарем. Окончил трехгодичную школу мастеров, потом окончил 5-годичный вечерний машиностроительный техникум. Работал на заводе конструктором, потом начальником конструкторского бюро новой техники, заместителем начальника новой техники. Всего на Часовом заводе я проработал 47 лет и ушёл на заслуженный отдых.

Крулик Валентин Михайлович

Родился 19 июля 1924 года в г. Пензе, ветеран Великой Отечественной войны, танкист, имеет боевые награды; два ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, Орден Славы, медали «За отвагу», «За освобождение Будапешта», «За освобождение Вены», «За освобождение Праги».

Моя солдатская весна

До войны я окончил 9 классов средней школы в Пензе. О начале войны узнал 22 июня 1941 года из выступления по радио В.М.Молотова. В Советской армии по призыву с 3 сентября 1942 г., был курсантом первого Куйбышевского военного училища. С начала апреля 1943 года – автоматчик отдельной роты автоматчиков 6-й Гвардейской мотострелковой бригады 5-го Сталинградского танкового корпуса, рядовой.

Хорошо помню начало Курской битвы. Наступило 5 июля 1943 г., передовая была от нас километров в 10-20. Мы не только слышали, но и видели – невдалеке началась битва. На рассвете 6 июля нас выгрузили в балочке между двух холмов в тихом месте, куда не доносились почти звуки боя. Машины ушли, остались только машины с кухней и машина с имуществом роты. Повара сразу принялись за дело – готовить завтрак, мы курили, разминали ноги, делились догадками, какую задачу нам поставят, оглядывали местность. Кругом были невысокие холмы. Вот на одном из них появилась движущаяся точка, вторая, третья, потом еще несколько, видно было, что что-то быстро приближается к нам.

– «Танки», – сказал кто-то, «Немецкие» – добавил второй. А кто-то стал лихорадочно считать: «один, два, три...двенадцать». Мы стояли в растерянности. Но вот на наших глазах на куски разлетелась кухня и только потом, послышался разрыв снаряда. Другие снаряды начали рваться уже среди нас, взорвалась машина с боеприпасами. И тогда мы услышали голос командира роты: «Отходить через холм!» Мы рванулись в кусты, но они быстро кончились, и мы снова оказались на виду у немецких танков. Снаряды продолжали рваться, а мои товарищи продолжали падать,

чтобы уже никогда не подняться. Танки были совсем близко, теперь они вели обстрел из пулеметов, а мы бежали и бежали по холму, пытаясь тащить и тех, кто уже не мог бежать.

Вот и прошло оно, боевое крещение, прошло глупо, дико, не дав возможности хоть очередью ответить врагу, поселив в душе страх перед внезапной танковой атакой и подтвердив слова «стариков» – «пока не зарылся в землю ты не солдат, а мишень». Долго не могла оправиться рота от этого разгрома. Но бригада вела бои и нас время от времени подключали к ним, когда бригаде приходилось туго.

Помню бой роты за одну деревеньку, вроде Томаровку, вернее за развалины, которые от нее остались. Сожженные хаты, развалины кирпичного дома. Несколько раз немцы пытались ее взять и замкнуть кольцо окружения некоторых наших частей. Несколько раз бросал комбриг в бой нашу роту, в которой оставалось чуть больше взвода солдат. Оставшиеся в живых продолжали бой, выиграли время, дали возможность отойти полку.

В ночь бригаду перебросили километров на 100-150 на северо-запад. Несколько автоматчиков по заданию комбрига пошли в разведку – установить кто в ближайших селах – наши или немцы. Ни своих, ни немцев мы не обнаружили, но нашли много немецких листовок, в которых немцы хвалились успехами своего контрнаступления. Они сообщали, что в районе юго-западе Богодухова ими окружены и уничтожены крупные воинские соединения Красной Армии. Затем шло перечисление «уничтоженных» соединений. С удивлением мы прочли, что уничтожена наша 6-я гвардейская мотострелковая бригада. Немцы были великими мастерами лжи.

После окружения немецких войск под Сталинградом наш корпус, продолжая наступление, освободил Харьков и двинулся к Полтаве. Но сил было уже мало, нашим войскам пришлось отступить, снова отдав Харьков. Так наша бригада оказалась в Ахтырке, где ночевала. На утро наши автоматчики не досчитались одного отделения – солдаты были убиты, а хозяева хаты исчезли.

Боевые действия велись уже на подступах к Днепру. Мы видели немало спаленных немцами деревень: одни пепелища, только печи стоят сиротливо на месте сгоревших хат. Приближаясь к Днепру мы вошли в зону, которую немцы сделали мертвой: 100 километров в ширину, ни одного уцелевшего дома, ни одного уцелевшего

колодца. Не видно людей, скота, птицы: все живое истреблялось здесь немцами. Трупы людей попадались вперемешку с трупами скота. Собак и кошек – и тех немцы истребляли. Страшное, незабываемое зрелище – колодцы, набитые людьми.

Днепр мы форсировали севернее Киева. Переправились ночью на лодках под непрерывающимся огнем немцев. Правый берег высок и крут, по переправе ведет огонь противотанковая немецкая артиллерия. Выстрел и разрыв снаряда сливается, немцы ведут огонь прямой наводкой. Переправились почти без потерь, а как рассветало, полезли наверх. Берег до самого верха порос соснами. Сосны большие, не обхватишь.

3 ноября 1943 г. началось наступление на Киев. Первая полоса обороны немцев была прорвана. В ночь на 4-ое КП бригады расположился в лесу, мы, как обычно, полукольцом вокруг КП. Было тихо, мы тоже старались не шуметь, наскоро отрывая окопы. На рассвете начали осматриваться. Кто-то из ребят с котелком пошел найти ручеек и наткнулся на немцев. Был ранен, к нему бросилась наша девушка-санструктор, но немецкий автоматчик несколькими пулями прострелил ей грудь.

Мы атаковали немцев, но они сидели в хорошо подготовленных траншеях, и выбить их сходу не удалось. Я залег метрах в 15-ти от траншеи, стал готовить к броске гранату, но около меня упала немецкая. Близко, можно рукой дотянуться. А я лежу, прикрыв голову рукой, и из-под руки гляжу на гранату. А она лежит, и время как будто остановилось. Потом граната исчезла, только маленькая воронка осталась. А взрыва я не слышал. И сразу же выглянул немец, мне бы стрелять, а я еще опомниться не могу. Тогда немец мне подбросил вторую гранату. Это меня разозлило и привело в чувство. Схватил гранату и бросил немцу в окоп, увидел взрыв, поднялся и бросился к немецкой траншее. Это чудо, что первая граната меня осколками не задела, только оглушила, и долго еще я почти ничего не слышал и звон в голове стоял.

Вечером 5 ноября к Киеву подошли вплотную, немцы начали взрывать город. И тогда было принято решение атаковать город ночью. Приказ: танки и автомашины с зажженными фарами – вперед! Вот это было зрелище! Огонь и рев. Танки корпуса, за ними наша бригада ворвались в западный пригород Киева – Святошино. Немцам

оставлена дорога к отступлению на юго-запад, к Василькову. Они ей воспользовались. Я проезжал той дорогой уже после 7-го ноября. Все 30 километров по дороге и метров на 100 справа и слева – все завалено сгоревшими немецкими машинами, пушками, танками, всюду трупы немцев, и все белым-бело от бумаги, видимо были разбиты многие штабные машины. Хорошо, что немцам дали возможность выйти из Киева, уж очень их там было много.

Корпус продолжал наступление на юго-запад по направлению к Молдавии, но немцем очень хотелось снова захватить Киев. Им удалось вновь занять Житомир и развернуть наступление по шоссе на Киев. Мы заняли оборону справа от шоссе, растянувшись метров на 200-ти, отрыли окопы, приготовились к бою. Бой шел где-то двух километрах от нас. Рядом с нами, на горах, ставили тяжелые реактивные минометы, прямо с земли, некоторые вместе с деревянной обрешеткой: взлетали мины и медленно удаляясь, рвались в распоряжение наступающих немцев.

«Катюши» били прямо с шоссе, быстро разворачивались и уходили, а на их место вставляли другие и били, и били по немцам. Наступление немцев было остановлено. Через несколько дней, в канун немецкого рождества началось наше наступление. 2 января вступили в Житомир, это был первый крупный город на нашем пути, который можно было рассмотреть.

Мы проходили по центральным улицам города. Ни единого целого дома, обгоревшие коробки без перекрытий и окон, дома, от которых – одна-две стены, и можно было рассмотреть оставшуюся обстановку квартир. Всюду завалы из кирпича и битой штукатурки. Почти не видно людей. Мертвый, страшный город.

Дальше опять были бои, мы освобождали свою землю, выходили на границы страны. В начале октября 1944 года рота вступила на территорию Венгрии.

В январе 1945 года меня вызвал к себе начальник политотдела бригады. В то время я был парторгом роты автоматчиков и думал, что он вызвал меня по делам роты. Оказывается речь шла о другом. Он предложил мне должность комсорга батальона. Я попытался отказаться. Очень не хотелось уходить из роты. Чуть ли не два года я пробыл в ней. Батальоны несли несравненно большие потери, чем наша рота – она реже была в бою. И я согласился.

В батальоне народу – не наберется и роты. Корпус перешел к обороне. Танковые бригады поредели, их можно свести в один батальон. Около недели сидим в обороне. Боёв почти нет – у нас нет сил наступать, у немцев, наверное, тоже. Ждем, когда нас сменят.

После переформирования нас снова перебросили к Будапешту. Мы вели бой в Буде, несколько дней в бою. И вдруг беда. Ночью, когда батальон совершал пеший марш в середине колонны батальона, на шоссе, взорвались мины. Погибли многие, много раненых. Батальон вышел из строя. Снова надо пополняться.

С середины марта батальон с боями продвигается к венгерско-австрийской границе, вели бои в Австрии, участвовали в освобождении Вены. Дальше – бои на территории Чехословакии.

9 мая 1945 г. Мы едем по улицам Праги, ещё раздаются выстрелы, но Прага уже освобождена, чехи радостны и деловиты.

Победа, к которой стремились 1418 дней, добыта в тяжелых боях. Все-таки мы одолели коричневую чуму! Все мы мечтаем о доме, но 1 июня нас грузят в эшелоны и отправляют в Монголию, на новую войну. Здесь 6-я танковая армия получает пополнение. Никогда раньше она не имела более 400 танков, здесь она получила более 1000 танков и самоходок.

9 августа 1945 года армия перешла в наступление. Предстояло сначала преодолеть горный хребет Большой Хинган, через который не было дорог. Об этом знали японцы и не вели разведку в сторону Хингана, за что и поплатились. Наши войска преодолели Большой Хинган через перевал Корхон и Цаган-Дабо.

Представитель штаба бригады предложил командованию японского гарнизона сдаваться. Гарнизон – 50 тыс. человек капитулировал. Однако японцы, капитулировав, не сдали оружия и продолжали воевать с китайцами. Вспыхивали перестрелки, в которых могли погибнуть и наши солдаты. Наш батальон дошел до Порт-Артура и Дальнего, где мы взяли под охрану самые важные объекты – порт, телефон, банки, склады.

19 августа 1945 года мне было присвоено звание – младший лейтенант, вскоре я был демобилизован. После войны работал начальником клуба Казанского Суворовского училища, в отставку ушел капитаном.

Лебедев Петр Павлович

Родился 17 июня 1923 года в г.Чернигове, ветеран Великой Отечественной войны, артиллерист, кавалер орденов Красной Звезды, Отечественной войны, награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы и другие.

Мгновения моей войны

Петр Павлович Лебедев ушел на войну в июле 1941 года и воевал до Победы. Всю войну он вел фронтовой дневник, сегодня его записи – исторический документ, открывающий правду о войне, правду суровую, а порой, и жестокую. В июне 1941 года окончив школу, Петр Лебедев готовился к поступлению на исторический факультет университета. На одной из встреч со студентами Петр Павлович сказал: «Война застала меня за книжками». Он так и не поступил в университет – его жизнь отныне и навсегда была связана с армией.

В июле 1941 года Петр Лебедев был призван и получил направление на учебу в Подольское артиллерийское училище. Курсантом принял боевое крещение – участвовал в обороне Москвы. После окончания сокращенного курса училища молодой

лейтенант в мае 1942 года назначен командиром взвода полковых орудий в 232-ю стрелковую дивизию, с которой участвовал в исторических сражениях под Сталинградом и Курском, форсировал Днепр, освобождал Украину и страны Европы.

232-я стрелковая дивизия в 1942-43 гг. принимает участие в кровопролитных боях в самом сердце России. Здесь молодые воины, городские ребята, впервые увидели настоящую Русь, в древнюю цивилизацию которой безжалостно ворвалась война с ее танками и пушками. «Здесь, в сердце измученной России, мы неожиданно и горько открывали для себя затерянные в бесконечных пространствах лесов и полей деревни, к которым, кроме застывшей тележной колеи, никаких других путей не было. Казалось, ничего здесь не менялось, может, сто лет, а может, больше. Тот же утопанный земляной пол, до блеска отполированные задами многих поколений скамьи под окошками, образа под полотенцем в красном углу, колесо прялки посреди, самодельное выдолбленное корыто с отрубями, кольцо для люльки в потолке...». Здесь была та Россия, которую и нужно было защитить, заслонить собой, именно это было тогда главным.

В своем дневнике Петр Лебедев пишет и о чувстве страха, который был, конечно, у каждого воина. И называет одно из самых страшных мгновений своей войны – тот миг ожидания в бою под Воронежем летом 1942 года. Увидев наступающие танки, новоиспеченный командир П.Лебедев выкрикивает слова команды, которые он четко усвоил за 5 месяцев обучения в артиллерийском училище. Расчет орудия имел боевой опыт и делал то, что надо, ожидая только заключительной команды: «Огонь!». И вдруг – «нештатная ситуация». «...Танки ...вдруг исчезли, словно растворившись в дымке». Танков не видно, однако отчетливо слышно, как работают их двигатели, слышно, что они приближаются. Лейтенант понял, что танки скрылись в балке и могут «вынырнуть» прямо перед орудиями, которые не смогут, не успеют выстрелить. Это был миг отчаянного страха, безнадежности, о котором фронтовик вспоминал через десятилетия. Закончился этот бой вполне достойно: когда танки все же появились, орудия открыли огонь и подбили сразу две машины, остальные повернули назад.

По коротким фронтовым записям видно, что в боевых условиях

мальчик, юноша быстро становится мужчиной. Лейтенант Лебедев был командиром для бойцов иногда значительно старше его, он быстро усвоил, что такое ответственность за людей, за их жизни. Он терял боевых товарищей. П.Лебедев пишет о многих смертях, тогда это было обыденностью, трагедией потери стали после войны. Петр Лебедев называет многие фамилии, вспоминает эпизоды боев, иногда незначительные детали, обстоятельства гибели людей. Пишет и о себе, всегда правдиво и откровенно.

11 декабря 1944 года П.Лебедев был ранен в Венгрии при взятии одного небольшого села (это было его второе ранение). Тогда стояла холодная мокрая погода, и земля была вся пропитана водой. Так не хотелось падать на нее, и молодой командир опустился только на колено. Ударил пулемет, и правую сторону груди обожгло. Ему ясно представилось, как принесут похоронку матери. «Представилась комната в нашей квартире, круглый стол под плюшевой скатертью, старинный сундук, на котором я когда-то маленьким спал, даже большое зеркало, беспричинно, как говорили, лопнувшее в мамином доме в день начала той войны. Знакомый довоенный почтальон протягивает маме конверт, в котором (я уже знаю) отпечатанное на машинке казенное письмо, называемое теперь похоронкой. И не собственная смерть, которую не мог себе представить, а то, что должно произойти здесь через несколько мгновений, было для меня самым страшным».

По признанию фронтовика, после войны долго снились ему не бомбежки и артобстрелы, а особенные мгновения войны и «остающиеся вечно живыми товарищи». Со страниц его дневника перед нами встают вечно живыми те, которых он называет поименно. Вот, например, связист Марков, которого почему-то никто из товарищей не любил из-за его скверного характера. «Телефонист Марков у нас – самый тоскливый человек. Нет у него не то что друга, но и просто человека, к которому бы он просто относился с симпатией. Все у него лентяи или дураки, в общем, не пригодные ни к чему люди. И всем на свете он недоволен – погодой, старшиной, горами Карпатскими и, конечно, войной». Однако как специалист Марков был безотказный. «Стоило случиться прорыву кабеля, он тут же без всякого приказа, в очередь – не в очередь, брал свою сумочку с необходимыми принадлеж-

ностями, телефонный аппарат, моток кабеля и отправлялся по линии...Марков не только исправно исполнял свой долг, но как казалось, стремился брать на себя тяжесть чужих обязанностей». Погиб Марков от случайного осколка, когда шел в штаб полка получать свою первую и единственную награду – медаль «За боевые заслуги».

А вот новый герой – Петр Алексеевич Ложкин, «удивительно несуразный боец», который большую часть времени проводил за приготовлением и доставкой пищи разведчикам. «Совершенно добровольно Петр Алексеевич взял на себя множество других забот о беспечном в бытовых делах племени разведчиков. Время от времени он устраивал для нас баню с постирушкой и неизменным прожариванием обмундирования в приспособленной для этого металлической бочке, чинил обувь, латал одежду, а в холод и непогоду устраивал что-то вроде обогревательного пункта, разводя в укрытии костерок. И уже одно то, что была надежда обогреться, независимо от того, удастся это или нет, придавало силы переносить тяготы переднего края... Он был нужен. Без него невозможно было представить нашу жизнь. И не только потому, что вряд ли можно было найти человека столь заботливого и преданного, но и потому, что на войне с ее жестокой, бесчеловечной мерой полезности, которую она предъявляла к каждому, и с оценкой людей в соответствии с этой мерой, он, этот добрый нелепый мужик, любил и жалел нас, пусть неумело и наивно, но по человечески и бесхитростно». Погиб Ложкин в Карпатах, его нашли с пробитой пулей головой, когда он пошел на речку вымыть посуду после ужина.

Молодые люди, вчерашние школьники, ставшие командирами, должны были для себя решить вопрос о ненависти, о ненависти к предателям, которая подчас была более конкретна, чем ненависть к врагам – фашистам.

П.Лебедев записывает в дневнике, как ему пришлось отдать приказ о расстреле «власовцев», обнаруженных его разведчиками в одном из сел. В суровых условиях наступления он не мог поступить иначе, однако и через много лет детально помнит, как выглядели пленные, что рассказывали о себе. Помнит и сержанта, который должен был выполнить этот приказ. Через много лет при

встрече он спросит у бойца, действительно ли тот исполнил приговор. « – Да как бы я мог тогда этого не сделать? – ответил тот. «Неожиданно и, наверное, сам не заметив этого, Елфимов назвал меня по давнему званию, как будто бы и не было этих десятков лет и мы остаемся теми же ребятами, которым выпала доля жить и поступать по неумолимым законам войны, за гранью жалости и милосердия».

Наши воины умели ненавидеть врагов, но и умели быть милосердными, иначе в своей ненависти они бы уничтожили человеческое внутри себя.

П.Лебедев вспоминает один из эпизодов войны, когда ему ненадолго выпало быть военным переводчиком. Он хорошо запомнил своего первого немца, которого допрашивал в ноябре 1942 г. под Воронежем. «Немец тяжело ранен, почти все время бредит, и я ночь на пролет сижу у его койки в медсанбате. Иногда он приходит в себя, смотрит на меня с удивлением, видимо, не соображая, где он, но на мои вопросы отвечает чуть слышно: «Их вайс нихтс» («Я не знаю»). Перед рассветом ему, кажется, становится лучше. Долго смотрит на меня, показав взглядом на мою полевую сумку, бормочет что-то неясное... Просит показать ему фотографии, оказавшиеся у него при пленении. Я достаю их. Обычные, как почти у каждого из них, карточки в целлулоидном пакетике... И вот я, командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии, одну за другой показываю ему, фашисту, эти глянцевые карточки (на которых родные и близкие немецкого солдата), расходуя остатки отпущенного ему и мне, переводчику драгоценного времени... Я проклинаю и эти фотографии, и немца, и себя – размазню. Но прервать эту мучительную сцену почему-то не могу... Немцу становится все хуже. У него даже нет сил досмотреть фотографии. Он закрывает переполненные слезами глаза: «Данке, герр офицер...». В этом случае русский офицер проявил именно милосердие к умирающему врагу, поступая так совсем не из «корысти» («может, в благодарность за мою глупую доброту он все же ответит на мои вопросы»), а именно из великодушия.

После войны П.Лебедев со своим полком размещался в германском городке Бернау. Здесь он познакомился с немецким пареньком Клаусом, а тот доверил советскому офицеру прочитать

свой дневник. Что свело их вместе: командира Советской Армии, молодого коммуниста и члена «Гитлерюгенда», молодого нациста. Как пишет П.Лебедев, их разделяла сравнительно небольшая разница в возрасте и «целая пропасть между мирами, в которых мы воспитывались». Удивительно, что прошедший через всю войну и видевший столько крови и страданий Петр Лебедев не испытывал ненависти к этому немецкому юноше, оказавшемуся по другую сторону окопов. Более того, русский офицер хорошо понимал чувства и переживания своего противника.

Например, Клаус пишет о встрече с русским солдатом в мае 1945 г. (можно предположить, что это был первый русский солдат в жизни этого немца). «Он бежал мне навстречу и еще издали кричал: «Война капут! Война капут! На дом,...на дом,...на matka!» Он был в грязной, порванной в нескольких местах рубашке, с автоматом за плечом. По возрасту не намного меня старше. Потом обнял меня совсем по-братски и побегал дальше. Я уже успел переодеться в гражданское, но он, наверное, все же понял, с кем встретился. А ведь еще вчера он мог меня убить. Или я его».

Они были по разные стороны фронта, но войну закончили вместе. Дай бог, чтобы навсегда.

Петр Павлович Лебедев пишет свое исследование по истории Великой Отечественной войны несколько десятилетий: первая запись в его сохранившемся военном дневнике датируется 22 июня 1941 г., после войны он восстанавливает фрагменты дневника, дополняет фронтовые записки. И сегодня эта книга воспоминаний и размышлений не окончена. У Петра Павловича Лебедева, как у любого другого фронтовика – своя Великая Отечественная.

После войны окончил Петр Павлович артиллерийскую академию, командовал ракетной батареей, возглавлял кафедру в Казанском высшем командно-инженерном училище. После увольнения в запас с 1978 г. работает в Казанском государственном архитектурно-строительном университете.

Ломов Борис Алексеевич

Родился 12 сентября 1919 года. На фронте с июня 1941 года. Участвовал на оборонительных сражениях начала войны. Прошел боевой путь от командира батареи до командира полка и начальника артиллерии дивизии. Был демобилизован в мае 1942 года ввиду тяжелого ранения и инвалидности, награжден боевыми наградами: орденом Отечественной войны; двумя орденами Красной звезды; медалью «За боевые заслуги».

Первый в моей жизни бой

Я на фронте с самого начала войны. Испытал горечи отступления и потерь. Жаркое лето 1941 года для многих моих боевых товарищей было временем суровых испытаний. Из событий этого рокового времени в моей памяти на всю жизнь остался первый в моей жизни бой у шоссе Улла – Мясоедово.

Утром 8 июля 1941 г. я проснулся оттого, что начало стрельбу мое 45-ти миллиметровое противотанковое орудие. Без бинокля было видно, что орудие под командованием сержанта Рахимова, бьет по гусеничным бронетягачам «Комсомолец», на которых в противотанковом дивизионе дивизии перевозили орудия. Попенко предупреждал меня, что дивизион этот оборонялся впереди, перед городом Улла и, скорее всего его матчасть – орудия, тягачи и люди погибли, но возможно, что им удастся вырваться. Тогда они будут отходить по шоссе, на которое нацелено мое орудие.

Немцы сидели на наших тягачах, переодевшись в наши синие комбинезоны, и я подумал, что произошла ошибка и стреляем по своим. Подскочив к орудю, я заорал: – Стой! Прекратить стрельбу! Рахимов с удивлением оглянулся на меня и тоже крикнул: – Ложитесь, товарищ лейтенант, ложитесь! По нам же бьют!

Действительно, над головой свистели пули, но я считал, что отстреливаются в панике наши, ехавшие на тягачах «Комсомолец». Присев на колени, увидел в бинокль, что за «Комсомольцами» на шоссе стояли замаскированные ветками деревьев три танка с замазанными фашистскими знаками на броне. Головной «Комсомолец» уже горел. Немцы прыгнули с него в кювет шоссе и вели

автоматный огонь по нашему орудю. Но дальность для автоматов была великовата, да и целились немцы неточно, поэтому пули роем проносились над нашими головами. По немцам стали вести огонь станковые пулеметы «Максим», позиция которых была вправо от нас. Это были мощные пулеметы, хотя состояли на вооружении еще со времен гражданской войны. От их огня загорелись броневики-тягачи «Комсомолец».

Густой дым от горящих «Комсомольцев» закрыл от нас два головных легких танка. Третий задний танк по-видимому плохо ориентировался в обстановке и вел огонь не по самому опасному для него нашему орудю, а по пулеметному взводу. Я закричал: «Огонь по заднему танку, по заднему, Шакиров!»

До начала войны мы хорошо подготовили орудия батареи к боевой стрельбе: выверили прицельные приборы, отрегулировали противооткатное устройство. Наводчик орудия ефрейтор Шакиров очень хорошо умел наводить прицельное приспособление орудия в цель, учитывая «мертвые хода» прицельного устройства (зазоры между шестеренками). И в первом, в его жизни бою, под огнем немцев он не растерялся, наводил как на боевых стрельбах в мирное время. Поэтому с первого же выстрела загорелся задний танк, а затем и головной танк. И тут зашумели над нашими головами мины. Они в отличие от летящих снарядов, издают приглушенный звук. Понял я, что это немецкие минометы, находящиеся в хвосте немецкой колонны, и не видимые нами, но одна мина отклонилась от всей серии и разорвалась около нашего орудия. Шакиров ахнул и схватил правое окровавленное ухо. Как потом, оказалось, оторвало ухо напрочь, и прикрыл он рукой то, что осталось от ушной раковины.

Я бросился на место наводчика орудия и стал лихорадочно наводить ствол орудия во второй танк, который стал просматриваться через дым, смотрю, он поворачивает свой оружейный ствол прямо па меня. В этот момент я ничего не слышал и ничего не видел кроме этого немца. Успел я все-таки, обогнал его! Мой первый снаряд ударил в башню танка, в самое защищенное у него место. Пробить броню башни снаряд не смог, рикошетировал. Но, по-видимому, заклинил башню, и ее орудие подергалось, подергалось, но смотрело не в меня, а немного правее, и все же стрельнуло.

Его снаряд с визгом пролетел мимо моего правого уха и разорвался где-то сзади, в лесу, наверное, ударился в ствол сосен. Мне хватило времени изменить точку прицеливания, но второй снаряд пролетел мимо и только третьим я поджег мотор танка, а уж четвертым доконал немца. И сразу стало тихо, или мне показалось, что затихло. Оторвавшись от прицела, я увидел, что у рядового Зельцер, призванного из Литвы и только что присланного в нашу батарею, весь лоб в крови.

«— Почему не перевяжете его? — Да он, товарищ лейтенант, сам лоб подставил под откат ствола. — Так может быть он нечаянно, не обучен еще!?»

— Мы его, товарищ лейтенант, — со злостью проговорил сержант Рахимов — два раза отталкивали от казенной части, а он все равно подставил свой лоб. Удрать из боя хочет!»

«— Перевязать — приказал я, плюнул в сторону Зельцера, — в трибунал пойдет! Наблюдатель, рядовой Дорошко, из Белоруссии, доложил: «Нэма немцев, товарищ лейтенант!» Сержант Рахимов добавил: «— Переоделись они, гады, в наши синие комбинезоны и сидели на «Комсомольце». Наши разведчики за своих и приняли их, подпустили вплотную. Ну, они внезапно и расстреляли наших, потом спрыгнули в кювет, оттуда огонь вели, пока не удрали по этому глубокому кювету.»

«— Где Шакиров?» «— Перевязали мы его голову, а идти в медпункт, развернутый в Мясоедово, отказался, говорит, что руки и глаза у него еще целые, стрелять может, еще поможет нам. А сейчас затих, крови у него много вышло». Когда пришли в те кусты, где лежал Шакиров, оказалось, что с пулеметчиками был санинструктор. Вот он, с одним пулеметчиком и повел Шакирова в Мясоедово. Рядовой Иванов был убит, взяв его документы, похоронили его по-скорому. Посланный Рахимовым к окопу разведвзвода Васильченко вернулся и доложил: «— Наших девять трупов, большинство пулями в голову. Немцев нет, унесли с собой по кювету. Своих накрыл брезентом с «Комсомольца», документы у меня.»

«— А где же остальные разведчики, ведь их было шестнадцать?»

«— Наверное, товарищ лейтенант, убежали по глубокому кювету в сторону Мясоедово.»

Я оглянулся и увидел, что пулеметчики тащат свои тяжелые

пулеметы по земле в тыл. Не разобравшись как следует, я выхватил из кобуры свой пистолет и закричал: «— Стой! Расстреляю сволочи!» Тут вмешался Рахимов:

«— Товарищ лейтенант, был посыльный от командира полка, передал приказ на отход, я не успел вам доложить.»

Теперь и мы все слышали отдаленную стрельбу в лесу к западу от нас. Значит немецкая пехота, ехавшая в хвосте колонны головного отряда, начала прочесывать лес. А немцы в этих случаях ходили цепью и вели огонь перед собой.

Мы потащили орудие на себе по лесу, но вскоре уперлись в глубокий овраг с обрывистыми берегами. Было ясно, что с орудием его не преодолеть, даже с трактором. Взглянули на шоссе, благо, что оно было рядом. Но от намерения тащить орудие по шоссе пришлось немедленно отказаться. На наших глазах «Мессершмидт», истребитель, расстрелял на бреющем полете конную повозку с ранеными.

Было ясно, что нужно уничтожить орудие. Но для подрыва у нас не было взрывчатки. И тут я вспомнил, как в артиллерийском училище преподаватель поучал: если ствол орудия не будет чистым, то при выстреле снаряд хотя бы немножечко задержится в канале ствола и произойдет взрыв в канале ствола, разворотит ствол.

«— Засыпать песок — приказал я — в канал ствола! Всем в овраг!» «Товарищ лейтенант! — вмешался Рахимов — Ведь так убьет Вас! Давайте вынем замок орудия и возьмем его с собой. Без замка немцы не смогут использовать орудие.»

Мы вытащили замок и толкнули орудие в овраг. После чего пошли лесом к селу Мясоедово, вскоре я увидел начальника артиллерии нашей дивизии полковника Власова (в это время он значился уже пропавшим без вести)

Я подошел к Власову и доложил как положено, а также, что мы уничтожили три танка. «— Ладно, лейтенант, верю тебе. А сейчас бери под свою команду вот эту пулеметную роту!»

Я знал, что пулеметная рота по Уставу не подчинена ни мне, ни Власову, но командир пулеметной роты был кадровым офицером и понимал обстановку. Мы оба с ним стали с тревогой всматриваться в опушку леса, из которого я только что вышел. Было так тихо, что слышались звуки щебетания кузнечиков.

«– Открой огонь по опушке леса» – сказал я командиру пулроты.

«– А если там наши?»

«– Нет там наших, я последний вышел».

«– Вы могли и ошибиться».

«– Ну, давай тогда по верхушкам деревьев, если там немцы – не полезут на пулеметы.»

Три станковых пулемета системы «Максим» открыли огонь. Меня удивил их мощный огонь. На опушке враждебного леса, даже в бинокль – ни души.

«– Я уйду» – сказал командир пулроты.

«– Нельзя уходить!» – я заговорил командирским тоном – Видишь, последняя гаубица еще не перевалила за высоту».

Мой командирский тон возымел положенное. Постояли еще с полчаса, но затем он твердо сказал: «– Всё, я уйду!» и приказал грузить пулеметы на свои конные повозки

Я не стал вмешиваться, тем более что гаубичный артиллерийский полк уже отошел, по моим расчетам, на безопасное расстояние.

Через 15 минут из села Мясоедово пришел красноармеец и сообщил, что осколком мины убит какой-то полковник с артиллерийскими эмблемами. Стало ясно, что убит полковник Власов.

Так закончился первый в моей жизни бой. Марш немецкой танковой дивизии на Витебск был задержан на полдня. Тогда, в начале войны такая задержка танковых колон противника, рвущихся к Москве, имела очень большое значение.

После этого сражения еще были еще бои: прорыв из окружения под городом Невель в составе 22-й армии; бои близ города Андриполя; бой у села Орсино; бой на реке Бол Коша, оборона северо-запада Ржева, село Першино.

А закончил я боевые действия 5 мая 1942 года, ввиду тяжелого ранения (ранение осколком мины в правый глаз, небольшая контузия) в 5 км западнее села Першино в должности командира батареи 386-го стрелкового полка 178-й стрелковой дивизии.

Участники проекта «Факел» с ректором КГАСУ Р.К.Низамовым.

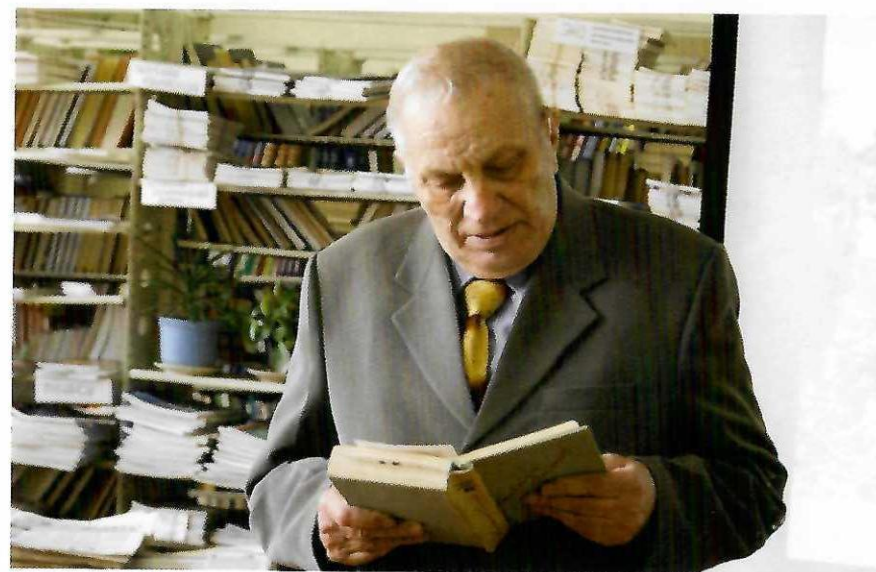
Р.К.Низамов, С.И.Никонова и Ю.Э.Нуриахметова.

Заседания актива поискового проекта «Факел».

*Преподаватели кафедры истории и культурологии
Казанского государственного архитектурно-строительного
университета.*

*Петр Павлович Лебедев – ветеран Великой Отечественной войны,
военный историк – консультант проекта «Факел».*

*Ветеран Великой Отечественной войны
Р.В.Гатауллин и участники проекта «Факел».*

*Ветеран Великой Отечественной войны
А.И.Концевой и участники проекта «Факел».*

*Председатель Правления ДОСААФ РТ Р.Р.Зарипов
и Председатель Республиканского Комитета ветеранов войны
и военной службы А.Г.Юлашев.*

*Ветераны Великой Отечественной войны А.И.Концевой, В.С.Гусаров
и сотрудники кафедры истории и культурологии С.И.Никонова,
А.А.Иванов, Р.Р.Зарипов, А.А.Хабибуллин и Ф.Г.Миниханов.*

Республиканская конференция «Народ и армия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», посвященная 65-й годовщине Великой Победы.
Президиум.

На трибуне – Р.Р.Зарипов.

Герой Советского Союза С.А.Ахтямов на встрече со студентами КГАСУ. 28 апреля 2009 г.

С.А.Ахтямов и руководство университета.

Ветеран Великой Отечественной войны М.П. Константинов и студентка КГАСУ А.Антипова.

*Герой Советского Союза
Б.К.Кузнецов на встрече
со студентами КГАСУ.
12 декабря 2009 г.*

Б.К.Кузнецов и ректор КГАСУ Р.К.Низамов.

*Студенты КГАСУ –
участники
интеллектуальной игры
«65 лет Великой Победы».*

*Такими же молодыми
уходили бойцы на войну
в далеком 1941...*

Ветераны войны – почетные гости Университета.

Активисты проекта «Факел» - победители городского (г.Казань) тура интеллектуальной игры «65 лет Великой Победы».

Малафеева Александра Андреевна

Родилась 20 марта 1918 года в Камском Устье, ветеран Великой Отечественной войны, зенитчица, старший сержант, имеет боевые награды, среди которых медаль «За оборону Москвы».

Девочки, а вы-то куда?..

В начале апреля 1942 года был объявлен первый набор добровольцев. Я, вместе с пятью подругами явилась на комиссию, и все мы были признаны годными.

Нас, грамотных девчонок, имевших среднее или несколько курсов высшего образования, направили в одну из дивизий I-го Московского фронта ПВО: здесь ожидался удар танковой армии Гудериана, поэтому укрепляли все средства защиты. Меня хотели было оставить при дивизионной технической библиотеке, но патриотическая жилка сразу выиграла: «Как это? Только на батарею!» Так я попала на огневую позицию. Это был второй рубеж противовоздушной обороны, располагавшийся километрах в 30-ти от Москвы.

В первую же ночь – налёт. В небе – море огня от разрывов, грохот выстрелов, закладывающий уши, дыхание сбито из-за плотных воздушных волн, следовавших одна за другой. В сполохах дикого сияния мы, ошеломленные происходящим, заметили бойцов, плотными кольцами окруживших каждый наш расчет (новичков сразу расставили к приборам, которые предстояло освоить). Потом мы спросили, для чего был организован этот почётный караул. И получили ответ: « А чтобы не разбежались с перепугу».

Мужская половина obsługi зенитных батарей состояла из бойцов уже в возрасте. Попадались и молодые ребята – в основном после ранения и госпиталя. Мужчины несли службу в разведке, взводе охраны, непосредственно возле орудия.

Девчатам предстояло изучить новые технические средства, предназначенные для прицельной стрельбы по самолётам: даль-номеры, приборы ПУАЗО (поразить цель, несущуюся с огромной скоростью в заоблачной выси без системы сложнейших расчетов с применением данных, полученных от специального оборудования, нереально). Всего на каждой батарее было сосредоточено

до 70 бойцов. Поначалу стреляли больше заградительным огнем, посылая в сторону вражеских самолётных стай плотные рои осколочных снарядов, затем понемногу стали пробовать и прицельные залпы.

Меня, имевшую самое «стереоскопичное» зрение, назначали на дальномер. Этот почти астрономического назначения прибор представлял собой четырехметровую трубу, до предела напичканную чистой оптикой. При помощи сложной системы верньеров, позволявших совмещать масштабные сетки с истинным изображением в плоскости всех трех координат, определялись высота и дальность цели. Полученные данные мгновенно отправлялись расчёту ПУАЗО, который после их обработки передавал зенитчикам непосредственно указания по наведению орудия на цель. Все эти обязанности требовали от нас знаний геометрии, тригонометрии, способности к быстрому счету, а также крепких нервов и ясной головы: попробуй не перепутать углы и азимуты, когда в 20-ти метрах от тебя бухает зенитное орудие, в небе ревут пикирующие самолеты, глаза слепят вспышки смертельного «салюта», а над головой свистят реальные осколки.

В 1943 году нам стало полегче – группы бомбардировщиков появлялись все реже, и зенитчиков начали перемещать дальше от Москвы, в сторону западной границы области.

Жизнь военная, поначалу представляющаяся нам сутью простой формулы «будь всегда начеку; бей первым, тогда уцелеешь», все-таки являет собой сложный конгломерат боевых будней и нелёгкого быта, когда трагические странички перемежаются с долгожданно-спокойными, а то и забавными. Помню, как однажды, будучи штатным батарейным запевалой, рассорилась в строю по дороге в столовую со вторым «песельником», Ваней, об очередности нашей почетной миссии. Ни я, ни он даже на повторную команду запевать не пожелал, и в результате батарея протопала привычный путь в полной тишине. Принципиальный старшина, естественно, тут же скомандовал «Кругом!», отправив голодных зенитчиков на исходную точку. И вновь «Запевай!» – молчание. После второго холостого марша пожилые служивые возроптали: «Да вы что – с ума сошли?!» Только после этого мы затянули что-то из привычного репертуара.

Вообще, конечно, женщинам на фронте было тяжело. Секретность объекта не позволяла устраивать более или менее удобное жильё, спали в тесных землянках вповалку на нарах. Из-за регулярных ночных тревог ложились и одетыми, и обутыми. Снимали только шинели, которые в темноте и неразберихе часто путали (готовность – 2 минуты!), облачая стройные фигурки в то, что попадало под руку. Как-то раз одна из «фасонистых» девчонок (тоже камскоустыинская) решила перед сном юбку снять, чтобы не ходить днем в мятой. Как она предполагала отыскать её в тревожной суматохе – неизвестно, только в строй моднице пришлось вставать в шинельке, накинутой совсем не на верхнюю часть обмундирования.

Как-то раз все наше отделение зенитчиц чудом избежало смерти, причем от своих же танкистов. Самолеты не летали, все отдыхали в землянке. Вдруг часовой стучит в трубу: «Живо наверх!» Оказалось, что танковая колонна шла маршем прямо на позиции зенитчиков. Из-за грохота гусениц танкисты предупредительных выстрелов бойца не слышали, и только тогда, когда он начал палить по щелям танковых, и отставшая краска попала одному из водителей в лицо, колонна остановилась. Уцелели чудом, избежав страшной гибели под гусеницами наших же огромных машин.

Много лишений натерпелись мы из-за отсутствия соответствующей женской ноге обуви. Первую зиму пробедовали в коротеньких ботиночках. Потом маялись в огромных мужских сапогах, теряя их на учениях в бросках по-пластунски через занесенные снегом картофельные поля. Снимали вечером портянки – а их к голенищем намертво приморозило... Мечтали вечерами: «Вот кончится война, приедем домой, и вымоем ноги горячей водой». Мёрзли постоянно – не успеешь обсохнуть, согреться – вновь тревога.

По прибытии на батарею сразу же расстались с роскошными косами: по тревоге быстро не уложишь, да и ухаживать за этой красотой возможности не было. Меня парикмахер поначалу уговорил косы оставить, но через месяц я сама попросилась под ножницы, оставив на голове лишь коротенькие вихры.

А вообще, жили мы дружно – как родные. Старослужащие

бойцы помогали женщинам обустроить нехитрый быт, ремонтировали землянки, снабжали дровами для печурки, те, в свою очередь брали на себя заботу о солдатских подворотничках. Осенними ночами мужички промышляли по части картошки с окрестных полей: американская соя (основа рациона) для русского человека – баланда баландой, а рассыпчатая, хоть и сваренная за полночь бульба – лакомство. Стоило только в дверь стукнуть: «Девчата, картошка приехала!» – куда и сон пропал...

Штатным дальномерщиком я стерегла небо Родины до конца войны, демобилизовавшись 15 августа 1945-го. Командовала отделением, дослужилась до звания старшего сержанта, была представлена к медалям « За оборону Москвы» и « За победу над Германией». После войны работала в школе учительницей.

Мингазов Миннахмат Мингазович

Родился 2 марта 1924 года в д. Березняки Кукморского района Татарстана, ветеран Великой Отечественной войны, пулеметчик, награжден военными орденами и медалями: медаль «За Отвагу», орден Отечественной войны.

Это страшное слово «война»...

Это страшное слово «война» я услышал ранним июньским утром 1941-го года на работе, когда вместе с отцом выгружал сено. Одноклассница Гюзаль прибежала прямо в поле и так тихо сказала: «Война...» Тогда я не мог себе даже представить, что такое война, и что мне предстоит пережить.

Я всегда хотел побывать в Москве, посмотреть красивые и большие города. И я их увидел, война начертила для меня свой тяжелый маршрут.

20 августа 1942 года меня призвали в армию. Поездом нас из Кукмора отправили в Удмуртию в военный лагерь. Мы ехали и оживленно разговаривали всю дорогу, даже не задумываясь о том, куда едем и зачем. Казалось, что война идет где-то там, далеко, и мы молодые казались себе смелыми и бесстрашными. Занятия

продолжались целый день: мы бегали с винтовкой, учились окапываться, много стреляли. На отдых практически совсем не оставалось времени. Командир никому не делал никаких поблажек. Один раз, во время занятий, я упал и растянул ногу, боль была очень сильной и нога мгновенно распухла. Но пришлось заставить себя встать и, преодолевая боль, продолжить занятия. Как только выдавались минуты отдыха, думал о своей семье и о еде. Кормили ежедневно, но порции были очень небольшими и только на время притупляли чувство голода. Я никогда не пил и не курил, и однажды, когда командир сделал перекур, я побежал на гороховое поле, которое находилось рядом с военным лагерем. Гороха тогда я наелся досыта. А когда вернулся обратно, то получил два наряда вне очереди.

Осенью учения закончились, нас распределили по вагонам и, не говоря ничего, повезли дальше. Уже на месте мы узнали, что наши дальнейшие учения будут проходить в Чувашии. Нам приказали выйти из вагонов и построиться возле какого-то полуразрушенного здания. Командир назвал фамилии и велел выйти из строя. Когда я услышал свою фамилию, то сделал шаг вперед сам не зная, что будет дальше. Командир сказал, что мы показали лучший результат на стрельбах и останемся в Чувашии для подготовки на пулеметчиков. Всю зиму мы учились стрелять из пулемета. Меня капитан часто хвалил и говорил, что с меня надо брать пример. Многие из-за этого обижались, потому что я был самый молодой в отряде. Зима была очень холодная, а теплых вещей у нас не было. Мы все время мерзли.

18 марта 1943 года нас отправили на фронт. Перед отправкой хорошо накормили, выдали несколько комплектов одежды. Когда я спросил у сержанта, почему так много вещей, он усмехнулся и ответил, что и этого мало будет. По пути на фронт мы остановились в Москве. Там нас хорошо накормили и отвели в баню. Тогда в 1943-м я впервые увидел столицу, которую так мечтал посмотреть в детстве.

Нас посадили в эшелон и отправили дальше. Чем ближе эшелон приближался к линии фронта, тем отчетливее были слышны залпы орудий. Вскоре эшелон остановился. Взрывы раздавались совсем рядом. Оказалось, что это немецкие самолеты начали бомбить эшелон. Пришлось идти пешком через лес. Дойти нужно было до рассвета, поэтому мы двигались без остановок. Вот здесь и приго-

дился опыт, полученный в военном лагере в Удмуртии. Под утро шли вдоль речки, где я увидел солдата, который плыл на лодке. Вместе солдатом в лодке сидела большая собака. Подойдя ближе, я увидел в лодке чьи-то ноги, тело закрывал брезент. Впервые по-настоящему стало страшно. Я понял – война начинается здесь.

В лесу нам выдали винтовки, пулеметы и каски. Опять нам ничего не говорили, а спросить мы не осмелились. К нам присоединился сопровождающий, потому что дальше надо было пройти через заминированный участок. Сопровождающий шел впереди, а за ним, точно следуя в ряд, шли мы. От одной мысли, что сейчас взорвется мина, вновь стало страшно. Дошли до леса, дальше идти не было сил, очень устали и хотелось пить. Решили в лесу сделать привал, развести костер и растопить снег. Только разожгли костер, как из-за горизонта показался немецкий самолет. Потушив костер, мы спрятались, и самолет пролетел мимо. Выйдя из леса, увидели вдалеке деревню, которую предстояло освободить от немцев. Командир приказал окопаться.

Перед наступлением нам зачитали приказ Сталина «Ни шагу назад!». Мне было непонятно, как свои смогут стрелять по своим. Через час перешли в наступление. Первый взвод, который первым поднялся в атаку, через час был уничтожен немцами. Только что вместе сидели с ребятами из первого взвода, и вот их уже нет. Здесь нам каждый день давали водку. Мне тоже предлагали, но я никогда не пробовал спиртное и решил, что еще не время. Среди солдат я оказался самым молодым. После боя солдаты рассказывали много историй из жизни и шутили, наверное, чтобы заглушить чувство страха. Ночью взвод по команде подняли в атаку. Я и еще двое моих товарищей должны были прикрывать наступление пулеметным огнем.

Это был мой первый бой с немцами, который запомнился на всю жизнь. Когда взвод вошел в деревню, был дан сигнал, и мы стали продвигаться вслед за своими. Идти через лес с пулеметом было тяжело, он постоянно цеплял ветки деревьев. Мы с товарищем решили идти напрямую через поле. Войдя в деревню, я в очередной раз почувствовал страх. Повсюду были трупы наших и немцев. Мы похоронили и помянули всех наших погибших солдат. После того боя я получил свою первую медаль «За Отвагу».

После этого тяжелого боя во второй роте не осталось пулеметчиков. Командир второй роты попросил у нашего командира двух пулеметчиков. Меня и еще одного солдата перевели во вторую роту. Когда выдавалась свободная минутка, мы с ним разговаривали, всегда находились общие темы для разговоров. В составе второй роты мы участвовали в освобождении деревни Калиновка. По возвращении в штаб, нас обвинили в дезертирстве и собирались взять под стражу. К счастью у нас при себе были документы, подтверждающие наш перевод во вторую роту. Лейтенант перед нами сразу же извинился, а потом нас напоили ароматным горячим чаем, который в годы войны был большой редкостью. Вернувшись в свою часть, мы участвовали в освобождении еще нескольких деревень. Во время очередного наступления снаряд попал в окоп, в котором я находился. Солдат, что лежал рядом со мной погиб, а меня даже не задело. Потом в роте все меня называли везунчиком. Я тогда и подумать не мог, что везение скоро закончится.

На следующее утро наша часть перешла в наступление. Со всех сторон свистели пули, рядом падали убитые товарищи. Страха уже не было, осталась пустота. Вдруг я почувствовал резкую боль в ноге. Ранение было сквозное, но подняться и встать на ногу не было сил. Я посмотрел назад, наших уже не было. Передо мной лежал мертвый солдат, я дополз до него и положил голову на его ногу. Очень хотелось пить. Рядом, на расстоянии шага я увидел небольшую ямку, видимо воронка после взрыва мины. Преодолевая сильную боль, дополз до ямки и стал пить эту воду. Вода была грязная и мутная, у нее был привкус пороха, но очень сильно хотел пить. Потом снова почувствовал острую боль на этот раз в руке, это немецкая пуля попала мне в плечо. Сил не осталось совсем, как и надежды. Я понимал, что умираю, но было не страшно, а грустно. Уже теряя сознание, я увидел, что ко мне идут четверо солдат. Свои или немцы? Сжимая из последних сил в руке гранату, я решил взорвать немцев вместе с собой. Я услышал русскую речь и понял, что это – свои. Судьба подарила мне шанс на спасение. Солдаты положили меня на шинель и понесли к саням. Сани были переполнены. Каких только раненых там только не было. Многие из них так и не доехали до медсанбата. Легкораненых оставили в медсанбате, а меня и других тяжелораненых переправили в

госпиталь. Ночью нога начала ужасно болеть, пошло заражение крови, и врачи в экстренном порядке сделали операцию. Только утром я узнал, что ногу ампутировали. Душа моя плакала. Температура не падала, аппетит пропал. Сосед по палате – капитан предложил выпить водки, но разве она могла помочь. Мое состояние ухудшалось, единственным выходом было только переливание крови. Пока переливали кровь, сестра несколько раз уходила, прибывали новые раненые. Госпиталь постоянно трясся от бомбежек, немцы целенаправленно бомбили в этом направлении. Рядом лежали раненые, многие стонали от боли, но некоторые пели, наверное, чтобы не думать о том, что не сегодня, так завтра они могут умереть. Через неделю меня вместе с тяжелоранеными отправили в город Кабров. Госпиталь размещался в старой школе, на стенах которой все еще висели портреты. Аппетита по-прежнему не было, и одна медсестра накормила меня кашей насильно, чем спасла меня от голодной смерти. А впереди был еще не один госпиталь, сначала в Калуге, затем в селе Песчанка на берегу Байкала. Только там начала заживать рана на руке, но вскоре началось опять заражение крови. Врач, осмотревший меня, был так поражен, что вслух воскликнул: «Кто Вам так сделал операцию!» Мне стало понятно, что ногу ампутируют полностью. Эта операция, как и госпиталь оказались последними. На следующий день в палату вошел хирург с пакетом печенья и конфет и направился сразу к моей койке. «Это тебе, – сказал он, – бери». Многие в палате начали возмущаться, почему все ему, но хирург ответил: «Он самый молодой из вас». Нога быстро заживала и привыкала к протезу, который сделали в этом же госпитале. Сначала ходить было очень тяжело и больно. Один раз я упал и так сильно ударился, что врач запретил вставать целую неделю. Так летом 1943 года на берегу озера Байкал я заново учился ходить.

После полного выздоровления в марте 1944 года я вернулся в родную деревню. Уже дома узнал, что отец и брат погибли. В конце 1945 года вернулись двое младших братьев. Жизнь пошла своим чередом, но эта страшная война еще долго отдавалась болью не только в ноге, но и в душе.

Мифтахутдинов Хайрутдин Фасхутдинович

Родился 18 ноября 1919 гоа в селе Татарские Сарсазы Чистопольского района Республики Татарстан, ветеран Финской и Великой Отечественной войны, рядовой, имеет правительственные награды, в том числе орден Отечественной войны, медаль «За оборону Советского Заполярья».

Дороги солдатские

Вырос я в простой крестьянской семье, рано остался сиротой, до войны окончил семь классов, работал в колхозе механизатором.

Однако пришла пора служить в армии. Долг есть долг. Но не думал, не гадал я в те дни, что сниму солдатскую шинель только через 7 лет, именно столько я был в строю. В 1939 году я был призван в ряды Советской армии, служил по 1946 год. И к моему счастью, раненым никогда не был, и в госпитале не пришлось лежать.

Принимая военную присягу перед строем боевых товарищей, я с оружием в руках поклялся до конца быть верным Родине и остался верен своей клятве.

Начинал военную службу еще в Финскую войну, меня отправили в Воронеж. А из Воронежа наш путь лежал до Беломорья.

Был санитаром, каждый день мы помогали раненым, выводили из горячих точек. Приходилось сильно переживать; раненые, убитые, контуженные – это все осталось в сердце. Всё что мы пережили, невозможно описать словами.

После Беломорского мы продолжили путь в Мурманск. И вот здесь мы узнали о начале войны с фашистами 22 июня 1941 года. Из нашего полка многих отправили на фронт, в том числе и меня, из Мурманска мы ушли катером. Продолжил службу я в стрелковой дивизии, был санитаром.

Врачам в каких только условиях не приходилось выполнять сложнейшие операции, обрабатывать раны – и в блиндажах, и в палатках, и при свете автомобильных фар, и при дымящих коптилках, и при обстрелах с земли, и при бомбежке с воздуха.

Вспоминается одна картина войны. Недалеко линия фронта, в ложбинке, прикрытой от вражеских наблюдателей небольшим взгорком и зарослями, расположился наш медсанбат. С рассвета, как только полк занял оборону и оказался на острие огненного удара, сюда почти непрерывно доставляли раненых. Была у нас одна молодая девушка, звали её Анастасией, она работала фельдшером. Я никогда не забуду ее подвиги: как она боролась за жизнь каждого, не жалея свою. Она сама вытаскивала из кромешного ада раненых. Сама Анастасия рассказывала мне о первых своих боях: «Помню берега Кубани выше станиц Старокорсунской и Горячий Ключ. Как сейчас вижу: пьяные немцы, одурманенные хмелем первых побед, с нахальными рожами идут на нас...»

Да, так было. Наш полк тогда подпустил их поближе. После залпа орудий мы бросились в атаку. Враг не выдержал рукопашной и откатился. Под ураганным огнем полк продвигался вперед. И вдруг где-то рядом слышим стоны. Боец – весь в крови – звал санинструктора. И тут мелькнула фигурка Анастасии. Она сделала раненому перевязку и помогла отползти в более безопасное место – в ложбину, а сама устремилась в гущу боя. Горели крайние хаты, от близких разрывов леденела душа. А фельдшер отчаянно выносила искалеченных товарищей. Вот уже несколько десятков бойцов скопилось в той ложбине. Анастасия валится с ног от усталости, но продолжает вместе с нами бороться за жизнь людей, подготавливает их к отправке в тыл. Стелется едкий дым, пере-

хватывает горло, раздирают душу стоны и проклятья, но девушкам некогда передохнуть, слышно только их срывающиеся голоса: «Потерпи, родненький, потерпи миленький, еще немножечко». А над головами плывут армады «юнкерсов».

Анастасия принимала участие в боях на Кавказе, воевала на Дону, освобождала Кубань и Ростов. А потом ее фронтовые дороги потянулись на запад. И до самого конца войны оставалась Анастасия на передовой под пулями врага.

Наша дивизия освобождала Украину. Помню, 10 марта 1945 года мы были под Мариуполем. Тут нас разделили по деревням, местное население нас поило-кормило. Ночью мы на разведку выходили, мины ставили.

Дальше путь дивизии лежал через Карпаты на запад. Однажды, когда мы двигались по горам, водитель танка вдруг остановился. Оказалось, здесь взрывали мины, и возник обрыв, если бы не танкист, мы бы сорвались в пропасть с этого обрыва.

Я прошел длинную солдатскую дорогу: через Польшу, Чехословакию (Прагу, Кибет), Венгрию (Сантабель), Германию. 9 мая 1945 года наш полк находился по дороге в Дрезден, до Берлина оставалось всего-то семь километров, как нас остановили, и приказали идти обратно в аэропорт в Дрездене. Тогда нам сообщили хорошую новость: мы победили. Все мы были очень счастливы. В то время мы не чувствовали усталости, мы радовались, танцевали, пели песни. «Мы победили!»

После окончания войны я еще год служил в Венгрии, в городе Санбатель, оттуда демобилизовался в июне 1946 года.

Вернулся домой, работал в колхозе комбайнером, зимой на ферме. Женился, вырастили шестерых детей. В настоящее время проживаю с младшим сыном, супруга умерла в августе 2008 года. И у меня двадцать три правнука.

Моисеев Андрей Никонорович

Родился 27.09.1927 г. в селе Тагашево Пестречинского района Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, военный моряк-радист, имеет награды: орден Отечественной войны, медали.

Я – краснофлотец!

О войне я узнал 22 июня 1941г. В 1943 году уехал в город Казань, где поступил работать в Казанский меховой комбинат учеником слесаря. В 1944 году при морской школе (она находилась на улице Профсоюзной) окончил шестимесячные курсы радистов.

В призыв всем моим сокурсникам прислали повестки, а мне нет, так как не достиг призывного возраста. На следующий день я пришел в военкомат на комиссию, где сказал: «Почему мне нет повестки? Я же прошел курсы радистов!?!». На что мне ответили: «Иди, парень, отдыхай пока, надо будет, и тебе пришлем повестку». В это время уже все призванные проходили медицинскую комиссию, я спросил у ребят, что делать, и они сказали: «Да зачем вообще нужна эта повестка, раздевайся и проходи комиссию с нами!». После чего я прошел всех врачей, и только у последнего врача,

кто подводил итог о годности к военной службе призывника, у меня спросили повестку. А я ответил: «Потерял ее, пока бегал тут по врачам». А проверять никто и не подумал, и выписали мне новую повестку с отметкой «годен». Сказали, чтобы с собой взял ложку и кружку.

Вернувшись домой, сообщил матери об уходе утром на фронт и попросил уволить меня с Казанского мехового комбината. Мама сначала не поверила, и сказала: «Как же так, Андрей? Тебе же нет еще 18! Как же тебя призвали на фронт?». Я показал ей повестку. Мама очень расстроилась и горько заплакала.... Но деваться было некуда, начались сборы. В вещевой мешок сложили все необходимые вещи, но забыли один из самых нужных предметов – ложку.

23 октября 1944 года прибыл в военкомат Татарской АССР. Нас построили, и мы своим ходом пошли на железнодорожный вокзал, где нас распределили по товарным вагонам, называемых в те времена «телятниками». В каждом городе, где останавливался поезд, – Муром, Ярославль, Вологда, – нас водили в столовую, а я был без ложки. В годы войны ложку было купить невозможно, и только в Архангельске я встретил мужчину, торговавшего ложками. Обрадовавшись, я спросил: «За сколько ложку продаешь?», мужчина ответил: «50 рублей», это было достаточно дорого, но я был готов отдать и 100, лишь бы была своя ложка.

В Архангельске снова прошли медицинскую комиссию, помылись в бане. Потом нас переодели в морскую форму. 600 человек определили на транспортное судно «Воронеж», которое должно было нас доставить в Мурманск. На Северный флот 18 октября 1944 года пришел ледокол, чтобы вывести нас из северной Двины в Белое море, которое было еще не замерзшим, хотя мороз стоял около 30 градусов, было очень холодно. На выходе в море нас должны были встретить военные корабли.

Горизонт был чист, кораблей не было, задержались по неизвестной причине. Нам всем раздали пробковые пояса, показали, как ими пользоваться. Причем предупредили, что если пояс надеть на живот, то при падении в море тебя перевернет вверх ногами, и выбраться будет невозможно, а если на грудь – то будешь бултыхаться в воде. В условиях ледяной воды выдержишь не более

5 минут, а операция спасения занимает полчаса. Эта новость была, естественно, нерадостной, но других вариантов не предполагалось...

В трюме, где мы располагались, было очень душно, спали мы на трехъярусных койках. Многих тошнило – морская болезнь мучала. Мы ходили полуголодными: на сутки выдавали шапку хлебных крошек и одну селедку на человека. Всю дорогу нас сопровождали штормы и тот, кто не выдерживал качку, оставался практически голодным. Жить в таких условиях было невыносимо тяжело.

Через 4 дня пришел старшина и крикнул: «Кто работал в кочегарке?», мы втроем ответили, и нас отвели в кочегарку, где был приятный запах, в отличие от трюма, где пахло кислотой. Нас хорошо накормили, потом нужно было почистить топки, помогать подтаскивать уголь. Там мы пробыли четверо суток, после чего нас вернули в трюм, где был ужасный запах. Я пробрался к открытому люку, и тут услышал, как из команды транспорта кто-то сказал: «Не дай бог немцы... Потопят всех, как кутят». Глянув по курсу корабля, я увидел на горизонте три мачты.

Командир дал команду повернуть к берегу и добавил: «Выбросимся на берег, может, кто-то останется жив». Корабли, подойдя ближе, просигналили звон, то был наш конвой – три миноносца: «Жаркий», «Жгучий» и «Живучий». При выходе из Белого в Баренцево море нас повстречала подводная лодка немцев, её торпедную атаку сорвали наши корабли конвоя.

Войдя в Баренцево море, мы попали в сильный шторм – 8-9 баллов. После захода на остров Колгуев, пошли курсом на Иоканьку. Недалеко от Иоканьки нас снова встретила подводная лодка немцев. Вероятно, та самая, что встречала нас в первый раз. Но ей опять не дал торпедировать наш транспорт «Воронеж», и мы вошли в порт.

В Иоканьке мы простояли четверо суток, отдохнули от шторма и снова вышли в море, взяв курс на Мурманск. Здесь под свою охрану нас взяли корабли Северного флота, крейсера «Мурманск», «Лидер», «Баку», миноносцы и два тральщика. Каждые 10-15 минут пролетала тройка наших самолетов на низкой высоте: район был опасный в Карелии еще шли бои.

Когда мы проходили мыс Святой нос, нас снова встретила под-

водная лодка немцев. Наши корабли вовремя обнаружили её, и, окружив, забросали глубинными бомбами. Бомбили на совесть, море буквально кипело от взрывов, после мы узнали, что лодка была потоплена.

Дальше, пройдя остров Кильдин, и оставив по правому борту полуостров Рыбачий, мы вышли в Кольский залив. До Мурманска оставалось 80 километров. Не доходя до Мурманска, нас повернули в Ваенгу (Североморск), потому что был налет немцев на Мурманск. В Мурманске были разбомблены все строения, целыми остались лишь здание железнодорожного вокзала и железнодорожные пути. Благодаря этому составы могли идти напрямую, из Мурманска в Ленинград, иначе пришлось бы перегонять составы в объезд через Архангельск.

Так закончился наш морской поход. Измотанные трудными днями похода, мы все равно были очень рады, что все были живы и здоровы.

Члены военного совета, кажется, Алексеев, и начальник штаба Заремба из Ваенги нас отправили в город Полярный – главную военно-морскую базу Северного флота. Здесь нас расписали по кораблям и частям. Я был зачислен в поселок Сеть–Наволоок, в 1-й отдельный Артиллерийский дивизион береговой обороны главной военно-морской базы города Полярный Северного флота.

Служил краснофлотцем, по специальности радистом, под командованием командира 1-го артдивизиона, полковника Колтыпина. Перед отправкой к месту назначения к нам пришел командующий Северным флотом адмирал Головкин и поздравил нас с благополучным прибытием. В своей напутственной речи он пожелал быть верными традициям русского флота.

Нас снова разместили на военные корабли, и мы вышли в Кольский залив. Корабль взял курс на выход из Кольского залива. Через час мы уже были на мысе Сеть–Наволоок. После высадки на пирсе, нас построили, и мы двинулись в расположение своей части.

В части нас встретили радостно, расспрашивали о гражданской жизни, вздыхали, вспоминая свои семьи. Некоторые служили по 11 лет, потому что призваны были в 1936, и служба должна быть закончена в 1941, но так как началась война, им было необходимо продолжить службу. Возраст старослужащих был от 20 лет до 52,

и поэтому нас, 17–18-летних, воспринимали как мальчишек. Нас привели в столовую, где было нарезано хлеба без нормы, в те времена это было роскошью. Но через два дня уже давали каждому поровну – 2 кусочка хлеба. Каждый день давали фронтовые 100 грамм, но я не пил, и на мою порцию вставали в очередь старослужащие, а мне отдавали сахаром. Также мне, и всем некурящим, один раз в месяц давали большую плитку шоколада, вместо сигарет. Старослужащие относились к нам по-отечески, старались помочь во всем, передать знания по своей специальности, быстрее адаптироваться к военной службе.

Так началась моя боевая служба. Каждый день были боевые тревоги. За три минуты нужно было одеться, обуться, добежать до боевого поста и доложить о прибытии. Быстро прошли курс молодого бойца. Проводились политические занятия, на которых обсуждались международные вопросы. Нас обучали флотским традициям, рассказывали историю российского флота, начиная с его основателя, Петра I, с подробными описаниями битв, морских сражений, о прославленных адмиралах, полководцах, таких как Ушаков, Нахимов, Макаров, Кузнецов, о битвах и сражениях, которые прославили русский флот.

Определили меня в радиорубку на подвахту, ознакомили с документацией, с правилами работы на радиостанции. Вахту несли по шесть часов через шесть часов. С вахты приходил усталый, в ушах стоял сплошной писк морзянки и нашей, и немцев. И в этом сплошном писке нужно было не пропустить свой позывной. Командиром отделения у меня был младший сержант Попов. Опытный радист, который преподавал нам материальную часть и, по возможности, заставлял тренироваться в передаче шифровок на пищике и в приеме радиограмм.

Зиму 1944–1945 года пережили тяжело. Угнетали полярная ночь и ураганные ветра. Во время метели при переходе натягивали веревку, держались за нее. Если отпустишь ее, собьешься с пути, тебя уже не найдут, потому что видимость была меньше метра. Море штормило постоянно, и связи с Большой Землей не было по месяцу, а иногда и больше, все зависело от погоды. Боевые тревоги были частыми: и днем и ночью. Поэтому, когда приходил караван судов союзников, мы не покидали своего поста.

4 февраля 1945 года торжественный день – мы принимали Присягу. Я почувствовал себя полноправным и настоящим воином, ответственным защитником Родины. И, находясь на самом краю моей земли, я особенно остро ощутил: «Вот оно моё море, а там, за горизонтом, в любое время может появиться враг. За моей спиной моя земля, моя огромная Родина, и я несу ответственность за ее безопасность». И в тот момент у меня не произвольно сложились стихи, я их не записал, но помню до сих пор.

Россия

*«Россия русская держава,
Сильна ты дружбою везде!
К миру путь ты указала
Всем народам на земле.
Стоишь ты грозно, как утес
Среди морских пучин,
Туман интриг агрессоров
Кружится над ним.
Но солнце мира выше всходит
И гонит прочь туман,
А ты стоишь сильнее и краше,
Утес тот великан».*

Наконец зима закончилась, утихли штормы, и море успокоилось, хотя волна шла приличная, с «барашком».

15 апреля 1945 случилась трагическая гибель нашего корвета прямо напротив наших батарей. Дело было так. Была солнечная тихая погода, что бывает очень редко в это время года. Нам прочитали лекцию о международном положении и обстановке на фронтах, затем мы вышли на перекур и любовались солнечной погодой. В это время из Кольского залива вышли четыре корвета и повернули в Мотовский залив. Шли красиво в кильватер друг за другом. Поравнялись с нашими батареями, примерно на расстоянии двух-трех метров от нас. Вдруг раздался сильный взрыв, рядом с предпоследним корветом поднялся столб воды, и корабль разломился пополам. Передняя часть корабля через несколько секунд затонула, оставшаяся на плаву корма вспыхнула, как факел.

Остальные корабли ринулись в стороны, затем, описав полу-

круг, подошли к месту трагической гибели корабля и начали спасать оставшихся в живых...

Мы ничем не могли помочь и от бессилия молча глотали слезы. Погибло более тридцати человек, спасенных сразу отправили в госпиталь в город Полярный.

Вскоре прибыл командующий адмирал Головкин на своем катере «Орлёнок», подошли еще корабли, пытались потушить пожар, но попытки оказались безрезультатными. Корма горела еще долго. На следующий день пришел буксир и отбуксировал ее в Кольский залив. Причина взрыва осталась неизвестной. Предполагали, что это была подводная немецкая лодка, которая и торпедировала корвет. Жалко ребят, погибших в самом конце войны. Вечная им память!

Война шла к концу, и вот 9-го мая, в 6 часов утра раздался крик дежурного: «Подъем, ребята, война закончилась!!!» Мы вскочили как угорелые, обнимались, даже сделали «кучу малу», кричали «ура!», в общем, вели себя как дети, ведь многим было по 17-18 лет, радовались от души.

Войну я закончил 9 мая 1945 года на мысе Сеть-Наволок радистом в звании «матрос». Демобилизовался 25 марта 1951 года и поехал домой в Казань.

Новиков Алексей Тихонович

Родился 23 марта 1919 года, ветеран Великой Отечественной войны, военный врач, имеет правительственные награды, в том числе Орден Великой Отечественной войны, медаль «За боевые заслуги».

Командир «санитарного фронта»

Я родился в селе Деево Алексеевского уезда Тульской губернии, в 1934 году окончил 19 неполную среднюю школу им. Г.Н. Каминского и поступил в медицинский техникум, который закончил в 1937 году. Моя трудовая биография началась в Управлении Беломорско-Балтийскими лагерями (УББЛга), райцентре Медвежья гора, – в последующем Медвежьегорск.

Я был назначен фельдшером, в 22-ое Волозерское отделение УББЛга, в 6-ой лагерный пункт (лагпункт). На все 22-ое Волозерское отделение был один вольнонаемный врач – М.И. Барышев, который обслуживал 7 лагерных пунктов.

Прием в лагерном пункте я вел вместе с заключенным – лекарским помощником (лекпом) и регистратором, также заключенной. Прием проводился в вечернее время.

Спустя пять месяцев в Волозерском отделении был создан 1-ый механизированный лагпункт с узкоколейной железной дорогой и другой механизацией. Для медицинского обслуживания было создано сан.бюро, начальником которого назначили меня.

В состав сан.бюро входили: амбулатория, приемная для заключенных, стационар-изолятор для заключенных на 40 коек и аптека.

По этапу в отделение прибыли два врача, аптекарь и фельдшер – все заключенные. Врач Филипп Исаевич Бадьян – участник Гражданской войны, работавший некоторое время главным врачом санатория «Мцыри» под Москвой; врач-терапевт Густав Карлович Шумахер, работавший ранее в одной из Московских поликлиник. Оба были осуждены по статье СОЭ – социально-опасный элемент сроком на 5 лет.

На такой же срок был осужден бывший владелец аптеки Лев Соломонович Грулев. В это же время был назначен на должность начальника мед.службы отделения Иван Иванович Царьков, – фельдшер по образованию, хорошо знающий специфику мед.службы в лагерях. В начале Финской войны он был призван в Армию и погиб.

Заключенные УББЛга были этапированы в УралЛга, в том числе Бадьян Ф.И. и Грулев Л.С.. Доктор Шумахер Г.К. умер в пути. В начале ВОВ Бадьян Ф.И. и Грулев Л.С. получили освобождение. Позднее Бадьян Ф.И. был призван в действующую Армию.

Далее я поступил в Пермский медицинский институт, но получать стипендию я не мог, потому что один из экзаменов, а точнее химию, сдал на 3. Не смотря на то, что родители высылали мне деньги, я сразу устроился на работу в областной дом санитарного просвещения. Там я и другие студенты работали санкультпросвет организаторами, то есть организовывали просветительские лекции, а в периферийных рабочих поселках сами выступали с лекциями и беседами. Областной дом Санпросвета действовал до начала войны.

Успешно закончив курсовые экзамены в институте, мы решили отметить, взяв еды и спиртного, ушли в «ямы» (место отдыха студентов), недалеко от общежитий. Возвращаясь, мы узнали о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Так началась война.

Учебный процесс в институте несколько изменился: больше внимание уделялось клиническим дисциплинам хирургического профиля, военно-полевой терапии и эпидемиологическим заболеваниям. Сократились часы по детским заболеваниям. Я вновь вернулся на работу в горгоссанинспекцию, где проработал до окончания института. С начала войны в город Пермь стали поступать непрерывно эшелоны с западных и юго-западных областей Союза, а так же из Ленинграда и Ленинградской области, с эвакуированным населением. Студенты ВУЗов привлекались на разгрузку эшелонов, а санитарные поезда с ранеными целиком обслуживались студентами-медиками, которые развозили их по госпиталям с учетом ранений и заболеваний. Так же ускоренно проводилась перестройка промышленных предприятий: так, например, на базе авиатехникума – за 2 недели было развернуто и установлены станки предприятий машиностроения. Много пришлось помогать больным и детям, эвакуированным из Ленинграда.

Работая в горгоссанинспекции, я должен был контролировать качество выпускаемой продукции для населения и для воинов, отправляемых на фронт. Из патриотических чувств мы вчетвером подали рапорт о призыве в действующую армию. Но военная призывная комиссия в резкой форме отказала нам, заявив, что врачи на фронте нужны, и нам было велено продолжать учиться.

В Пермской области была развита химическая промышленность и из Москвы в октябре 1941 года эвакуировали Наркомат химической промышленности. Так возник небольшой поселок эвакуированных из Наркомхимпрома, куда и прибыла студентка московского медицинского института Аня Акодис, с которой мы поженились в феврале 1944 года.

В начале мая 1944 года я сдал Государственный экзамен. Началось распределение врачей-выпускников по областям и районам. Прошло не более 2-х недель, как начался призыв выпускников в действующую армию. Не менее 50-ти выпускников отбыли в Москву с предписанием прибыть в Отдельный батальон специального резерва медслужбы РККА.

Через несколько дней после прибытия в Москву, меня вызвал командир батальона подполковник медслужбы Батманов. Он

сообщил мне, что я направляюсь в действующую армию согласно заявке начальника медицинской службы Златкина Л.А.. Мне был вручен опечатанный сургучной печатью конверт, в котором находились предписание и моя служебная характеристика с места работы. Предписано отбыть в Нежинский район, на Черниговщину. Вместе со мной в это войсковое соединение был направлен после прохождения лечения в госпитале капитан медицинской службы Ляшенко В.П.

Прибыв в Нежинский район 7 июня 1944 года, мы явились к полковнику медслужбы Златкину Л.А. Он принял нас очень тепло и после завтрака доставил в 557-ой Отдельный медико-санитарный Батальон, развернутый в Верткиевке и представил нас командиру медсанбата гвардии капитану Юрию Воробьеву. Я был назначен командиром санитарно-эпидемиологического взвода, с денежным содержанием 900 рублей в месяц и сразу же был представлен личному составу медсанбата. По штату я являлся командиром взвода, а по занимаемой должности старшим санитарным врачом-эпидемиологом воинского соединения 7-го – Гвардейского механизированного корпуса – генерала Корчагина – Героя Советского Союза.

По штату в санэпидвзвод входили: врач токсиколог, старший лаборант, инструктор дезинсектор и санитар. Имущество взвода: полевая химическая лаборатория (ПХЛ), прибор химразведки (ПХР) и две душевых установки на автоприцепе.

Приступив к исполнению своих обязанностей, я ознакомился с санитарно-эпидемиологической обстановкой в районе дислокации воинских частей и подразделений 7-го Гвардейского механизированного корпуса, находившегося в данный момент в резерве Главного командования. Предстояло пополнение боевой техники и укомплектование личным составом частей и соединений корпуса. В Медсанбате долечивали раненых после форсирования Днепра и лечили текущих больных. Личный состав войсковых подразделений проходил боевую подготовку, иногда трудился на полях Черниговщины, а так же веселился, влюблялся и даже кто-то женился в освобожденном городе Нежин.

Летом 1944 года Нежинский мехкорпус был погружен в воинские эшелоны и направлен в Минск. Там после освобождения его

в так называемом «Минском котле» имелись незначительные группировки фашистов. Ожидалось прибытие новых танков и другой боевой техники из Кузбасса. Войска корпуса дислоцировались в Минской и Гомельской области, между Минском и Бобруйском. В Минске формировался и штаб Белорусского военного округа, а командный пункт и штабные подразделения находились в большом и малом Тростянце, под Минском. Медсанбат был развернут в селе Каролишковичи.

О больших сражениях в «Минском котле» указывало еще и наличие незахороненных трупов немцев, уже начинавших разлагаться. Это создавало опасную санитарно-эпидемиологическую обстановку. Мне как санврачу приходилось вмешиваться в ситуацию для быстреего захоронения трупов. В некоторых населенных пунктах были случаи групповых заболеваний сыпным тифом и другими инфекциями: соответственно приходилось принимать меры.

В октябре 1944 года через освобожденные районы республик Прибалтики корпус направляется на Запад и включается в состав 3-го Белорусского фронта, готовится боевая операция в Восточную Пруссию. Войска корпуса проводили боевые действия в районе Даркемен, Кибартай. Но планируемая боевая операция в Восточной Пруссии была отменена командованием, наш корпус передислоцируется в Польшу и входит в состав 1-го Украинского фронта маршала Конева И.П.

В медсанбате в районе Кибартая произошел такой случай: как то снаряд при артобстреле влетел в окно помещения, где был развернут хирургический блок. К счастью снаряд не разорвался и особого ущерба не причинил.

30-го ноября 1944 года войска передислоцируются в Польшу, предстояло форсирование Вислы, на Сандомирский плацдарм в населенный пункт Ниско.

5-го января 1945 года я в составе передовой разведгруппы переправлялся на плацдарм через Вислу. При форсировании Вислы, машина, в которой я ехал вместе с передовой группой, начала подпрыгивать. Фашистский самолет-разведчик проводил обстрел, но к счастью снаряды падали мимо, и переправа благополучно закончилась.

С Сандомирского плацдарма войскам предстояло наступать на Ченстахов. Медсанбат развернулся в Химцинах. Войска фронта успешно наступали, и медсанбат оказался на значительном расстоянии от района боевых действий. Ведущий хирург Павел Олейник предложил мне посмотреть дома, где можно было устроиться на отдых в свободное время. Прогуливаясь, мы зашли в отдельно стоящий солидный дом, где проживал настоятель храма ксёндз, закончивший духовную академию еще в царское время. На вопрос об устройстве для временного проживания, он обратил внимание на его личную библиотеку, загруженную книгами, свою комнату и комнату экономки. Других жилых помещений не было. Мы поняли и решили не беспокоить его. Он поблагодарил нас и позвал на воскресный обед.

13 января 1945 год командир медсанбата Юрий Воробьев вызвал меня и сообщил, что мне предстоит поехать в Химцины. Там оставалась половина имущества медсанбата и большая часть команды выздоравливающих. Во главе с командиром Антоном Мицкевичем я должен был передислоцировать все в Месдно. Командир медсанбата заявил, что ему больше некого послать, хирургам предстоит большая работа. Было приказано взять пулемет, набор боеприпасов и отбывать в направлении Киздери. Проехав 30 км, я увидел, что навстречу к нам шла автомашинка с мигающими фарами. Я остановился, в легковой машине сидел подполковник, который сообщил, что впереди были немцы. Маршрут пришлось изменить по объездным и проселочным дорогам, не нанесенным на карту, обращались к населению, но никто не отвечал, даже не открывали двери. Лишь в одном населенном пункте, хозяин дома, едва услышав русскую речь, открыл и сообщил, что ночью немцы врываются в дома и обворовывают население. Он сказал нам, как лучше ехать. К месту назначения — Химцины, мы прибыли в 14.00. Я передал подготовку личного состава командиру медроты Антону Мицкевичу. В Химцинах были 2 автомашины и походная кухня. После завершения подготовки, автоколонна двинулась в рейс к месту основной развернутой базы. На обратном пути, когда оставалось полсотни км до Месдно, мы узнали, что проводились боевые действия по уничтожению прорвавшейся группировки немцев. К нашему счастью все закон-

чилось благополучно, хотя в медсанбате думали, что мы попали под обстрел этой группировки.

Немцы надеялись надолго приковать наши войска, поэтому при разработке плана пришлось пересмотреть и усиление 7-ым Гвардейским мехкорпусом; решено передислоцировать и вывести из состава 3-го Белорусского фронта на 1-ый Украинский фронт. Танки, самоходные установки и часть грузов перебрасывались по железной дороге, артиллерия, минометы и личный состав – на автомашинах. Преодолев за трое суток несколько сот километров, мех корпус присоединился к 1-му Украинскому фронту. Началось наступление на город крепость – Бреслау. В это время медсанбат размещался в Глагау, поступал значительный поток раненных.

Операция по окружению и ликвидации Опельско-Леобшицкой группы противника подходила к концу. Прочесывая местность, наши воины продолжали брать трофеи и пленных.

7-ой Гвардейский мехкорпус, вошедший в 59-ую армию, продвинулся на 50 км в глубину вражеской территории. В ходе наступления воинские части нашего корпуса должны были соединиться с войсками 60-ой армии, окружить и разгромить вражескую группировку. Однако после ожесточенных боев заметно поредели наши подразделения, и скопилось много раненых во всех частях соединений. Мы потеряли убитыми и ранеными 2 тысячи человек. В мотострелковых батальонах оставалось по 80-100 активных бойцов, этого было недостаточно для наступления.

В ночь на 16 апреля 1945 года части корпуса выступили из района Кольфурт, к переправам через Нейсе, стрелковые части провели разведывательный бой. Под утро на западном берегу наступило затишье, а после 6-ти часов вновь началась перестрелка. Во второй половине дня части корпуса начали переправляться через Нейсе, но сопротивление противника возросло. При подходе частей к реке, немцы взорвали переправу, пришлось спешно перебрасывать сборные мосты.

Противник начал отводить войска к Баутцену. Войска вступили в город. Центром обороны стала старинная крепость Ортенбург. Баутцен был окружен с 3-х сторон нашими войсками, велись уличные бои.

Утро второго дня штурма началось атаками для наших войск

в восточной части города. Немцы отступили к замку Ортенбург. Вокруг все горело, рушилось, отгесняя немцев на северную окраину. 21-го апреля возобновили штурм, к полудню немцы отошли к небольшой площади, в районе 5-ти кварталов. Крепость была окружена, гарнизону было предъявлено требование о капитуляции; прошел срок, а ответа не было. Начался штурм замка. Его стена была подорвана, но сломить крепость не удалось.

Окруженные в крепости немцы прекратили сопротивление. Я провел разведку о перебазировании медсанбата, находившемся поблизости от замка родового поместья Канта. Ход боевого наступления войск изменил место предстоящей дислокации медсанбата.

Вспоминаю и рассматриваю свой боевой путь: он был необычен для командиров моего ранга. По штату я командир санитарного взвода 557-го отдельного Медсанбата, 7-го Гвардейского мехкорпуса, а практически, по характеру выполняемой мною работы – я старший санитарный врач-эпидемиолог мехкорпуса, участвовал в проводимых штабом передовых группах разведки по подготовке прорыва обороны противника.

После каждой боевой операции медсанбату предстояло принять поток раненых и больных. Нужно было сделать рекогносцировку района и выбор места развертывания функциональных подразделений медсанбата. Командир медсанбата Юрий Воробьев поручает это дело мне. Я обязан выполнить и обеспечить санобработку раненых, помывку с помощью душевых установок, решить вопросы с личным составом медсанбата и многие другие вопросы.

Продолжалось успешное наступление войск мехкорпуса в направлении Вайсенберга-Баутцен. Медсанбат начал разгружаться в населенном пункте Ниско. Значительное скопление раненых привело к развертыванию в двухэтажном здании и прилегающих к нему строениях медсанбата, который примет поток раненых более 450 человек.

Значительный состав команды выздоравливающих и 4-х нетранспортабельных раненых после операции с запасом медимущества остались в Альткольтфурте, где старшим назначили меня. Основной личный состав и имущество были сосредоточены в Вайсенберге. Боевые действия мехкорпуса ведутся на значительном

удалении от Баутцена. Незащищенный нашими войсками Вайсенберг был окружен фашистами. Они жестоко уничтожали раненых и действующий личный состав медсанбата. Командир медсанбата майор Ю.Воробьев предпринимал все возможные меры по спасению и выводу раненых из Вайсенберга, выходу легкораненых и выздоравливающих в ближайшие лесопосадки, однако трагедии избежать не удалось. Ю.Воробьев погиб смертью храбрых. Поблизости оказались войска генерала Максимова, которому было приказано принять меры по спасению. Тогда задействовали 3 танка, бронетранспортер и незначительный состав мотострелков.

Принятые генералом Максимовым меры позволили продвигаться и выводить людей из окружения, но вскоре путь был прегражден. Генерал Максимов для выяснения обстановки вышел из бронетранспортера и был тяжело ранен снайпером. Немцы начали обстрел танков, люди, сидевшие на бортах танков со стороны противника, уничтожались; с противоположной – получали осколочные ранения. Так погибла молодая врач, год назад окончившая медицинский институт, сидевшая на борту танка, были ранены врачи Мария Дронова и Леонид Вайнштейн. Фашисты взяли в плен генерала Максимова, погрузив его в специальную бронемашину, для его сопровождения взяли в плен женщину-врача. Значительная часть легкораненых из команды выздоравливающих и часть основного личного состава пробиралась через лесные посадки и кустарник, сумели выбраться из окружения. Все они через несколько дней вошли в основной состав медсанбата, остальные отправлены в лагерь военнопленных, судьба их неизвестна.

Вскоре командиром медсанбата был назначен капитан медслужбы С.Вахов. По заявке начальника мед службы полковника Златкина из резерва 59-ой армии 1-го Украинского фронта прибыли вновь назначенные офицеры медслужбы. Медсанбат в неполном составе приступил к подготовке приема раненых из действовавших войск в Дрезденском направлении.

Войска 7-го гвардейского мехкорпуса начали наступление на Прагу и в ночь на 8 мая вошли в нее, медсанбат был развернут в 15 км от Праги. 9-го мая 1945 г. медсанбат вместе с передовыми частями находился в районе Вшетаты, там и было объявлено о капитуляции

Германии. В ночь на 10 мая войска 7-го мехкорпуса прибыли в район древней столицы Чехии, город Табор. В горных районах, прилегающих к Табору, находились значительные группировки фашистских войск, а так же частично власовской армии. Боевые действия по взятию в плен и уничтожению противника велись вплоть до 12 мая.

В районе Табора оставалась значительная часть наших войск, медсанбат был развернут в курортном замке Плана-на-Лужнице, где и оставался значительное время. В медсанбат вернулась освобожденная из ближайшего женского лагеря военнопленных раненная капитан медслужбы Мария Дронова.

В Плана-на-Лужнице я продолжал выполнять функции и командира медроты медсанбата, и начальника штаба медсанбата. Ведущий хирург П.Олейник прошел военно-врачебную комиссию и был уволен из вооруженных сил в августе 1945 года, вместо него ведущим хирургом был назначен майор медслужбы К.И.Рубан из военного госпиталя 59-ой армии.

В развернутый медсанбат для консультирования больных из воинских частей из спецотрядов медицинской помощи были привезены из Праги на автобусе опытные врачи – специалисты, которые вели консультативный прием в течении почти 2-х недель, одновременно отдыхая в этом курортном замке.

За выполнение боевых заданий по медицинскому обеспечению войск 7-го мех корпуса П.С.Олейник, я и некоторые другие лица из медсанбата были награждены орденами Великой Отечественной Войны 2-ой степени и медалями.

В знак благодарности за освобождение столицы Чехословакии, в город Табор прибыл президент Чехословакии Эдуард Бенеш, который благодарил командование 7-го мех корпуса и офицерский состав за оказанную войсками помощь в освобождении столицы.

Спустя некоторое время войска 7-го мех корпуса были выведены из Чехословакии и вошли в состав центральной группы советских оккупационных войск в Австрии. Воинские части корпуса были дислоцированы в Австрии, Венгрии (в Кечкемете, Сегеде, Сегетфехешваре), медсанбат – в Кишкutfелетхазе. Службные подразделения разместились в больнице бежавшего из Венгрии частного врача, в прошлом эмигранта из России. Я и ведущий хирург поселились в доме экономки. Но вскоре из Киш-

кутфелетхазе медсанбат и некоторые воинские подразделения сосредоточились в казармах венгерской армии города Дьер, откуда эшелон демобилизованных воинов корпуса отправился в Советский Союз.

В сентябре 1945 года я был назначен врачом сопровождения этого эшелона. Прибыв с эшелонам в Москву, я сдал некоторый остаток имущества и лекарственных средств, в железнодорожную комендатуру. Именно тогда я впервые увидел свою дочь Наташу.

28 октября 1945 года я прибыл к месту своей службы, в город Дьер. После нахождения в Дьере и Кишкутфелетхазе основные силы корпуса передислоцировались к венгерско-югославской границе, в город Сегет. Сегет был университетским городом, и специалисты медсанбата поддерживали связь консультативного характера со специалистами медицинского факультета.

В районе озера Балатон дислоцировались воинские части 4-ой гвардейской танковой армии, куда и был включен 7-ой гвардейский мехкорпус. По решению Генерального штаба 4-ая гвардейская танковая армия из Венгрии была передислоцирована в Германию, в состав группы Советских оккупационных войск. Воинские части рассредоточились в провинции Мекленбург, город Шверлин, и Бранденбургской провинции, включая Франкфурт на Одре, Потсдам и другие города.

Сокращение вооруженных сил после окончания войны в Японии и Кореи привело к кадровой перестройке и демобилизации личного состава. Армия стала дивизией, 7 гвардейский мех корпус – гвардейским полком. В увольнении из рядов вооруженных сил мне было отказано, и я был назначен на должность врача тыловой части 431 в городе Науэн, а затем получил назначение в Военно-медицинское управление группы войск в Потсдаме на должность инспектора санитарно-пищевой инспекции группы.

В связи с установленными сроками службы офицерского состава в группе войск Германии, в 1950 году я был по замене переведен на службу в Приволжский военный округ, в город Казань. Был уволен в отставку в 1977 году.

Первушин Михаил Ильич

Родился 20 ноября 1922 года в с.Алексеевском Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, рядовой, разведчик, связист, награжден боевыми наградами, среди которых медаль «За отвагу».

Мой Сталинград: в 30-ти верстах от Волги...

В 1941 году я закончил 10-й класс и с товарищами Александром Агафоновым, Николаем Федоровым, Николаем Гороховым и Михаилом Галдушиным собрался поступать в авиационное училище. Прошли комиссию в Чистополе, комиссию в Казани, но мест в Казанском училище не было. Еще раз снарядились в дорогу – снова отказ: «Поезжайте пока домой». Все эти проводы – расставания сопровождалось безутешными слезами матерей, поэтому на третий раз мы взбунтовались: «Или зачисляете курсантами, или отправляйте на фронт!».

Попал я в итоге во вторую эскадрилью авиационного училища города Ардатов (Чувашия). Проучился полтора месяца – а тут немцы вплотную подошли к Москве. Видели мы, как спешно эвакуировалось из столицы начальство: автомашины разных марок, груженные доверху шли одна за другой. Состоятельные москвичи очистили все рынки в Чебоксарах, на нашу долю ничего не осталось.

А фашист все жмет. Недалеко от Чебоксар формировалась дивизия. Всю нашу вторую эскадрилью с учебы сняли и влили в эту дивизию. Так я попал на фронт под Москву.

Когда новобранцев перебросили ближе к передовой, немец уже отступал, и быстро. Свежеэкипированные пехотинцы в разношерстных валенках стерли все ноги, догоняя неприятеля, но опытные, прошедшее Европу, гитлеровцы недолго пребывали в растерянности. При помощи танков и мотопехоты начали устраивать засады – используя элемент внезапности и тот факт, что войсковая часть на марше не может принять боевую позицию в одно мгновение. В один из таких обстрелов меня тяжело ранило – раздробило кость правой руки.

Пошла череда госпиталей: Тула, стонавшая под бомбежками, Москва, где встретили Новый год. Через два-три дня – эвакуация

в тыл. Хотели было выгрузить в Зеленодольске, но я уговорил сопровождающих довести меня до Казани – мол, там дом не далеко. Шесть месяцев я лечился в госпитале, развернутом в здании техникума на берегу озера Кабан.

Побывал и дома, в Алексеевском, потом комиссия и снова на фронт.

После формирования в Москве, на станции Щербинка, перебросили нас на поезде под Воронеж. Город наверху, весь в огне. А мы – в низине, по другую сторону речки. Окопаться невозможно – вода на полуметровой глубине, потом сняли нас и по новой ветке железной дороги перебросили под Сталинград. Дорога страшная: под насыпью разбитые вагоны, паровозы, над эшелонном пикируют самолеты – бомбили постоянно. Прибыли на станцию Котлубань. От этой станции в западном направлении пролегла одноименная балка (овраг с пологими краями). В балке – наши, по краям – немцы: выйдешь наверх – с обеих сторон пули летят.

Запомнилось первое утро, когда мы шли на передовую со станции Котлубань. Мины, снаряды рвутся кругом, обстрел постоянный. Смотрим, с запада самолеты идут, 39 штук насчитали. Думаем, Сталинград бомбить летят. А они развернулись, да как начали пикировать на нас! Начиная с этого момента бомбежки не прекращались ни днем, ни ночью. наших самолетов почти не было, немцы держали полное превосходство в воздухе.

При формировании соединения я попал в 812-й артополк разведчиком и связистом, ни о какой воздушной карьере с полученными ранами говорить уже приходилось. Дежурил на наблюдательных пунктах, которые обустраивали то позади окопов, то в боевых порядках, а иногда и на ничейной земле – под чьим-нибудь сгоревшим танком. Тянули к НП линию телефонной связи для корректировки артогня, под обстрелом устраняли обрывы, бегали с донесениями на командный пункт. Это была смертельно опасная, но, если можно так сказать, обычная работа на поле боевых действий. Тяжелее было другое: часть, занявшая позиции в балке Кутлубань, фактически оказалась отрезанной от основных соединений. Несмотря на это, она получала приказы совершать прорывы в сторону осажденного города, что приносило огромные потери...

Окопы заняли 20 августа. Бомбежки были ужасные, в первую неделю третья часть нашего полка убило или ранило. «Рама» –

разведчик Фокер-Вульф-190, – казалось, не улетала даже на заправку топливом, все время кружила над нами. Стрелять в нее было бесполезно: самолет имел прочную броню. Переданные воздушным разведчиком цели накрывали бомбардировщики. Эту науку мы хорошо изучали. Смотришь: если бомбы сыплются из самолета над твоей головой – не страшно, они упадут дальше. А если бомболюки самолета открываются на подлете, загодя – беги в ближайший окоп, эти бомбы – твои. Сбрасывал гитлеровец и кассетные бомбы. Они разрывались, разбрасывая по сторонам множество ярко окрашенных гранат на боевом взводе. Наступишь ночью – взрыв. Возьмешь диковинку в руки (многих обманывал ее игрушечный вид) – и нет тебя...

Организовать снабжение было невозможно. Кухню разбомбило, повара убило, артиллеристы по ночам ходили километров за десять в наш тыл, приносили по два снаряда для своих орудий, перевесив их на ремне через плечо. Каждый снаряд на учете, каждый выстрел – только с разрешения комполка. Жара, сушь. Ни кустика, один бурьян да посева сожженной пшеницы. Потянет ветер с того направления, где мы пробовали наступать, – дыхание останавливается из-за удушливого смрада: из-за постоянных обстрелов убитые так и лежали там, где приняли смерть.

Воды никакой. До Волги тридцать километров, Дон – еще дальше. Кое-где в оврагах били роднички с мутной соленой водой – только они и спасали. Продуктов почти не было. Мучаясь от голода, ползком пробирались на поле, жевали полусгоревшие пшеничные зерна.

А потом начались дожди. Лужи утолили нашу жажду, но вода залила окопы. Грязь размесили по колено, лицо, руки, автомат, котелок – все в грязи. Шинели так пропитались глиной, что их можно было ставить лапами наземь, как кухонную корчагу, за дождями пришли морозы. В первые же дни вырубил весь лед из луж – по-прежнему, это была вся вода, которой мы могли располагать.

В те дни многие завидовали убитым. Самое страшное – не было информации о положении на фронтах. Боевого духа мы не теряли, держались, но сложившуюся обстановку каждый переживал очень тяжело. Ни снабжения, ни людей, где должен быть взвод – 3-4 человека на передовой. Конечно, ни о каком наступлении никто не думал, обороняли только свои позиции.

Все изменилось 19 ноября 1942 года, когда из резерва Ставки подошли свежие силы. Буквально за одну ночь развернулись новые огневые точки, командный пункт, госпиталь. Авиация отогнала немецкие бомбардировщики, и мы жестоко страдавшие от ежедневных трехмесячных бомбежек, впервые без опаски взглянули на небо. Подошли «катюши»; пусковые установки были развернуты и прямо на грунте, по принципу орудийных батарей. С виду – частокол из железных борон, растянувшийся по долинкам, по овражкам на сотни метров. Но потом как разом ударили! Сплошной вой и рев от непрерывных ракетных стартов! Следом подключилась ствольная артиллерия, вся немецкая сторона покрылась сплошным огнем. С этого момента начался перелом.

Восстановилось снабжение, нам стало полегче, даже на дежурство стали ходить «по очереди», бойцов накормили, одели.

В один из памятных дней в январе 1943 года выпало на мою долю испытание, за что меня наградили медалью «За отвагу»

Мы дежурили втроем на наблюдательном пункте: комбат, связной и я, наблюдатель. Позади нас – минное поле, через проход в котором мы протянули линию связи. Через этот же перешеек прошли в наступление наши танки. Провод они, конечно, порвали, стащили гусеницами прямо на мины. Фашисты отвечают огнем, один танк уже горит, а у нас телефон молчит! Связист побежал по линии и пропал. Комбат посылает меня. Бегу, вижу – лежит наш товарищ убитый. Я дальше в наклонку бегу, провод в руке скользит. Нашел обрыв, да вовремя оглянулся – мины кругом! Тихонько выбрался, побежал через очищенные места, нашел другой конец (тоже с минного поля вытягивал), соединил. Ещё один танк подбили фрицы, но тут уже и наша артиллерия заработала.

В тот раз меня осколки миновали. А был случай, когда минометный снаряд врезался в землю совсем рядом. Мерзлые комья мне в лицо – больно! Зажался руками. Нужно бежать, а я на мину уставился, на её медные крылышки. Ну, сейчас жажнет... Но она не взорвалась. И таких эпизодов было множество. Я даже думал про себя – заговоренный, что ли? Оказалось, нет.

Восьмого января 1943 года пробираюсь на наблюдательный пункт. Немцы были окружены основательно, мы наступали по многим направлениям. У них боезапаса не было, редко стреляли. И как они

на меня решили снаряд потратить? Слышу – летит, по опыту знаю: сюда! Только успел повернуться – взрыв, меня швырнуло, валяюсь. Такое ощущение, что разодрало на тысячу частей. Лежу. Как догорающая свечка, мерцает одна мысль – всё, конец! Потом подумал: раз что-то соображаю, значит, голова цела. Шевельнул руками, ногами – поддаются. Потихоньку стал – страшный шум в голове. Под ногами кровь ручьями – осколками посеколо. У шинели обе полы оторвало, рукав распахнуло до локтя, налобник у шапки срубил. Шатаюсь, доковылял до санчасти. Санитар меня перевязал, не отпускает. Я все-таки ушел – мне же дежурить. Добрался до НП, но через какое-то время свалился – зацепило меня, как выяснилось, крепко.

До сих пор жалею, что не довелось участвовать в завершении операции, – до взятия Сталинграда нашими частями оставалось чуть больше трех недель.

Когда подлечился, был откомандирован в Пермь на военную базу, в мастерские по ремонту оружия. Пробыл я там до весны 1944 года, оформленный обычным рабочим.

Далее – снова комиссия и армия. Направили в казанское танковое училище, где я встретил знакомого алексеевского парня – Степана Ильина. Там же учился алексеевец Николай Ткаченко, он был постарше. По годовой программе в училище обучали воевать на американских «Шерманах», поставляемых по ленд-лизу. Пока учился, война подошла к концу. Американская программа была свернута, а через год училище вообще закрыли. Курсантам присвоили звания старшин (так и не довелось мне стать офицером!) и отправили по округам. Ещё два года дослуживал под Киевом командиром танка. И только потом – домой, в июне 1948 года.

После демобилизации я немного работал грузчиком, а потом, после некоторых раздумий, поступил в учительский институт (был вариант с юридической школой, но учившийся там бывший одноклассник Николай Федоров почему-то отсоветовал). Жenu с ребенком отправил в Алексеевское, к отцу – Илье Еремеевичу. Отучившись, получил диплом с отличием, поступил на 3-й курс педагогического, но уже заочно. А сам отправился домой к семье.

... Вот такая получилась у меня длинная дорога с самым началом жизни, многие эпизоды из которой я и сейчас не могу вспоминать без слез...

Пикулев Николай Александрович

Родился 29 августа 1923 года в Москве. Ветеран Великой Отечественной войны, участвовал в боях с Японией, радист, имеет боевые награды: медаль «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Спрессованная жизнь

В ночь на 22 июня 1941 года наш класс до рассвета веселился на выпускном вечере. С рассветом все мы уехали на лодках за Волгу, одни играли в мяч, другие отсыпались, третьи – купались. В десятом часу возвратились в Чебоксары, брели по улице, напевая песни, и вдруг заметили толпу народа у уличного громкоговорителя. Прислушались, передавали сообщение о нападении Германии на Советский Союз. О том, что войны не избежать, каждый из нас знал, поэтому новость не была ошеломляющей, и поначалу восприняли ее легкомысленно. Думали, были до этого Хасан, Халхин-Гол, Финская, Польская компании – все быстро кончалось, поэтому и с Германией, дескать, быстро справимся.

Речь Сталина 3 июля и мрачные военные сводки заставили всех

не на шутку всколыхнуться. До сих пор в моих ушах звучат слова обращения Сталина к «дорогим соотечественникам и соотечественницам» и слышится бульканье наливаемой в стакан воды.

В конце сентября меня призвали в армию, послали в Горьковскую военную школу радиоспециалистов.

Когда одели нас в военную одежду, а на головы нахлобучили буденовки (их последний год донашивали), все равно по-военному не смотрелись, выглядели как бы завернутыми, а не одетыми. И вот началась жуткая муштра. Старшиной роты был контуженный фронтовик-танкист, который вскипал до посинения по любому поводу. С подъема в шесть утра до отбоя в одиннадцать ночи и не приляжешь, отдыхали только на занятиях в классе. Строевая, ползание по грязному плацу по-пластунски, стрельба, оружие, матчасть и морзянка до одури, голод постоянный и повседневный. Те, кто не мог быстро есть, еще больше голодали, так как по команде еду бросали и становились в строй. На одевание давали три минуты, и если ролик обмотки, мы его звали соленоидом, вырывался из рук, солдат уже обреченно становился в строй опоздавших и шел в наряд вне очереди.

Как бы там ни было, но к концу октября, всего лишь за месяц, люди преобразились. В строю не было видно ни больных, ни сутулых, ни бледных, ни вялых, каждый соколом смотрелся. Еще бы! Всю осень утром старшина гонял нас на зарядку до пояса раздетыми. Не возвращал в казарму, пока не запевали бодрую песню.

И вот всеобщее ликование: началось наше наступление под Москвой. Сводки с фронта ждали с жадностью и нетерпением. Радистов понемногу начали готовить к «продаже» в части, и в начале января нас всех отправили в Москву в распоряжение штаба воздушно-десантных войск.

В здании Академии им. Жуковского формировался воздушно-десантный корпус. Днем шла интенсивная воздушно-десантная подготовка. До сих пор помню в подробностях, как укладывать парашют, чем пропитаться в лесу зимой или летом, как снять вражеского часового, как прыгать в воду, как слезать с дерева, если повис на нем с парашютом. Первичные тренировки по прыжкам были похожи на дрессировку цирковых животных. Гуськом друг

за другом бежали по стремянке на 5-метровую вышку и прыгали с нее, стараясь помягче удариться о землю и свалиться на бок.

Наша подготовка проходила скоротечно. Наш 14-й корпус и одна маневренная бригада численностью всего около 14 тысяч человек были высажены в верховья Днепра в район Смоленска и Дорогобужа, чтобы занять и сохранить идущие на запад коммуникации – Варшавское шоссе и другие. Нас, значительную группу связистов, оставили в распоряжении узла связи штаба ВДВ и продолжали доучивать.

Однажды с зарядки нас срочно без песен завели в помещение и построили в шеренгу. Вышел майор Борченко, наш шеф и объявил, что для выполнения важного боевого задания требуется 12 человек, скомандовал: «Добровольцы! Шаг вперед, марш!». Вся шеренга дружно шагнула, тогда майор вынул заранее заготовленный список и зачитал 12 человек, отправляемых на задание, среди них оказались и я. Нам дали три дня, чтобы догнать наступающую 4-ю Ударную армию, затем, как мы далее узнали, должны были обеспечить ее связью с высаженным в тыл к немцам 14-м корпусом во время его воссоединения с 4-ой Ударной армией.

Повезли нас в открытом грузовике. Мороз был под сорок, а ехали день и ночь по фронтовым дорогам, где села и города были сожжены дотла, так что и погреться негде было. Ехали по 600-километровому маршруту Солнечногорск – Клин – Калинин – Торжок – Пено – Андреаполь – Торопец – Старая Торопа. Начинали почему-то с Яхромы, она была под немцами, хотя и недолго, а вот через канал Москва-Волга немцы в Дмитров не смогли перейти. Из канала спустили воду, и лед повис на берегах как противотанковое препятствие. Мерзли до позвоночника, радовались каждой возможности повытаскивать машину из канавы или воронки. После разгрома немцев под Москвой дорога до Калинина была завалена трупами гитлеровцев и военной техникой, повсюду виднелись следы работы «Катюш».

Далее произошло событие, которое резко изменило нашу судьбу. Погибло командование 14-го воздушно-десантного корпуса, сорвался замысел воссоединения его с 4-ой ударной армией, и отпала наша роль. Мы ждали тогда прибытия на аэродром штаба армии во главе с генералом Левашовым, командиром десантников.

Только успели обрадоваться, как заметили транспортный самолет, идущий почти на бреющем полете, его очередь из зенитной пулеметной установки прошла. Самолет цел, а пассажиры погибли. Говорили, что командир зенитной точки впервые выдал «Дуглас» (ЛИ-2), не успел сориентироваться, а его все равно за это расстреляли, так как операция из-за него сорвалась. Нам сказали, что нас всех распределят вместе с техникой по пехотным частям. Мне предстояло попасть в Ярославскую коммунистическую дивизию, которую вот-вот ждали с пешего марша.

Наша РСБ с этого дня обеспечивала связь штаба дивизии со штабом 4-ой ударной армии, нас направили в южном направлении параллельно фронту вдоль реки Западная Двина на Ильино, Кресты и Велиж. В это время тяжелые бои с образованием двойного, тройного кольца окружения шли под Старой Руссой, наши постоянно давили на города Белый, Духовщина, Демидов и Великие Луки.

Когда дивизия пошла на отдых и переформировку, о нас, радистах-десантниках, вдруг вспомнило командование ВДВ. Оставшейся в живых группе поступил приказ сдать технику и оружие и добираться в Москву.

Прибыв в Москву, явились в штаб ВДВ, нас послали в распоряжение узла связи, который стали организовывать в Петровском парке и помещении Академии Жуковского. Там уже были приемный и передающий радиоцентры, налажена связь с воздушно-десантными бригадами.

Вскоре послали меня на повышение квалификации в разведшколу. Группу радистов набрали из числа партизан, из агентурной разведки, и из ВДВ – нас десантников, кажется, только четыре человека было. Готовили нас весьма серьезно в Московском электротехническом институте связи, изучали новейшие средства связи, искусство подбора радиоволн в зависимости от высоты слоя Хевисайда-Кеннели, искусство получения направленного луча.

Сверхновинкой, которая была только в Советской армии, был прибор ночного видения, который использовался для связи на азбуке Морзе инфракрасным лучом. Через эту штуковину ночью можно было видеть нагретые части танкового мотора, также луч от фонаря своего корреспондента. Благодаря узкой направлен-

ности, устройство в ночное время обеспечивало тайную связь между разведчиками.

К концу лета 1942 года я сдал экзамены по спецдисциплинам, нормативы по радиоприему и передаче, получил квалификационное удостоверение радиста дальней связи первого класса и из рядового солдата превратился в старшину. Тогда погонов еще не носили, и было у меня по четыре треугольника в петлицах, за что прозвали меня ребята «пилой»: «Эй, «пила», тебя в штаб срочно вызывают!».

Настроение у нас было тревожное, так как шло наступление на Сталинград. Своим званием радиста первого класса я очень гордился, к моим услугам прибегали в самых ответственных случаях, и это приносило удовлетворение. Обучал и тренировал радистов в воздушно-десантных бригадах перед выброской их в немецкий тыл. Мне самому хотелось лететь на задание, но наш всеми любимый начсвязи ВДВ генерал Васильев как-то сказал: «Вот если твои ученики не справятся – тебя пошлем». Говорил также, что первоклассников на все ВДВ человека четыре только наберется. Думаю, только поэтому я и жив остался, так как основная работа была на так называемых аэродромах «подскока» вблизи передовой, где тайно накапливали десантные группы для выброски за линию фронта.

Возвратившись из Старой Торопы зимой 1943 года, получил задание испытывать новую технику на полигоне ВДВ под Москвой, но сначала ее нужно было смонтировать. Речь шла о специальной радиосвязи между бомбардировщиком и планером по буксировочному тросу, и с партизанами или десантом – по УКВ радиации; сторонних излучений не должно было быть. Монтировать пришлось при ветре и морозе. Отморозил руки, постоянно терял в куче кабелей и проводов винтики, то и дело бегал в караулку греться. Намучился, но все сделал за три дня, и начали испытывать. Я был на планере А-12, который вел Саша Чеботарев из Чебоксар, из той же школы №3, где я учился. Бомбардировщик нас затаскивал на 6 тысяч метров высоты без кислородных масок, а затем мы отцеплялись и плавно снижаясь, прощупывали зону слышимости, строя диаграмму. Так повторяли несколько раз. Удивительное ощущение было на высоте. Гул моторов, бьющий нам в фонарь,

исчезал, когда отцеплялись, самолет куда-то проваливался, мы оставались в ослепительной голубизне и в полном безмолвии. Тут охватывало нас неудержимое веселье, и мы начинали горланить песни. Только потом я узнал, что на этой высоте человека подстерегает горная болезнь. Из-за недостатка кислорода наступает беспричинное веселье и можно совершить глупость, но мы справились с делом.

В середине зимы 1943 года началось наступление с севера, запада и со стороны Москвы на Ржевский «язык» немецкой группировки. При этом большую активность стали развивать десантники и партизаны в районе Витебска и Западной Двины. Были взяты города Зубцов, Погорелое Городище и другие со стороны Москвы и, наконец, 3 марта был взят Ржев. Наши десантники сосредоточились на аэродромах «подскока» в районе Старой Торопы, а немцы, боясь окружения, после жестоких боев стали отходить на юг. Я получил от штаба в Москве задачу доставить туда мощную армейскую радиостанцию РАФ-КВ в фургоне на трехосном грузовике. Ко мне подключили бортовой грузовик с аккумуляторами и другим имуществом и легковой автомобиль «эмку» командующего ВДВ с шофером. Командующий ВДВ генерал-полковник, раздвинув на карте шторы, показал мне маршрут движения: Погорелое Городище – Нелидово – Старая Тороба.

К лету опять возникло для меня авральное дело. Ввиду пика солнечной активности прекратилась радиосвязь и у нас, и у немцев в диапазоне коротких волн. Нас, четверых десантников-радистов, командировали в НИИ связи Красной армии в Мытищах с заданием принять участие в зондировании ионосферы, переделке на новые волны и испытаниях 156 десантных станций.

Ездили на испытания по маршруту Москва – Иваново и обратно. Задача наша – отъезжая от Москвы, в нужных пунктах вступить в радиосвязь и снять параметры радиосигналов. Задание, прямо скажу, не боевое, к таким не привыкли. По приезду нам благодарностью командование объявило за всю эту авральную работу. Переделанные нами 156 радиостанций прошли испытания на трясушках и в морозилках и разошлись по десантным и партизанским бригадам.

ности, устройство в ночное время обеспечивало тайную связь между разведчиками.

К концу лета 1942 года я сдал экзамены по спецдисциплинам, нормативы по радиоприему и передаче, получил квалификационное удостоверение радиста дальней связи первого класса и из рядового солдата превратился в старшину. Тогда погонов еще не носили, и было у меня по четыре треугольника в петлицах, за что прозвали меня ребята «пилой»: «Эй, «пила», тебя в штаб срочно вызывают!».

Настроение у нас было тревожное, так как шло наступление на Сталинград. Своим званием радиста первого класса я очень гордился, к моим услугам прибегали в самых ответственных случаях, и это приносило удовлетворение. Обучал и тренировал радистов в воздушно-десантных бригадах перед выброской их в немецкий тыл. Мне самому хотелось лететь на задание, но наш всеми любимый начсвязи ВДВ генерал Васильев как-то сказал: «Вот если твои ученики не справятся – тебя пошлем». Говорил также, что первоклассников на все ВДВ человека четыре только наберется. Думаю, только поэтому я и жив остался, так как основная работа была на так называемых аэродромах «подскока» вблизи передовой, где тайно накапливали десантные группы для выброски за линию фронта.

Возвратившись из Старой Торопы зимой 1943 года, получил задание испытывать новую технику на полигоне ВДВ под Москвой, но сначала ее нужно было смонтировать. Речь шла о специальной радиосвязи между бомбардировщиком и планером по буксировочному тросу, и с партизанами или десантом – по УКВ радиосторонних излучений не должно было быть. Монтировать пришлось при ветре и морозе. Отморозил руки, постоянно терял в куче кабелей и проводов винтики, то и дело бегал в караулку греться. Намучился, но все сделал за три дня, и начали испытывать. Я был на планере А-12, который вел Саша Чеботарев из Чебоксар, из той же школы №3, где я учился. Бомбардировщик нас затащивал на 6 тысяч метров высоты без кислородных масок, а затем мы отцеплялись и плавно снижаясь, прощупывали зону слышимости, строя диаграмму. Так повторяли несколько раз. Удивительное ощущение было на высоте. Гул моторов, бьющий нам в фонарь,

исчезал, когда отцеплялись, самолет куда-то проваливался, мы оставались в ослепительной голубизне и в полном безмолвии. Тут охватывало нас неудержимое веселье, и мы начинали горланить песни. Только потом я узнал, что на этой высоте человека подстерегает горная болезнь. Из-за недостатка кислорода наступает беспричинное веселье и можно совершить глупость, но мы справились с делом.

В середине зимы 1943 года началось наступление с севера, запада и со стороны Москвы на Ржевский «язык» немецкой группировки. При этом большую активность стали развивать десантники и партизаны в районе Витебска и Западной Двины. Были взяты города Зубцов, Погорелое Городище и другие со стороны Москвы и, наконец, 3 марта был взят Ржев. Наши десантники сосредоточились на аэродромах «подскока» в районе Старой Торопы, а немцы, боясь окружения, после жестоких боев стали отходить на юг. Я получил от штаба в Москве задачу доставить туда мощную армейскую радиостанцию РАФ-КВ в фургоне на трехосном грузовике. Ко мне подключили бортовой грузовик с аккумуляторами и другим имуществом и легковой автомобиль «эмку» командующего ВДВ с шофером. Командующий ВДВ генерал-полковник, раздвинув на карте шторки, показал мне маршрут движения: Погорелое Городище – Нелидово – Старая Торона.

К лету опять возникло для меня авральное дело. Ввиду пика солнечной активности прекратилась радиосвязь и у нас, и у немцев в диапазоне коротких волн. Нас, четверых десантников-радистов, командировали в НИИ связи Красной армии в Мытищах с заданием принять участие в зондировании ионосферы, переделке на новые волны и испытаниях 156 десантных станций.

Ездили на испытания по маршруту Москва – Иваново и обратно. Задача наша – отъезжая от Москвы, в нужных пунктах вступить в радиосвязь и снять параметры радиосигналов. Задание, прямо скажу, не боевое, к таким не привыкли. По приезду нам благодарностью командование объявило за всю эту авральную работу. Переделанные нами 156 радиостанций прошли испытания на трясучках и в морозилках и разошлись по десантным и партизанским бригадам.

В 1944 году, как только фронт ушел за бывшую границу Советского Союза, так наш радиоцентр и штаб ВДВ расформировали и десантников стали комплектовать на новой основе. К концу войны была создана, но пока не участвовала в боях особая гвардейская воздушно-десантная армия, по моим подсчетам около 200 тысяч обстрелянных, здоровых, хорошо обученных и прекрасно вооруженных десантников. Как мы все тогда думали, ОГВДА находится в заначке на случай, если в Европе придется воевать с союзниками, ведь мы же на них еще сердиты были за задержку открытия второго фронта, а немцы не зря, удирая от нас, нашим «союзникам» в плен сдавались.

В последние месяцы войны я из воздушно-десантных войск был переведен в транспортную авиадивизию и служил в ней начальником радиостанции. Находились в резерве в городе Калинине и располагались в разбитой «Пролетарке» – бывшей ткацкой фабрике, наспех оборудованной под бараки. Конца войны ждали со дня на день, но когда объявили по радио о безоговорочной капитуляции Германии, какая-то неведомая сила подхватила каждого, независимо от возраста и пола, и люди вели себя как бесноватые! Помню, стреляли вверх из чего попало, плясали, обнимались, кидали вверх шапки, чуть не кувыркались от радости и, естественно, отмечали этот день выпивкой. Пили спирт сырец и закусывали овсяной кашей, другого не было, так как в резерве не зажиреешь. Мне сразу же дали отпуск домой на десять дней.

Приехал из отпуска в часть, а она уже к очередной войне готовится. Для нас не было секретом, что война закончится только при разгроме Японии, и этого теперь жаждали американцы, так как действовали Ялтинские и Потсдамские соглашения. Лично у меня не было страха перед войной, да и у большинства ребят преобладало желание – только скорей бы всякая война кончилась.

Летело всего четыре самолета, на одном моя рация, на других автоматчики, с ними переводчик от штаба фронта и парламентар. Замысел, видимо, был такой: мы летим в Мукден с белыми парламентарскими полосами на крыльях, а под этим городом расположена двадцатитысячная японская армия. Автоматчики занимают взлетно-посадочную полосу, ангары, здание аэропорта, дублируют японских часовых, чтобы запретить взлеты. Далее

парламентары отвлекают японских генералов, предлагая им капитулировать, а я должен найти возможность установить рацию и связаться со штабом 12-ой воздушной армии, которая начнет по моему сигналу высадку шеститысячного десанта в Северном аэропорту. Японцы такого нашего нахальства наверняка не могли предвидеть. Такие же десанты должны высадить в Чань-Чуне, Порт-Артуре, Пхеньяне и еще где-то (говорили, что в Кай-Сене и Сеуле).

На бреющем до Мукдена добрались и с ходу в Северном аэропорту друг за другом приземлились. Все было расписано как по нотам: как горох из самолетов высыпали автоматчики и побежали посты занимать, а мои ребята рацию готовят к выгрузке; моя же задача – машину раздобыть и найти место для установки рации.

Десант уже вылетел, и часа через четыре весь аэродром наши самолеты запрудили, один за другим с бреющего полета садилась и кое-как успевали в сторону отруливать. Но с японцами мы в бой не вступали, а только наводняли аэродром десанниками. Японцы же лихорадочно начали портить свои самолеты, но наши десантники быстро собрали весь японский летный состав и авиатехников и загнали их в ангары, а здание аэродрома быстро очистили от их персонала. Армейский склад и стоянки японских самолетов взяли под охрану, приняли круговую оборону, а парламентары продолжили переговоры о капитуляции. А наша танковая армия все не может продвигаться, бои идут уже под Харбином и Муданцзяном на севере, оттуда японские самолеты тикают и не знают японские летчики, что аэродром в Мукдене нами уже занят. Прилетели два истребителя, горючее, видимо, у них на исходе было, и как только наши самолеты со звездами увидели, японские пилоты сделали себе в воздухе харакири и один за другим врезались в летное поле, уйдя глубоко в землю моторами.

Наше командование в дальнейшем хитрый маневр предприняло. Чтобы лишней крови избежать, предложило всей миллионной Квантунской армии почетную капитуляцию. Ни разу я об этом нигде не читал, а вот свидетелем являюсь. Как только началась капитуляция мукденской группировки, командование жестко предупредило нас, что будет рассматривать как мародерство, если

будем отнимать у японцев холодное оружие, боевые ордена и знаки военного отличия. Вся их военная структура сохранялась, они должны были сдаваться в плен подразделениями со всем хозяйством и сдать только огнестрельное оружие и боевую технику.

Примерно месяц после капитуляции Квантунскую армию эшелонами вывозили в Союз, а американцы своих бывших пленных вскоре вывезли пароходами через Порт-Артур в Америку.

Война закончилась, но моя служба продолжалась, только в феврале 1948 года – демобилизация. До Канаша 22 суток добирались, устраивали импровизированные концерты прямо на ходу поезда – пляски, песни. У меня мандолина была, у других тоже какие-нибудь инструменты.

Закопченный паровозами вокзал, неухоженный общественный туалет, а в здании вокзала прямо на замусоренном полу, пассажиры на котомках, на чемоданах спят, прямо как солдаты на фронте. После семилетних скитаний все это щемящей нежностью и тоской в душе отозвалось – вот она, моя многоликая и многострадальная Родина!

Романов Борис Иванович

Родился 20 июля 1924 года в г. Казани, ветеран Великой Отечественной войны, артиллерист, имеет награды, среди которых медаль «За взятие Кенингсберга».

Моя жизнь – моя история

О войне я узнал так же, как и большинство других людей – по радио. Честно говоря, тогда я в силу своей молодости ничего не почувствовал, ни страха, ни печали.

В армию я ушел по призыву в 1942 году. В то время я работал бригадиром слесарной бригады Механического комбината в Новотатарской слободе, и у меня уже были свои ученики.

Уже находясь в армии, в городе Благородске, мне выдали водительские права и в декабре 1942 года отправили в Москву. В ночь с 5 на 6 января 1943 года меня, моего друга Борю Зуева и других мальчишек посадили в эшелон, выдали нам пятидневный паек, который мы израсходовали за один день, и отправили из Москвы в Калинин. Нас с Борькой зачислили в 942 артиллерийский полк 374 стрелковой дивизии, командиром которой был полковник Б.А.Городецкий. Так как кушать было нечего, нам пришлось варить

ячмень, который мы нашли в одном из вагонов. После приезда в Калинин нас начали кормить как фронтовиков: селедка, хлеб, консервы, но от мороза это все было ледяным, приходилось разрубать топором и затем согреть на печке, предназначенной для обогрева комнаты.

Наша часть формировалась под Калинином, в поселке Николенко, откуда нас погрузили в эшелон и повезли на фронт. На станции Акуповка нас разбомбили немцы в результате того, что начальник станции был немецким шпионом. Потрясение было сильным, но особого страха я не испытал, так как терять было нечего. Пришлось формироваться вновь.

Появившись на позиции мы начали готовиться к бою, ставили пушки. Первая неделя боев была поистине ужасной. Трупы были разбросаны по земле как камни, а ведь это не просто тела, это чьи-то отцы, сыновья, внуки, мужья, женихи.

В феврале во время боя меня ранило в руку и контузило. Все, что я запомнил, — это сильная боль, которая пронзила мою руку. Я упал, и в нескольких сантиметрах от моей головы свалилась сосна. Меня забросало землей, которая поднялась столбом от взрыва. Дальше я ничего не помню. Ребята потом рассказывали: «Шли мы мимо, видим, нога чья-то из-под земли торчит, посмотрели, а это ты оказался. Отвезли тебя в госпиталь...». Госпиталь располагался глубоко в лесу. Там я пролежал полтора месяца. Оказалось, что осколок не задел кость.

После выписки из госпиталя меня направили в стройроту, так как у меня были головные боли и нарушение слуха. Как-то раз, находясь в Латвии, я повстречал своих старых знакомых из моей прежней войсковой части. Я направил начальству 7 рапортов с просьбой отправить меня служить на прежнее место. Отправили, но в другое место. Во время службы я снова увидел свою часть. Тогда я сбежал, чтобы служить со своими друзьями, в своем полку.

Я участвовал в операции по снятию блокады Ленинграда. Фашисты имели превосходство в воздухе, бомбардировщики днем и ночью сбрасывали на город бомбы. У нас же, напротив, было превосходство в наземной технике, поэтому половина немецких самолетов назад не возвращалась. Ленинград освобождали от

блокады тяжело, мы несли большие потери, погибло много моих товарищей.

10 апреля 1945 года наш полк участвовал во взятии Кенигсберга. К тому времени наша армия во всем превосходила немецкую: в авиации — в 3-4 раза, по танкам — в 5 раз. Немцы бежали, кто куда мог! Настолько сильна была наша армия, солдаты которой были настроены исключительно на победу.

Мне запомнился эпизод перед окончанием войны. Мы освободили какой-то город в Померании (Восточная Пруссия). Город окружала мощнейшая стена шириной в 5 метров со рвом, наполненным водой. Мы предложили осажденным сдать город без боя и ненужных жертв, дали время подумать, но они отказались. Мы подожгли город. Были слышны стоны, крики женщин и детей, молящих о помощи.

Когда нам сказали о победе над фашистами и окончании войны я взял автомат и расстрелял в небо все 47 патронов, имевшихся в магазине. До сих пор я вспоминаю об этом со слезами на глазах.

Домой возвращались в эшелоне. Погрузились в Бреславле, далее ехали через Польшу. Вообще, я плохо помню обратную дорогу, так как всем безумно хотелось домой. Все мы были переполнены радостью от окончания войны, но в наших сердцах были боль и горечь за гибель наших товарищей. Они, как и мы, сражались за Родину, но им повезло меньше, чем нам, побитым, раненым, но живым.

Однако получилось так, что домой я вернулся лишь в 1947 году. Причиной тому стали «Августовские леса». После капитуляции Германии в Западной Белоруссии, Украине, Прибалтике, Польше формировались бандитские отряды, в которые входили бандеровцы и оуновцы, недовольные советской властью и расстреливавшие простых людей. Мы совместно с НКВД подавляли это движение в 1945-1946 годах. Способ борьбы с ними был прост: в лесах валили деревья и расстреливали бандитов. Окончательно же истребили их, окружив и разгромив.

Самой дорогой и главной наградой для меня является Благодарственное письмо Командующего войсками 2-го Белорусского фронта маршала Советского Союза К. Рокоссовского.

Сабирзянов Мустафа Гарифьянович

Родился 2 сентября 1922 года, в деревне Верхняя Березка, Атнинского района ТАССР, ветеран Великой Отечественной войны, командир взвода связи, награжден правительственными наградами: орден Великой Отечественной войны, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу».

* * *

Известие о начале войны застало меня в совхозе «Широкий» Красноярского края, где после школы я работал в сельском хозяйстве, управляясь с лошадейю.

27 августа 1942 году там меня призвали в армию. После окончания двухмесячных курсов мне присвоили звание сержанта и оставили помогать преподавателям обучать новых призывников, в то время как все остальные сержанты были отправлены на фронт.

Я многократно писал рапорты с просьбой отправить меня на фронт, и, наконец, в начале февраля 1943 года я стал бойцом 3 батальона 1314 полка. 27 марта 1943 года мы попали на передовую, где меня определили во взвод связи. Сначала я был помощником командира взвода, а затем стал командиром взвода связи 3 батальона. Командиром моего полка был Федор Михайлович Кустов, участвовавший еще в Гражданской войне. Летом за хорошую службу меня перевели в роту связи и наградили. Я стал обеспечивать связь на наблюдательном пункте командира полка.

1 мая 1943 года я получил свое первое ранение в левую ногу, но от лечения в госпитале отказался. Сразу после этого немцы предприняли последнюю попытку захватить Москву, но дальше враг пройти не смог в результате героического сопротивления нашего 1314 стрелкового полка 17 московской ополченческой дивизии.

В августе 1943 года мы перешли в наступление, освобождая советскую землю. Особенно тяжелые бои были в Белоруссии. Осенью в белорусской деревне Обидовичи на реке Днепр произошло событие, навсегда оставшееся в моей памяти. Начальник службы связи приказал нам проложить радиосвязь. Накануне вечером примерно в двух километрах от нас были слышны выстрелы, поэтому на задание мы отправились с пятью товари-

щами. Возвращаясь после выполнения поставленной задачи, мы специально произвели много шума, привлекая внимание врага. В ответ послышались выстрелы, на которые мы ответили дружным огнем. Немцы отступили, решив, наверное, что нас много. После этого весь батальон прошел по нашему пути, и вечером командир полка зачитал приказ о выполнении нами боевого задания. Так я получил первую награду – медаль «За боевые заслуги», а 14 декабря 1943 года мне присвоили звание младшего лейтенанта. Сразу после этого я вернулся в свой 3-й батальон командиром взвода связи.

10 апреля 1944 года мы освободили город Кенигсберг. Летом 1944 года наш полк участвовал в операции по освобождению Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков под кодовым названием «Багратион». В ходе боевых действий наша 17 ополченческая дивизия освободила город Бобруйск. 9 июля 1944 года приказом Верховного главнокомандующего моя дивизия была переименована в 17-ю Бобруйскую.

В августе 1944 года я получил второе ранение в бою при освобождении города Пултуса (Польша). Осколок снаряда попал мне в плечо, вдобавок я на время потерял слух. За проявленные заслуги я был представлен к ордену Красной звезды. После выздоровления я вернулся в свою часть и участвовал в освобождении города Слоним. Там немцы устроили нам засаду, в результате погибла вся 7-я рота.

В октябре мы вновь начали наступление. Немцы хорошо укрепились, и мы продвигались крайне медленно. Бои были очень упорными, и я никогда не забуду эту мерзлую землю, обгавленную кровью. 26 марта 1945 года мне присвоили звание лейтенанта и за проявленные героизм и мужество наградили орденом Великой Отечественной войны первой степени.

В апреле 1945 года мы воевали на территории Германии, вышли к берегам Балтийского моря. 9 мая в 12 часов 00 минут поступил приказ Главнокомандующего о прекращении огня. Для меня война закончилась на косе рядом с г. Пилау. Домой мы вернулись в конце августа 1945 г. в товарных вагонах.

Сергеев Павел Сергеевич

Родился 9 июня 1922 года в с. Крещеная Ерыкса Мамадышского района Республики Татарстан, ветеран Великой Отечественной войны, связист, имеет боевые награды: орден Красной Звезды; медаль «За отвагу».

* * *

В 1941 г. молодой парнишка Павел Сергеев, как и многие ребята из деревни, работает на строительстве железной дороги в 20 км от Казани, которая должна была соединить Казань с Бугульмой. Этой стройке не суждено было завершиться. Именно там от своего бригадира он и узнает страшную новость о начале войны.

12 марта 1942 г. Павел Сергеев призывается на службу. Со станции Кукмор он отправляется в Казань, затем в Сталинградскую область, г. Котельников. Там его определяют на курсы младших сержантов.

Далее отправляется в Астрахань на теплоходе, на котором численность новобранцев составляет 400 человек. Именно здесь их настигает первая вражеская бомбежка, прямо на их глазах от сброшенного снаряда тонет идущий рядом теплоход. Теплоход,

на котором находится Павел Сергеев спасает только то, что он оказывается не так далеко от берега, и солдатам удается вплавь добраться до берега.

Вскоре он заболевает дизентерией и лечится в госпитале до весны. После выписки его отправляют домой в родную деревню в отпуск. Но и здесь его ждет печальная новость, ему сообщают о смерти матери.

12 июля 1943 г. снова призывается, теперь он едет в Москву, где его определяют в действующую армию, в 937-й батальон связи под командованием капитана Котова.

Рядовой связист Сергеев проходит в составе батальона долгий и тяжелый путь: Брянск – Смоленск – Гродно – Орша – Витебск. Здесь, в г. Орша немцы сбрасывают устрашающие листовки с воздуха, они гласят: «Витебск, Орша будет наша, из вас получится каша!». Однако батальон решительно продолжает наступление, немцы оказывают сопротивление, но вскоре отходят.

Далее батальон участвует в сражении под г. Гродно (1943 г.), форсирует реку Висла в Польше, доходит до Кенигсберга, где участвует в сражениях до самого конца войны.

9 мая 1945 г. он узнает об окончании войны, однако до самой демобилизации еще далеко... Им дана задача преследовать и уничтожить армию Власова, армию предателей Родины.

Далее проносится слух об отправке войск в Японию, солдат, в том числе и Павла Сергеева в спешке размещают в поезда, но в самый последний момент звучит приказ: «Отставить!».

Зимой 1946 г. Павел Сергеев возвращается в г. Ворошиловград на Украину, где продолжает нести службу, но уже в авиационном полку. Теперь его задача – это восстановление домов, он восстанавливает из руин украинские города Харьков, Полтаву.

25 ноября 1946 г. в г. Полтаве Павел Сергеев был демобилирован.

Несмотря на такой тяжелый боевой путь, Павел Сергеев ни разу не был ранен. Но были случаи, когда гибель оказывалась всего в шаге от него. Однажды его товарищ по причине болезни попросил подменить его, Павел Сергеев согласился помочь товарищу и отправился на линию фронта восстанавливать оборванный провод. К счастью, его поход прошел успешно, но по

возвращении он обнаружил товарища погибшим от осколка снаряда. «Ведь на его месте должен был быть я!», – пронеслось в мыслях связиста...

Всю войну прошел и брат Павла Сергеева, он воевал на Ленинградском фронте, участвовал в операции по снятию блокады города, вернулся живым.

Спасов Василий Иванович

20 марта 1922 года в селе Русская Менча Октябрьского района Татарстана, ветеран Великой Отечественной войны, танкист, имеет боевые награды, среди которых Орден Боевого Красного Знамени.

Я видел проклятую в глаза

Я родился в крестьянской семье, в деревне закончил школу-восьмилетку, работал счетоводом в колхозе. В 1939 году я стал учительствовать в деревне Старые Челны, позже в Селенгушах. Позже мне пришлось работать учеником нормировщика на тюряевском спиртзаводе. Но одним, как тогда казалось, прекрасным летним днем закончилась моя беззаботная юность. Началась война, страшнее которой для советского человека нет.

День начала войны я помню как сейчас. Воскресенье, 22 июня 1941 года. Ярмарка в Нурлате. Мы, колхозная молодежь, приехали в райцентр на фургоне. Повсюду шум: кто-то торгуется, кто-то затеял склоку, и внезапно для всех из громкоговорителя донеслись слова: «Началась война!». Наверное, с этого момента жизнь всех

и каждого круто изменилась: молодые ребята пошли на фронт, матери провожали родных сыновей и мужей, девушки надолго расставались с любимыми. Судьба связала меня, девятнадцатилетнего паренька, с Великой Отечественной войной 30 июня, когда пришла повестка: «Явиться со всеми принадлежностями в районный военкомат». Что творилось в доме... Отец ходил чернее тучи, по себе зная, что такое настоящая война, мать суматошно сушила сухари, готовила походные мешки, украдкой утирая наворачивавшиеся на глаза слезы, а я тогда еще совсем не понимал, что происходит.

В районном центре долго ждать не пришлось. После распределения меня направили в танковое училище, расположенное в Саратове. Но скоро попасть туда нам не удалось – оказалось, что нам не поставили одну печать. И лишь спустя два дня с помощью полковника одной из близлежащих частей мы все-таки уехали в Саратов. Для поступления в училище нам пришлось сдавать экзамены: мы писали диктант, решали математические задачи, проходили медицинскую комиссию. Тогда случилось одно происшествие: наш земляк удумал отклониться от службы и во время медицинского осмотра в кабинете окулиста специально путал ответы. И, правда, его оставили дома. Но мы переписывались между собой, и однажды на одно из писем мне ответила его мать: товарища нашего срочно забрали на фронт и там, в бою он погиб. А мы, Плешаков, Гаврилов и я, Спасов, поступили в училище, где обучались управлению тяжелыми танками. В конце обучения, пришло положение о том, что мы, выпускники танкового училища, должны садиться за танк Т-34, легкий танк. Это оказалось не так уж и сложно.

В 1942 году я был направлен в Челябинск на тракторный завод для получения танка и экипажа. Позже в Ногинске был сформирован 60-ый танковый полк, с которым я отправился на Северо-западный фронт в Калининскую область (теперь Тверскую), где участвовал в боях в районе города Осташкова.

В феврале 1943 года нас перекинули на Орловско-Курскую дугу, переправив водным путем вместе с 242-й танковой бригадой, с которой мы еще воевали на Воронежском фронте, на грузовых платформах.

Далее в составе 55-ой танковой бригады я попал на Первый украинский фронт, где принимал участие в освобождении Киева.

В 1944 году меня отправили в Нижний Тагил для получения танка и военного экипажа. После я, уже младший лейтенант, попал в танковую роту под командованием Петра Максимовича Тарасова (позже – Героя Советского Союза). О нем у меня остались самые добрые впечатления. Он был не только герой, но и заботливый командир. Например, очень нас мучила в то время цинга от недостатка витаминов и плохого питания, она подрывала здоровье солдат. Наш командир Петр Максимович наладил приготовление отвара из листьев черники, брусники и хвои. Как результат: во всем взводе цингой никто не болел.

Как только мы попали на Урал, начались учения по боевой подготовке, по владению боевой техникой. В это же время возрастал энтузиазм трудовых коллективов военных заводов, они трудились сверх нормы. Мы воевали на танковой колонне от комсомольцев Урала, изготовленной сверх рабочего времени в честь Первомай и врученной нам 2 мая 1944 года. Итак, под командованием Петра Максимовича мы были направлены на Второй Украинский фронт. Мы дошли до Яссы-Кишиневской группировки.

Нашей задачей был марш в направлении города Галац для предупреждения движения вражеских сил на помощь окруженной группировке. Первым шел танк Николая Якимовича. Через полчаса после начала нашего движения экипаж идущего первым танка по радиации сообщил о движущихся нам навстречу вооруженных солдат. Быстро мы рассредоточили танки по шоссе и приняли боевой порядок. Но боя не было: противником оказалось сборище разгромленных под Яссами дивизий. Украинцы, румыны, мадьяры, немцы, обманутые фашистами, решили сдаться в плен.

Позже, после войны, мы все задавались вопросом: «Что подвигло такую массу солдат сдаться в плен? Чем они руководствовались? Могло ли такое произойти в начале войны?» Наверное, нет. А быть может, они раскаялись, осознали свою вину перед Человечеством... Но главное, что заставило их всех пойти в плен, – это неустойчивое наступление Советской Армии, полный крах бредовых фашистских замыслов, всего того, чему они верили, идя в наступление.

В районе села Мань (Венгрия) я получил сквозное осколочное ранение. А дело было так: наша бригада занимала оборонное положение. Мой танк шел вторым в колонне, как перед нами поставили задачу ездить взад и вперед, чтобы создать видимость большой концентрации войск. А к утру по плану мы замаскировались. На рассвете послышался шум, и мы увидели, что в нашу сторону направляются десять фашистских танков и их пехота. Мы стали стрелять по пехоте осколочными. В это время я вылез из танка и увидел, что неподалеку лежит раненный механик-водитель нашей колонны. Я побежал к нему на помощь, слева стал стрелять, видимо, приняв нас за немцев, появившийся ниоткуда танк, наш Т-34. Вдобавок еще немцы посылают на нас своих десантников. У них «пантеры» и «тигры», танки, гораздо изворотливее наших. В это время мы только и успели, что подняться на гору, как вдруг обнаруживается, что наш танк неисправен: вражеский заряд попал в машину. Я побежал в лес, к своим за подмогой к командиру полка. Нашел лишь младшего лейтенанта Пярина. Он дал нам танк для буксировки подбитого. В момент моего возвращения к экипажу, механик-регулировщик предупредил меня о наступлении немцев. К счастью, мы успели отбуксировать танк в укрытие. Как только стемнело, мы поехали выручать увязшие в болоте танки, и внезапно нас стали бомбить. Меня ранило, осколок попал под лопатку. В этот момент в экипаже находились четыре человека, в том числе и командир, стрелявший из пушки и спаренного пулемета. После боя мне сделали перевязку, и мы поехали к сборному пункту аварийных машин (СПАМ). Но по пути я обнаружил, что мой пистолет остался у врача, мы вернулись. Однако больше меня не отпустили, и я остался в медпункте. Меня положили на солому в избе, где находился этот самый пункт. Ночью в товарных вагонах нас повезли через Касторку.

Наша бригада воевала в Румынии, под Бухарестом, и в Венгрии. В районах Тисы, Балатона и Будапешта сопротивление вражеских войск было все ожесточеннее и я, командир танкового взвода, вместе с экипажем отражал вражеские вылазки, наши пять танков в ночное время проходили территорию от озера Балатон до озера Эстергон. Мой танк ехал вторым, первым был Кумилин. Нашей задачей было преодоление 12-15 военных рубежей. Необходимо

было сообщать о преодолении каждого. На развилке у нас получилась заминка, мы не знали куда ехать. Поехали наугад (впоследствии оказалось, что правильно) и скоро увидели рядом с одним из домов добротную легковую немецкую машину. Кумилин наткнулся на немецкий танк, находящийся поодаль. Немецкий танк выстрелил, но промахнулся, в это время мы спешно скрыли машины за домами. Минуту спустя я огляделся и увидел огонек, пешком вместе с 5-7 автоматчиками мы добрались до него и к своему удивлению наткнулись на землянку, в которой было сильно накурено. Мы условились, что будем стрелять лишь в случае, если там будут немцы. Я пальнул, оттуда показались пожилые люди, двое. Они-то и сообщили нам, что в землянке были немцы, но, услышав выстрел, они спешно разбежались. В это время экипаж Кумилина поджег вражеский танк, осветив при этом остальные пятнадцать, оказалось, что они стояли там из-за того, что у них закончился бензин. В конце операции и они были подожжены. Наша танковая колонна пошла на выручку седьмого механизированного корпуса, попавшего в окружение в районе озера Балатон, где впоследствии сами попали в окружение.

О наших боевых действиях под Бухарестом фронтовая газета «Советский воин» поместила заметку «Три боевых дня»:

«Бронированная лавина советских танков двинулась на прорыв вражеской обороны. Противник отходил назад, за противотанковый ров. Там он сосредоточил большое количество противотанковых средств и именно здесь надеялся задержать наше продвижение. ...Тарасов, заметив, откуда стрелял враг, подал команду: «Открыть огонь!» После первого выстрела было видно, как разбегалась прислуга. Кругом в панике металась вражеские солдаты и офицеры. Они хотели найти спасение от вражеского танка. Но нет! Стрелок лейтенант Спасов из пулемета расстреливал их. Гитлеровские прихвостни, словно скошенная трава, замертво падали, пронзенные пулями...»

Я участвовал в разведывательной кампании по окружению Будапештской группировки в должности командира танкового взвода. Наша рота получила приказ – прорваться сквозь боевые порядки вражеских войск и двинуться к переправе через Тису в районе города Сентеж. Целью нашей вылазки было не допустить

немцев из тыла на помощь их передовым частям и помешать им уйти на противоположный берег реки.

В конце декабря 1944 – начале января 1945 года обстановка значительно осложнилась. Перед главным командованием армии Второго и Третьего Украинского фронтов стояла задача: сжать кольцо окружения вокруг Будапешта, отбить яростные атаки вражеских частей и соединений. Ставка Гитлера предпринимала все возможные меры, чтобы сохранить Венгрию. В районе Эрчи произошла стычка с немецкими танками. В завязавшемся бою мой экипаж и экипажи Буркова и Ковтаниюка подбили три «пантеры». При этом наша рота вывела из строя порядка 300 солдат противника. Тогда эта удача будто придала нам еще сил, чтобы сражаться против вражеских войск. Но, не дав нам передышки, у населенного пункта Адонь на нас обрушился град снарядов. Наш командир Тарасов был ранен и я принял на себя командование ротой. Мы с трудом миновали Адонь, и по приказу высшего командования мой взвод был направлен в распоряжение бригады, ввязавшейся в ожесточенный бой в районе Шароджа. Уже на месте во время перестрелки немецкий «тигр» пробил мой танк, тогда погиб механик-водитель М.Багреев, тяжело были ранены радист Кульпанов и командир орудия Николаев.

Позже об этом напишет старшина Л.Глебов в статье «Сила удара»: «...При прорыве немецкой обороны герои-танкисты – лейтенант Спасов и стрелок-радист Кульпанов – получили ранения. Несмотря на это они продолжали бой. По команде Спасова механик-водитель Багреев зашел с фланга в тыл немецким танкам, и с первого выстрела командир орудия Николаев подбил вражескую «пантеру». Наступая вместе с танками младших лейтенантов Ершова и Шереметова, экипаж Спасова уничтожил в тот день еще два тяжелых немецких орудия и до сорока гитлеровцев».

Фронтная газета «Советский воин» писала о наших боях у озера Балатон за освобождение Венгрии :

«Родине нужна победа. И, отправляя своего сына, двадцатидвухлетнего коммуниста Спасова В.И. на фронт, Мать-Отчизна ему приказала:

– В твои руки я вручаю первоклассную машину. Над ее созданием поработали инженеры, техники, доменщики и литейщики, токари и

оружейники. Они трудились в поте лица своего. Они ждут от тебя победы. Так береги же эту машину! Идя с ней в бой, ты сможешь творить чудеса! И Спасов в ответ сказал коротко: «Есть!» 11 сожженных, изрешеченных пробоинами, побитых немецких танков, 11 раздавленных гусеницами, взлетевших на воздух орудий противника, 1 уничтоженная тяжелая фашистская самоходка, 16 превращенных в груды металла вражеских автомашин – таков далеко не полный итог восьмимесячного ратного труда коммуниста лейтенанта Спасова. В последних боях под Шарождом командир взвода В. Спасов со своими боевыми друзьями умножил и этот счет, огнем танка уничтожено: 2 «пантеры», 1 средний венгерский танк, 3 бронетранспортера, 2 автомашины, 150 гитлеровцев.

Это их боевые дела! Эшелон металлолома – вот что сделали из немецкой хваленной техники эти герои!

Три ордена, сверкающие на груди Спасова – это оценка его ратных подвигов!

Ты прочитал, танкист, эти короткие строки про большие дела твоего товарища. Помни, что Отчизна ждет от тебя таких же подвигов. И ты, мы знаем, ответишь: «Есть!»

В марте 1945 года наша бригада получила новые танки. Нам не удалось избежать налетов бомбардировщиков противника в ночное время при транспортировке этих машин на окраине города Байя. Один из моих танков двигался впереди всей колонны, наблюдая за местностью. Неожиданно из ближайших окопов по нам открыли пулеметный огонь, эта стычка была кратковременной, в результате позиции врага были захвачены. Каково же было наше удивление, когда после осмотра поля боя убитыми мы нашли власовцев и бандеровцев, перешедших на сторону врага, присваивавших личные вещи и награды убитых советских солдат! На следующие сутки, мы, валившиеся с ног от усталости, продолжали наблюдение. Вдруг я заметил движение еще одной группы танков противника. Мы стали стрелять по ним, не забывая, что наше вооружение на исходе. К счастью, враг себя исчерпал, и утром мы насчитали три сгоревшие «пантеры», два средних Т-4, несколько бронетранспортеров и сгоревший «мерседес». Среди убитых большая часть – власовцы. Как горько было видеть нам тогда этих предателей Советского Союза.

Участвовал я и в освобождении Австрии, и во взятии Вены. Восьмого мая 1945 года в двухстах километрах от Вены в городе Хааг мы встретились с союзниками-американцами.

Утром девятого мая вся территория расположения наших войск была усыпана листовками, содержание которых мне до сих пор не известно. Послышался шум. Это австрийцы бежали к нам, держа в руках эти листовки и крича: «Война капут!» Мы, советские солдаты, да и американцы, наверное, тоже, не верили своим ушам. Все побежали к приемникам, расположенным в танках. Приемники передавали голосом Левитана: «Война окончена! Победа! Германия полностью капитулировала! В Москве люди ходят группами. Некоторые с радостью, а некоторые в унынии» Больше мы не слышали ничего: волна ликования заглушила все звуки в округе.

После окончания войны я еще три года служил, оставался в Болгарии в резерве. Мы обучали болгар танковому делу. И только с 1948 года началась моя гражданская жизнь. Я стал трудиться во второй средней школе №2 тогда еще рабочего поселка Нурлат ТАССР.

О наградах говорить мне не хочется, потому что я знаю: каждая из них – пуля, чудом не оборвавшая мою жизнь. И лишь одной я дорожу более всего: Боевое Красное Знамя, данное мне родиной за боевые действия во время Великой Отечественной войны, как знак благодарности и обещания никогда не забывать о нас.

Телешева (Гуляева) Нина Александровна

Родилась 27 января 1922 года в деревне Савгачево Аксубаевского района Татарии, ветеран Великой Отечественной войны, сержант войск связи, имеет правительственные награды: орден «Великой Отечественной войны», медали «Отличный связист», «За оборону Москву», «За победу над Германией».

Связистка

Нина Александровна застала войну студенткой пединститута в Казани.

Ранним утром 22 июня 1941 года две веселые девчонки выбежали из дверей общежития Казанского педагогического института. На душе у обеих было светло и весело, день тоже обещал быть хорошим – как раз под их настроение. Позади остался второй учебный год с его удачами и разочарованиями. Студенты размышляют кто куда – подальше из душного и надоевшего за семестры города. Что ждет их этим веселым студенческим летом? Теперь можно отоспаться, посидеть с книжкой на берегу речки, сходить в цирк или на танцы, и, конечно, обязательно съездить

домой, а перед отъездом непременно сфотографироваться «на память».

Дружно держась за руки с подружкой, беззаботно болтая и улыбаясь прекрасному дню, бежала Нина Гуляева в старинную фотографию на Баумана. В воскресный день на центральной улице всегда много народу. Здесь и старики на лавочках, и влюбленные парочки, и чистильщики обуви, и лоточники, и китайцы с разноцветными шариками на резинках, и юркие, вездесущие мальчишки...

Шутя и пересмеиваясь, забежали девушки в фотографию, где приветливый фотограф запечатлил их молодость, красоту и беззаботность за минуту, за секунду, за мгновение до войны...

Вышла Нина Гуляева уже на совершенно иную улицу. Народ тревожно толпился у репродукторов, из которых чеканный голос диктора передавал важное правительственное сообщение. По толпе несло сначала шепотом, потом все громче и громче: «Война! Война! Война! С кем? С Германией? У нас же договор о ненападении! Может, ошибка? Провокация?!». Но не оставляя сомнений, чеканный голос повторял вновь и вновь: «Сегодня, в четыре часа утра, без объявления войны...». Здесь же, на улице, после стихийно возникших митингов, были организованы пункты по записи добровольцев. Недолго думая, Нина Александровна подошла к одному из таких пунктов. Но оказалось, что записываться можно только по месту постоянной прописки, а значит – дома, к тому же, в женской силе наша доблестная Красная Армия пока не нуждалась.

С тяжелым сердцем уехала Нина Александровна домой к родителям. Дома выяснилось, что не приедет на побывку старший брат, он в то время заканчивал высшее военно-морское училище в Севастополе и, конечно же, остался воевать. Младший брат Константин, против воли родителей, убежал на войну: в Нурлате в ноябре 1941 года он примкнул к эшелону и, прибавив себе годы, оказался на фронте.

Пустели, сиротели окрестные деревушки – уходили на фронт мужчины.

Мама Нины Александровны просила дочь не уходить на фронт, но никакие уговоры не помогли, и в январе 1942-го она оказалась

в Чебоксарском запасном полку связи. Два месяца штудировали девушки военную науку, а затем их разослали по фронтам.

Нина Александровна, рассказывая о тех годах, перебирает фотографии.

На этой фотографии она изображена после получения в Чебоксарах обмундирования.

На этой она этой она после сдачи крови там же в Чебоксарах.

В самую тяжелую пору Нина Александровна оказалась под Москвой. Гранит науки в виде кучи учебником казался теперь ей сущей безделицей в сравнении с пятикилограммовой винтовкой образца 1891 года, да плюс скатка, да рация, да противогаз – все это приходилось тащить хрупким девушкам по 50-ти километров в день. Остриженные почти под ноль девчонки походили теперь

на угловатых подростков и лишь осунувшиеся, почерневшие лица выдавали в них бойцов.

Страшные бои пережила Нина Александровна под Ржевом. Много раз переходил город из рук в руки. Гибли рядом боевые товарищи, дробились осколками руки и ноги. Больше всего боялась девушка остаться калекой. Когда, наконец, Красная Армия перешла в наступление, страшно и невыносимо больно было заходить первыми в освобожденные города – виселицы немым ужасом леденили кровь. Плакали и седели от горя ребята и в 20, и в 17 лет.

После освобождения Ржева дали небольшой отдых, где и сфотографировались они с командиром батальона Волковым.

Здесь настигло ее известие из дома – 5 апреля 1943 года умерла ее мама – не выдержало сердце. Как сквозь сон шла она к командиру проситься на похороны домой, а он ей: «Ты что, смерти мало видишь?! Какие тебе еще похороны?!». Тверд и справедлив был командир, старался в меру сил и полномочий беречь и жизнь, и нервы своих солдат, а посему и слыл среди них «батей».

На этой фотографии изображена боевая подруга Нины Гуляевой за аппаратом Бодо.

Нина Александровна вспоминает: «Я сидела за аппаратом Бодо, когда к нам прибыл с Ленинградского фронта сам Жуков. Ему срочно нужно было связаться (в 12.00 ч. ночи) с самим Сталиным. После разговора с главнокомандующим Жуков похлопал меня по плечу и спросил: «Как дела дома?», а

это было время, когда меня не отпустили на похороны мамы. На мой ответ Жуков сказал: «Мужайся! Видишь, что творится кругом!» Похвалил меня за работу: «Молодец! Работаешь хорошо».

Были, конечно, и светлые моменты, – вспоминает Нина Александровна.

– Война оставалась где-то за гранью сознания, молодость брала свое. Любовь? Нет, не могла и не хотела я об этом думать после гибели суженого. Дружба искренняя и чистая – вот что особо ценилось, что было особенно нужным! Помню, очень гордилась я тем, что родом из Татарии, меня так и звали «наша татарочка».

А домой она все-таки поехала. Правда, произошло это лишь зимой 44-го. В принципе, что такое 10 дней по разрушенной боями земле – почти миг. Разбиты железнодорожные пути, а те, что целели, забиты составами. За семь дней с великим трудом, где на перекладных, где пешком, добралась Нина Александровна до Турлата. От отпуска осталось три дня – как быть? Решила сержант Телешева (Гуляева) любым путем добраться до родных мест. Только вот на чем? Машины – редкость, лошади не ждут... Придется вспоминать фронтовые марш-броски, благо воспоминания недельной давности. И пошла. Ночь застала девушку в пути. И уж вроде всего насмотрелась и насышалась на фронте, да все равно волосы под шапкой шевелились, и мерзкий холодок бежал по спине от далекого переливчатого воя... Лютой и голодной была зима 44-го. И люди, и звери одинаково терпели нужду. Так что, попади одинокая путешественница волкам... Тьфу, и померещиться же такое! Бегом бросилась девушка на мелькнувший невдалеке огонек одинокой избышки. Дверь была не заперта. Старушка, стоявшая на коленях перед иконой, испуганно обернулась. «Не бойтесь меня, я – женщина», – только и смогла вымолвить Нина Александровна, стаскивая с головы ушанку. Старушка ахнула и захлопотала вокруг нее.

Оказалось, что хозяйка избышки почти не понимает по-русски, да и говорить у девушки не было сил. Ныла каждая клеточка ее тела, болели отмороженные щеки, а до рассвета было еще ой как далеко. Проворочавшись с час на отведенной ей жесткой лавке, Нина Александровна поднялась и оделась. Бабка поднялась вместе с ней – куда, мол, собралась? «Не могу ждать, – говорит девушка, – спасибо, я отдохнула, теперь пойду». «Волки», – пытается удер-

жать ее хозяйка, да куда там, сержант Гуляева уже за порогом и вновь меряет армейским шагом километры чуть заметной в ночи петляющей зимней дороги.

Три дня оставалась девушка в родной деревне. Отдыхала, ходила с отцом на могилу матери. Голое, засыпанное снегом поле ничем не напоминало кладбище – не было ни деревьев, ни оград, ни крестов – все пошло на дрова. Родную могилу отыскать было практически невозможно. Пора уезжать. Отец проводил дочку до станции на лошади. И вновь теплушки, товарняки и свои собственные ноги несли девушку в родную часть. Какими-то путями, дорогами занесло ее в Арзамас... Пока выбиралась, все дальше на Запад двигался фронт, и догнала сержант Гуляева своих только под Старой Руссой. Здесь она получила первое осколочное ранение в ногу.

«Я охраняла в лесу три грузовые машины с боеприпасами – вспоминает Нина Александровна – была осень 1944 года, ходила в шинели, было очень холодно. Прыгнула в окоп, чтобы согреться, держу винтовку. Вдруг один из шоферов крикнул – Сержант! Я обернулась, и пуля попала мне только в руку, а могло обернуться все намного хуже. Благодаря шоферу осталась, я жива. Оказывается, на дереве сидел снайпер.

Оказавшись под Старой Руссой, боевой товарищ пригласил ее с подругами к себе домой (благо дом оказался рядом), где и сфотографировал их вместе со своей мамой.

Красная Армия активно наступала. Пешком прошагала девушка всю Прибалтику и победный день 9 мая 1945 года встретила в Кенигсберге. До сих пор вспоминает она этот день, который трудно описать простыми словами. «Это нужно видеть, это нужно пережить! – говорит она. – За четыре года мы и наголодались, и нахолодались, но в этот день совершенно перестали что-либо чувствовать и ощущать, кроме переполнявшего нас счастья!»

В августе 1945 г. часть, в которой служила Нина Александровна, была направлена на Восток в район боевых действий с Японией, но уже на Урале их нагнало срочное сообщение о конце операции. 3-го сентября сержант Гуляева была демобилизована.

После войны Нина Александровна работала в школе, сейчас на заслуженном отдыхе. Она – частый гость Аксубаевской гимназии. Ее здесь все любят и относятся с большим уважением.

Тимиров Мингаз Ибрагимович

Родился 30 июня 1914 года в Казани, ветеран Великой Отечественной войны, командир авиаэскадрильи, полковник, имеет боевые награды: Ордена Красной Звезды и Боевого Красного Знамени, медали «За отвагу», «За оборону Одессы» и другие.

* * *

Я с молодых лет мечтал быть летчиком, хотел увидеть землю с высоты птичьего полета. После окончания Казанского аэроклуба я получил хорошую путевку в большую авиацию и крепко связал свою судьбу с нашей славной авиацией. В 1939 г. с отличием окончил высшее Сталинградское военное авиационное училище летчиков. Осуществилась мечта моей молодости – я стал военным летчиком.

Служил в военно-воздушных силах летчиком-инструктором, командиром звена, командиром отряда, командиром эскадрильи.

Перед началом войны обучал летчиков в Олсуфьевском военном авиационном училище. Когда началась война, мне очень хотелось быть на фронте, защищать Родину, громить врагов. С рапортом обратился к начальнику училища генералу Юкову А.Н. с просьбой направить меня на фронт. На рапорте было написано «отказать», а еще, что подготовка летного состава, да еще в военное время – это тот же фронт. Генерал, конечно, был прав, но сердце не хотело слушать доводы рассудка, я стремился на фронт, чувствуя, что мой опыт, мое умение должны быть использованы там, в огне боев.

Олсуфьевское авиационное военное училище готовило пополнение в непосредственной близости от фронта. Часто на аэродром налетали фашистские бомбардировщики. Иногда учебные полеты с курсантами для меня – командира звена – становились боевыми. Все почти как на передовой линии, но все-таки было вот это «почти», и пыло сердце, и тянуло неудержимо в действующую армию.

«Что с тобой поделаешь?»; – прочтя четвертый рапорт, сказал генерал Юков: «видно, не удержишь, езжай, вой!».

Наконец-то я в 719-м авиаполку ночных бомбардировщиков. Полк создан на базе Харьковского Военного авиационного

училища летчиков для специальных боевых действий в ночных условиях. Так как подобных авиачастей было очень мало, полк принимал участие в наиболее крупных операциях Великой Отечественной войны: Сталинградская битва, Курская дуга, Корсунь-Шевченковская и Яссо – Кишиневская операция, битвы за города Воронеж, Ростов, Харьков, Днепрпетровск, Кривой Рог, освобождали Донбас, громили врага на территории Молдавии, Румынии, Венгрии.

Полк нес на своих крыльях смерть фашистским захватчикам с 1941 года и до окончания войны, выполнял различные боевые задания. Основной задачей полка было уничтожение живой силы и техники врага. Кроме того, выполнялись полеты в расположение партизан, высадка разведчиков, распространение листовок на временно оккупированной врагами территории. Все эти задачи выполнялись на самолетах Р-5. Этот известный в тридцатые годы самолет разведчик и штурмовик был спешно переоборудован в бомбардировщик с радиусом действия более 300 км. Скорость самолета с бомбовой нагрузкой 400 кг достигала до 180 км.

Вооружение состояло из двух пулеметов. Кабина летчика и штурмана были открыты, навигационных приборов – очень мало. А летали и летом, и зимой в суровые морозы. Обмороживались, попадали под интенсивный зенитный огонь, погибали, но никогда не теряли веры в победу, никогда никто в полку не дрогнул, не сбросил бомбы не на цель. Командиром полка был опытный летчик, боевой командир Михаил Александрович Баженов. Он всегда был предельно собранным, требовательным к себе и ко всем нам. Любил летать, показывал пример мужества и отваги. Имея большой боевой опыт, охотно передавал его летному составу. Особенно отличился наш 719-й полк в боях за город и порт на Дунае-Галац. Приказом Верховного Главнокомандующего от 9 сентября 1944 г. полку было присвоено наименование Галацкий.

В нашем полку служили из г. Казани прославленные летчики, настоящие патриоты нашей Родины: подполковник Ямщиков Николай Петрович, подполковник Устинов Федор Александрович, капитан Нехороших Николай Григорьевич, полковник Баканов Николай Федорович.

Как авиационная часть, имеющая большой опыт боевых дейст-

вий и большие заслуги, 719 авиаполк был 21 сентября 1944 года с фронта был послан в г. Казань на переучивание на новой материальной части пикирующих бомбардировщиках «ПЕ-2», после переучивания, через 4 месяца, полк был направлен в правительственную командировку в состав войска Польского.

Самолет ПЕ-2 (конструкции В.М. Петлякова) Казанский завод им. С.П. Горбунова начал выпускать в 1940 году. За годы войны было выпущено 10 тысяч таких боевых самолетов.

Это был основной многосерийный ближний бомбардировщик. По скорости почти не уступал вражеским истребителем, скорость – до 540 км/час, вооружение – 3 пулемета-12,7 мм, 2 пулемета-7,62 мм и 600 кг бомб, мы, летчики-фронтовики, благодарны славному коллективу завода имени СП. Горбунова за то, что они построили самолет с очень хорошими летно-техническими данными и этим самым способствовали обеспечению нашей Победы над врагом.

И вот я, наконец-то, в 719-м авиаполку ночных бомбардировщиков, который осенью 1942г. участвовал в боях под городом Миллерово, занятым врагом. Наш полевой аэродром находился в 15 км от этого крупного железнодорожного узла. С наступлением сумерек и всю ночь напролет самолеты вылетали и бомбили станцию и подъездные пути, где сосредотачивались эшелоны с живой силой и техникой противника. Нами делалось все, чтобы сорвать переброску вражеских подкреплений к Сталинграду. Враг создал в этом районе мощную противовоздушную оборону. Помимо зенитной артиллерии на этом участке нередко появлялись ночные истребители, завязывались ожесточенные воздушные бои. Почти ежедневно на наш аэродром налетали вражеские бомбардировщики.

В первые дни меня на важные задания не посылали: «Не торопись, побеседуй с опытными, отстрелянными летчиками». Но я был молод, горяч, мне не терпелось обрушить на врага смертельный груз. Ночами я наблюдал, как в отсвете пожаров, занявшихся от сброшенных бомб, в лучах прожекторов и в разноцветных трассах зенитных снарядов маневрируют наши самолеты. Не все машины возвращались обратно, некоторые охваченные пламенем, огромными факелами падали вниз. В такие минуты сердце сжималось от боли. Хотелось немедленно поднять самолет в воздух,

чтобы громить и громить врага. Хотелось мстить за поруганную землю, за погибших товарищей.

Так, в кажущемся бездействии, прошло около недели. Товарищи, глядя на меня, подшучивали, «что-то, Миша, ты исхудал. Не влюбился ли?». Я только отмахивался, мне было не до шуток. И вот, наконец, я получил первое боевое задание: совершить два вылета на железнодорожную станцию Миллерово.

«Ваша задача – не выпустить со станции ни один эшелон», – сказал командир полка, – делайте все обдуманно. Не забывайте, что зенитки пристреляли каждый квадрат неба, прожектора прощупывают каждую пядь ночной высоты».

На выполнение первого боевого задания я полетел с опытным штурманом Николаем Нехороших. В 23 часа 30 мин. мы взлетели. Перед глазами расстилалось зимнее ночное небо, впереди багровел пожар на станции, так что ориентироваться было легко, да и не в первый раз приходилось подниматься в ночное небо. Я чувствовал дыхание Николая у себя за спиной, и на душе становилось спокойнее. Мы со штурманом решили набрать высоту и подойти к цели с тыла. Пройдя станцию, разворачиваюсь. Вот нужный ориентир – водонапорная вышка, а на путях – составы, составы... «Идем на цель» – слышу в шлемофоне голос штурмана. Он дает необходимые для бомбометания указания. В черное небо врезаются серебристые стрелы прожекторов. Они, лихорадочно рыская, разрезают тьму, хищно ищут свою жертву. Внизу рвется сброшенная нами бомба. Точно в цель. «Выводи машину на второй заход», – слышу слова Николая. В эту минуту в кабину врывается слепящий луч прожектора. Под самолетом рвется зенитный снаряд. Нас отбрасывает воздушная волна. Я маневрирую, резко бросаю машину вниз, выскакиваю из луча прожектора и вывожу машину на второй заход. На эшелоны летят бомбы. Я вижу, как загораются и разлетаются обломки вагонов. Прожекторные лучи снова набрасываются на машину. Внизу и по сторонам возникают трассы зенитных снарядов – красные, синие, желтые. Штурман все время подсказывает: «Вправо, влево, вниз». Наконец вырываемся из разрывов и идем на аэродром. Легко дышится, хочется запеть от переполняющей грудь радости. Чувствую, что, несмотря на мороз, волосы под шлемом мокрые, и по спине текут струйки пота.

В дальнейшем мне приходилось выполнять и более трудные задания, но это первый боевой полет я запомнил навсегда.

В 1943г., после Сталинградской битвы повсеместно началось наступление наших войск. Вместе с войсками Западного фронта продвигался на Запад и наш полк. Памятны бои за Артемовск, Ворошиловград, Изюм, Краматорск, Харьков, Одесса, Курск, Орел. Мы делали по несколько боевых вылетов каждую ночь, уставали невероятно. С рассветом, передав машину техникам, мгновенно проваливались в сон. Однажды после ночных вылетов, мы не успели поспать и двух часов, как нас разбудили. Получен приказ командования: нанести бомбовый удар по противнику днем. Мне было приказано возглавить группу из 9 самолетов. Я и еще несколько опытных летчиков решили лететь без штурманов, что давало возможность взять лишнюю бомбу и, следовательно, сбросить на головы фашистов дополнительно 100 кг смертельного груза. Только на одном самолете находился опытный штурман Осташкевич, который подготовил все необходимые данные и проложил маршрут. Погода стояла хорошая, но над аэродромом, который мы должны были уничтожить, стлалась густая дымка. Зашли на цель с востока на высоте 800 м. Подлетая к цели, обнаружили на аэродроме большое количество бомбардировщиков и истребителей. Ни один самолет не успел подняться в воздух – так внезапно был наш удар. Вернулись без потерь. За этот вылет командующий 17-й армией маршал авиации Судец объявил мне благодарность.

На все боевые задания я потом летал со своим постоянным штурманом Виктором Новиковым. Иногда приходилось вести ожесточенную борьбу не только с противником, но и с разбушевавшейся стихией. Однажды, во время вылета на железнодорожную станцию Мерефа под Харьковом, когда мы уже сбросили бомбы на цель, разразилась гроза. Низкие тучи обволакивали самолет в какое-то серое грязное одеяло, лишая нас почти всякой видимости. Молнии разрезали небо, и, казалось, вот-вот испепелят нашу машину. Самолет не слушался, ветер бросал его из стороны в сторону. Руки, сжимавшие штурвал, пытались сдержать дрожь самолета и выровнять его. От напряжения до крови прикусил губу, мелькнула даже мысль: «Неужели конец? Обидно, что не в бою. Однако руки автоматически, привычно делали свое дело.

В конце концов удалось привести самолет к аэродрому. Но еще труднее оказалось совершить посадку: ведь у земли ветер и гроза были еще сильней. Пришлось садиться на полном газу. Как только машина коснулась земли, люди на аэродроме, следившие за моей борьбой со стихией, бросились на крылья самолета. «По совести сказать, – говорили нам, – мы думали, что из этого полета вы не вернетесь, так что считайте, что заново родились».

В сентябре 1943г. советские войска прижали противника к Днепру. Гитлеровцы срочно возводили переправы и тщательно их охраняли. В ночь на 3 октября я получил приказ разбомбить одну из переправ через Днепр и разведать скопление живой силы и техники противника у села Башмачки и по шоссе на дороге Днепропетровск – Запорожье. Это был мой 87 боевой вылет. Всего в годы войны я совершил 252 успешных боевых вылета. Ночь стояла очень темная, небо обложили тучи, при взлете накрапывал дождик. Вскоре внизу заблестели воды Днепра и обозначилась большая переправа. Штурман, как всегда, спокойно сообщает: «Цель под нами». Но наш самолет обнаружен, в небо устремились зенитные снаряды, вижу разрывы справа и слева. Сброшенные бомбы снесли переправу. Разворачиваю машину. Днепр остался позади. Дождь усиливается, самолет идет в сплошной мгле. Боимся потерять ориентировку. Штурман сбрасывает бомбу на парашюте, она вспыхивает и ярко освещает окрестности. В голубоватом свете видна шоссе на дороге, забитая движущимися вражескими войсками, возводимый противником земляной вал. Сведения получены, теперь можно и домой.

И вдруг что-то с огромной силой ударило в мотор, посыпался каскад искр, ослепивших глаза. И тут же я почувствовал, что меня куда-то подбросило. Я попытался ухватиться руками за борт кабины, но... борта не было. Меня выбросило – это я скорее ощутил, чем понял, и в ту же секунду дернул кольцо парашюта. Меня подхватил и понес ветер. Почувствовал, что левая нога запуталась в парашютных стропах. Я падал вниз, почти перевернувшись. Кругом была мгла, не видно ни неба, ни земли. Пытаясь освободить ногу, я ощутил резкую, нестерпимую, боль. В ту же минуту последовал удар о землю, и я потерял сознание, очнувшись от сильной боли в голове и в левой ноге. Саднило спину, голова

кружилась, перед глазами плыли разноцветные круги, на губах чувствовался солоноватый вкус крови. Пытаюсь встать, но какая-то тяжесть валит с ног. Преодолевая боль, сжав зубы, я еще раз поднимаюсь и теряю сознание, сколько пролежал без сознания – не помню. Но видимо, недолго, потому что, когда я очнулся, еще была ночь. Сознание приходило мучительно медленно. «Где я? Что со мной?». Память отказывалась работать.

Постоянно глаза привыкли к темноте. Во мгле холодной осенней ночи я заметил, что рядом со мной что-то белеет: руки нащупали стропы парашюта, и только тогда стало припоминаться происшедшее. Да, нас сбили. Где штурман Витя? «Виктор», – напрягаясь, закричал я, но тут же понял, что кричать опасно, рядом мог быть враг. Я освободился от парашюта, но его надо было закопать, ведь он может навести на мой след гитлеровцев. Землю пришлось разрывать руками и твердыми стеблями кукурузы.

За полем вырисовывался лесок, за ним изредка мерцали отсветы далекого боя, слышалась глухая артиллерийская канонада. Нужно во что бы то ни стало уйти в лесок до рассвета. Превозмогая боль в ноге и голове, доковылял до леска. Он оказался совсем не большим, на петляющей за ним дороге проходили машины с замаскированными фарами, слышалась немецкая речь. Все время я полз, меняя направление, стараясь отдалиться от дороги. В конце ночи оказался в какой-то ложине, под ногами мягко пружинил мох, скользили сапоги. Проваливался во что-то вязкое, какие-то заросли хлестали по телу. Болото, конечно, болото. Нужно выбираться, возвращаться назад, но вдруг проваливаюсь по пояс в воду. Напрягая последние силы, выкарабкиваюсь из трясины. Но окончательно выбраться, уже нет сил. Промокший, я лежал в камышовых зарослях, нога нестерпимо болела, кружилась и болела голова. Я вновь впал в забытие. Очнулся, когда начало светать. В белесой дымке тумана за зеленоватой зарослью камыша расплывчато угадывались силуэты вражеских солдат, был слышен лай собак. Сомнений быть не могло – они шли по моему следу. Не сдаваться, не попасть в плен. Решение пришло сразу, без колебаний: один патрон оставить для себя, остальные врагам. Попытался повернуться так, чтобы было удобнее стрелять, но тело сползло в воду. «Так даже лучше» – мелькнула мысль, и я погрузился по горло.

Одна собака бросилась в болото, однако, чуть не увязла и с визгом выскочила. Солдаты, решив не спускаться к болоту, стали строчить из автоматов по густым зарослям камыша. Болото было большое, камыши – высокие, и это меня спасло. Гитлеровцы, постреляв наугад, удалились. А потом я вновь услышал немецкую речь, шум проезжающих машин. Нет выходить из болота нельзя. Так продолжалось два долгих, невыносимо долгих два дня. Появился озноб, мучителен был голод. На третью ночь, когда, наконец, все стихло, удалось выбраться из воды. Ноги не слушались, но нужно идти. Теплилась надежда, что сумею добраться до какого-нибудь населенного пункта и там получить помощь.

Перед рассветом удалось доковылять до участка нескошенной пшеницы. Я лег и тут же уснул. Разбудил рокот трактора. Около него стояло 3 человека. Когда трактор смолк, послышалась украинская речь. Я решил рискнуть и позвать их. Люди подошли ко мне, это были Родыгин Степан Лукьянович, Корогод Василий Иванович, Кваша Михаил Сидорович – комбайнеры, трактористы села Августиновка.

– Ты летчик, – сказал тракторист, – «мы знаем, что тебя ищут, спасайся!»

– Второго летчика со сбитого самолета не нашли? – спросил я. Но о судьбе Виктора Новикова они ничего не знали. – Мне нужно переодеться, перевязать раны, подкрепиться, помогите, – попросил я.

Сделать это было не так-то просто. В ближайших селах размещались гитлеровцы. Один из колхозников Михаил Квашанов взялся достать одежду в селе Августиновка. Мне дали поесть и спрятали в большую копну соломы. Лежа в копне, мучительно думал, как поступить дальше? Я готов на все, только бы не попасть в плен, лучше смерть, чем плен. В месте с тем, теплилась надежда – может быть, помогут и я доберусь до своих. Но для этого надо было хотя бы немного окрепнуть. Трехсуточное голодание, ноющая боль в голове и ноге, какой-то зуд во всем теле, мокрая и грязная одежда – все это сковывало, парализовывало волю – хотелось зарыться поглубже в солому, свернуться калачиком, как в детстве, и заснуть. Дремота предательски навалилась на меня. Вдруг донеслась немецкая речь, скрип подъезжающей подводы.

Неужели предали? Нет, ничего у них не выйдет. Я судорожно достал пистолет, но немцы уехали.

– Ну, браток, думали, что пропали, – сказал, подойдя ко мне, один из трактористов – Слава господу, пронесло.

Вскоре приехал Квашанов. Он привез рваные ватные брюки, телогрейку, шапку и старые ботинки. Мне помогли переодеться, промыть и перевязать раны. Нашлась игла – я зашил под подкладку телогрейки документы и в рукав – запасные пистолетные обоймы. Мою летную одежду зарыли. Вечером решили перевезти меня в село Августиновка, в хату одного из крестьян, у которого немцев не было. Так и сделали. Один за другим миновали посты. У самой Августиновки к телеге подошел автоматчик, остановил, обошел вокруг и только после этого разрешил ехать.

В этот вечер в хате комбайнера Корогода Василия Ивановича, где был я, побывало несколько колхозников. Они жадно слушали мой рассказ. Я рассказывал о Сталинграде, о наступлении Советской Армии. Оказалось, что обо всех этом здесь никто ничего не знал. Сведения о поражении своих войск фашисты держали в строжайшей тайне. Я посоветовал колхозникам затягивать уборку хлеба, мужчинам и молодежи прятаться, чтобы избежать угона в Германию. В полночь, когда уже все спали, раздались удары в дверь. Не зажигая света, хозяин припал к окну. «Солдаты», дрогнувшим голосом сказал он. Когда дверь открыли, вошли офицер и семеро солдат. Направляя луч карманного фонарика по сторонам, офицер внимательно осматрелся.

– Пан? – спросил у хозяина.

– Да.

– Панинка?

– Да, – ответила хозяйка.

– Пан? – снова спросил офицер про меня.

– Мой родной брат Михайло, – спокойно сказала хозяйка. Гитлеровец присел на табурет и сказал:

– Мы будем здесь спать. Курка, яйца есть?

– Нэма, забрали – хозяйка развела руками.

Солдаты недоверчиво осмотрели хату и только убедившись, что ничего съестного нет, достали из вещмешка консервы. Перекусив, они легли спать, а мне, несмотря на невероятную усталость,

было не до сна. Перед рассветом, когда гитлеровцы еще спали, мы с хозяином вышли из хаты, запрягли быка и выехали в поле. Вдали был виден Днепр. Там проходила линия фронта. Возникли десятки планов возвращения в полк, но все они были трудно-осуществимы. Как переплыть такую водную ширь, да еще с раненой ногой и головой.

Я решил попытаться ночью переправиться через Днепр в районе кладбища скота, от которого до обрывистого берега тянулся овраг. По нему я должен был незаметно подойти к реке, там должен был ждать человек с лодкой. Они также снабдили меня лопатой с длинным черенком, которая должна была заменить мне миноискатель. Мне дали связку сушеных тыков. С помощью этого нехитрого устройства можно было держаться на воде.

К вечеру Михаилу Квашанову удалось достать у старосты справку, удостоверяющую личность. Я становился Михаилом Квашановым. Было решено, что в случае неудачи на переправе, я отправляюсь в село Сурско-Литовское, где фашистов не было. Там жила тетя Михаила Квашанова, которой он написал записку.

Небо затянуло тучами, пошел небольшой дождь. Такая погода благоприятствовала мне. В предвечерних сумерках пробраться незамеченным между вражескими постами казалось вполне возможным. Я почему-то был уверен, что удастся переправиться на противоположный берег Днепра. Попрошавшись с моими спасителями, направился по намеченному пути. С большой осторожностью, волоча за собой связку сушеных тыков, преодолеваю казавшимся нескончаемым овраг, но когда показался берег, я увидел двух пулеметчиков, находящихся в небольшой нише при выходе из оврага. Охраняя берег, они периодически вели огонь. Поблизости никого. Их надо убрать, мелькнула мысль, спуститься к берегу и постараться быстрее достигнуть реки. Раздумывать я не стал, слишком напряжены были нервы, и очень манил Днепр. Подполз еще ближе и стал стрелять. Пулемет замолк. Волоча ногу, я прошмыгнул мимо них и стал спускаться к берегу. Неожиданно взлетела ракета и осветила все вокруг.

Я припал к земле. Вслед за первой, взлетела вторая, в ее свете я различил фигуры бегущих солдат. Стрельба не прошла бесследно. До берега оставалось метров 400. Большая нога и тыква

не позволяли быстро добраться до воды. Я понял, что моя попытка не удалась, и повернул обратно.

Всю ночь, в стороне от дорог, шел я теперь от линии фронта. Перед рассветом, совсем обессиленный, забрался в скирду и заснул. Приснилось родное село в Татарии, утопающее в золотом море пшеницы. Вот я, маленький Мингаз, прихватив краюшку хлеба, убегаю из дома в райцентр Сабы, чтобы учиться в семилетке, но религиозная мать разыскивает меня и увозит домой.

«Ай, алла», укоризненно покачивает она головой, — «работать надо, а не учиться». Я не сдаюсь. Буду учиться, все равно буду.

Снова убегаю из дома, на этот раз подальше — в Кукмор, хожу в семилетку, а когда мать приезжает, то прячусь. После окончания семилетки еду в Казань, спрятав лапти в котомку. Общежитие, рабфак, учеба в Медицинском институте, но врачом стать не довелось: с третьего курса, по путевке комсомола ухожу в авиационное училище. Там осуществилась моя давняя мечта — стать военным летчиком.

Но все это в прошлом, а сейчас раненые нога и голова, рваная телогрейка на плечах, вражеские заслоны на всех дорогах, желанная линия фронта далеко-далеко... Порой в сердце закладывалось отчаяние, но минутная слабость сменялось упрямой мыслью — дойду. Во что бы то ни стало — дойду.

Долго я шел по родной земле, захваченной врагом, обходя занятые села. Питался зернами пшеницы, кукурузы, капустными листьями. Голод все настойчивей доставал о себе знать. К тому же раненая нога болела все сильнее. Я только промывал рану, прикладывал к ней подорожники и горько думал, что вот и пригодились мои небольшие медицинские знания.

Шла уже вторая неделя моих скитаний по тылам врага. Днем приходилось укрываться в оврагах, лесопосадках, скирдах, а ночью идти. Смерть витала рядом, но меня не покидала уверенность, что я все-таки вырвусь. Жить помогала ненависть к врагу. Чтобы нанести ему хоть какой-нибудь урон, я срывал попадавшиеся мне линии телефонной связи.

Однажды, перед рассветом, увидел на дороге повозку, груженную ящиками, на ней сидели два автоматчика. Надеюсь, что в ящиках находятся продукты, я убил их, но, к сожалению, там

оказались гранаты и патроны. На десятые сутки меня разбудил старик с окладистой рыжей бородой, пришедший за соломой к скирде, в которой я спал.

— Ты кто? — спросил я. — Я здешний, с Сергеевки. Старик вызывал доверие, и я открыто рассказал ему о своих злоключениях. Старик рассказал, что его зовут Трофимом Баштрук. В Захарино живет его близкая родственница Хима Григорьевна Маринец, у которой четверо детей. Живет она в крайней хате, поэтому немцы у нее не останавливаются. Муж ее в Красной Армии, она ненавидит гитлеровцев.

Ночью я пробрался через огороды во двор крайней хаты и спрятался в хлеву. Рано утром из хаты вышла полная пожилая женщина.

— Хима Григорьевна, — позвал я. Женщина прислушалась настороженно, осмотрелась и, решив, что ослышалась, подошла к хлеву.

— Кто ты? — спросила она, увидев в полумраке меня. Выслушав мой рассказ, она сказала, что сама не знает, как поступить и пойдет посоветоваться с братом Афанасием.

Я сидел и ждал, думал, а что, если она приведет не брата, а их? Кто ее знает? Но опасения были напрасными. Вскоре вместе с хозяйкой пришел ее брат. Афанасий походил на Трофима Баштрука. У него была такая же окладистая рыжая борода.

Меня решили поместить в погреб, дома, в которых не жили немцы, постоянно проверялись — нет ли посторонних людей. В погреб хозяйка набросала сено, солому, старое тряпье, приносила грелку, но все равно было очень холодно и сыро. А через два дня появились крысы, которые очень агрессивно себя вели. Я отбивался от них палками. Вход в погреб был заложен дровами, так что обнаружить меня было нелегко. От сырости и холода мое здоровье ухудшилось, я стал терять зрение. Однажды вечером хозяйка сообщила, что приходили староста и комендант с известием, что через 3 дня в хате поселятся три солдата. Я сказал: «Что хотите со мной делайте, только не сдавайте меня гитлеровцам. Вы знаете мое состояние». Посоветовавшись с братом, она сделала на чердаке мне тайный уголок. Когда фашисты уходили из дома, она и ее сестра Татьяна поднимались ко мне, перевязывали раны.

Два раза ходили в другое село за врачом, когда у меня было очень критическое состояние здоровья, но молодой организм брал свое — постепенно я стал поправляться. По вечерам, сначала в

погреб, а потом на чердак приходил Афанасий Григорьевич. В селе было беспокойно. Каждый день прибывали все новые гитлеровцы. Солдаты бесчинствовали, насиловали, грабили. Я рассказывал о положении на фронтах, расспрашивал о жителях села. Из рассказа Афанасия Григорьевича я узнал, что в селе Захарино и в некоторых соседних селах есть люди, которые ненавидят фашистов и готовы идти в партизаны. У некоторых из них есть припрятанное оружие, боеприпасы, охотничьи ружья. Были среди них и такие, которые при отступлении наших войск, остались дома. После прихода советских войск им нужно было бы держать ответ, почему они оставили свои войсковые части, поэтому они охотно хотели вступить в партизаны, чтобы искупить свою вину. По предварительным данным можно было вооружить примерно 50-60 чел.

За период пребывания в тылу врага, я убедился, что подавляющее большинство украинского народа ненавидело фашистских захватчиков и с нетерпением ждали Советских войск.

Нужно сколотить группу наших людей, — говорил я Афанасию Григорьевичу. Лесов тут больших нет. Укрываться негде. Поэтому нужно в самом селе тайно организовать людей, начать помогать нашей армии. Первое, что надо сделать, это воспрепятствовать вывозу хлеба в Германию, прекратить обмолот, вывести из строя сельскохозяйственные грузовые машины. Наша армия скоро придет. Отступая, гитлеровцы погонят с собой население, в особенности мужчин, будут сжигать дома, колхозные постройки. Мы не должны этого допускать.

Афанасий Григорьевич утвердительно покачивал головой. Так зарождался план организации в селе Захарино партизанской группы. Вскоре Афанасий привел ко мне надежных людей. Это были захаринские колхозники Михаил Григорьевич Устименко, Иван Кириллович Белоус, Михаил Иванович Мазур, Иван Семенинович Маринец, Лука Григорьевич Устименко, Наталья Ильинична Терещенко и много других. Группа теперь выросла в настоящую боевую единицу народных мстителей. Росла ее численность. Все новые и новые люди становились в ее ряды.

С некоторых, вступающих на опасный путь народных мстителей в тылу врага, бралась своеобразная письменная клятва. Это были собственноручные расписки «Я, гражданин Шостак Николай

Кузьмич, – писал в одной из расписок захаринский колхозник, – обязуюсь помочь советскому летчику и об этом никому не говорить». Эти патриоты в грозный час не дрогнули перед врагом.

И вот начались славные дела народных мстителей, которые систематически нарушали телефонную связь немцев в прифронтной полосе, а также, с целью задержания продвижения резервов противника к фронту, неоднократно выводили из строя мост через реку. Было организовано информирование населения о положении на фронтах, собирались сведения о расположении живой силы и техники противника, проводилась агитация среди населения, направленная на срыв оборонительных работ, молотбы хлеба, выводили из строя немецкие грузовики. Удалось предотвратить насильственный угон молодежи в Германию.

В конце ноября 1943г. на многих участках фронта Советская Армия форсировала Днепр и перешла в наступление. На участке фронта у села Захарино наши войска вели ожесточенные бои за село Широкое, расположенное в пяти километрах. В это время изменилась обстановка и в селе Захарино. Нам стало известно, что 27 ноября главный гарнизон немецких войск будет отступать по направлению к селу Тракторному. В Захарино оставили группу немцев для взрыва, поджога колхозных строений, жилых домов и для насильственного угона молодежи в Германию. Наша партизанская группа настолько окрепла, что была готова в самое подходящее время нанести внезапный удар по гитлеровцам, не дать им осуществить их коварные планы.

Был разработан план внезапного удара по гитлеровцам. Людей разбили на подгруппы, каждой из которых дали боевое задание. Нанесение внезапного удара по гитлеровцам наметили на утро 29 ноября.

29 ноября 1943г. местное население изгнало из села Захарино немецких оккупантов, отбросив их до села Тракторное 7 км от Захарино, захватив 10 человек пленных, оружие, снаряжение. В этот же день местное население восстановило мост, разрушенный немецкими отступающими войсками, что способствовало быстрейшему продвижению частей Красной Армии. Арестовали предателя Родины – полицая Ярошенко Андрея.

На маленькой сельской площади заалело Красное знамя – в селе Захарино была восстановлена советская власть.

Более суток продержалось в тылу врага освобожденное село Захарино. На вторые сутки жители села, партизаны встречали родную Советскую Армию, которая вошла в Захарино, не потеряв ни одного человека. Немного побыли в селе Захарино советские части. Они уходили на Запад гнать врага с родной земли, и вместе с ними уходил из села я. Тепло и с благодарностью провожали меня жители.

После прохождения проверки я разыскал свой 719-й авиаполк. Я пришел на аэродром под Днепропетровском в той одежде, в какой был в тылу врага, обросший, оборванный, с палкой и котомкой за плечами, с партбилетом, личным оружием и летной документацией.

Вечерело. На летном поле было много людей. Они готовились к ночным полетам.

– Эй, старик, тут ходить нельзя», – окрикнул меня знакомый летчик Александр Конев. Я увидел у одной из машин командира полка подполковника Баженова и направился к нему.

– Товарищ подполковник, летчик Тимиров вернулся с боевого задания. Задание выполнено.

– Тимиров? – недоверчиво переспросил командир – так я изменился.

– Так точно, – я протянул документы.

Начались объятия, поздравления, мне сообщили, что на меня уже послана похоронка. Мать, которая проживала в Казани, уже получила похоронное извещение и ей начислили пособие за погибшего сына.

После лечения в госпитале я снова летал. За годы Великой Отечественной войны совершил 252 успешных боевых вылета. После демобилизации из рядов вооруженных сил работал командиром эскадрильи в Казанском аэроклубе. Во время службы в авиации обучил и воспитал большое количество летчиков для нашей Родины.

После войны меня не раз приглашали на Украину, в места моих «партизанских подвигов».

Безмерно рад, что Хима Григорьевна Маринец, спасшая мне жизнь во время войны, рисквавшая при этом своей жизнью и жизнью своих четверых детей, награждена за свой подвиг медалью «За боевые заслуги» и орденом Отечественной войны. По моему приглашению она со своими детьми много раз приезжала в Казань.

Уткина Евгения Ивановна

Родилась в 1920 году, ветеран Великой Отечественной войны, ефрейтор, награждена медалью «За боевые заслуги».

* * *

Я начала свою воинскую службу 15 июня 1942 года в возрасте 22 лет. Вызвали меня 15 июня в военкомат Теньковского района Татарии, там я работала учителем начальных классов, высшего образования на тот момент не было, окончила лишь библиотечный техникум в городе Елабуга, и призвали в Красную Армию.

И прошла я путь от Тамбова до Плаещи (Румыния) и чего только не пришлось мне увидеть. Работала и на нефтеперегонных заводах в Воронеже, и в аэростатной части возили газ в баллонах, наполняли им аэростаты, поднимали их на большую высоту, а сколько земли перекопали...

Основной же моей военной работой была работа связистки: налаживала связь между батареями, таскала тяжёлые катушки с кабелем, различные аппараты...

Попав в Румынию, охраняла мосты через Дунай, там же и встретила Победу. Известие о ней было неожиданностью, но в то же время и великой радостью, ведь мы даже и не сомневались в том, что этот день рано или поздно настанет.

Люди были измучены, утомлены, без времени постарели, но самоотверженно боролись за своё отечество.

Помню наших девчонок, которые ночью вылетали на самолётах («кукурузниках», как их сейчас называют) и сбивали вражеские бомбардировщики.

Не все из нас стали героями, кто-то в разведке, а кто-то на кухне, кто-то, как я, в штабе, но любая работа, пусть даже самая незаметная, привела нас к Великой Победе.

Что особенно лестно для меня, то, что из всех девчонок, служивших в штабе, меня одну наградили медалью «За боевые заслуги».

В августе 1945 года я вернулась домой, в родную Елабугу. В этом же году поступила в Елабужский Учительский институт, закончив который, проработала год в республике Дагестан учителем, а после чего по семейным обстоятельствам вернулась на

родину. По распределению попала в д.Танайку, где стала работать учителем русского языка и литературы в 5-7 классах.

Стоит отметить, что школа как раз в это время начала преобразовываться из семилетки в девятилетнюю, и нас, кто не имел высшего образования, заставили поступать в ЕГПУ заочно.

Тяжело было.... Наш коллектив в основном состоял из участников войны, каждый из которых в силу своих возможностей старался за неимением достаточной технической и литературной базы, дать ученикам знания. Книг не хватало. Помню: устраивали чтения, когда одна книга на класс и все с вниманием слушают читающего... Да что уж говорить... если нам самим приходилось заготавливать дрова, топить классные печи. Но не смотря на все трудности, молодые учителя работали с большим воодушевлением и самоотдачей, благодаря которой удалось выучить достойных людей, о которых мы вспоминаем с гордостью.

Проработала я в Танаевской школе более 30 лет, после чего была выведена на пенсию, но не могла представить своей жизни без учительства. Мне просто некуда было себя девать, и я пошла к директору и говорю: «Дайте мне работу! Любую, пусть даже бесплатную». Мне предложили работать в группе продлённого дня и помогать ребятишкам, жившим в интернате. Так ещё 10 лет я проработала в школе, которая по истине была моим вторым домом... До сих пор сняться сны о том, как я веду уроки...»

Хакимуллин Зиннат Хакимуллович

Родился 7 октября 1922 года в деревне Янгулово Арского района РТ, ветеран Великой Отечественной войны, пулеметчик стрелкового полка, имеет награды, в числе которых: «За взятие Будапешта», «За победу над Германией», «За отвагу».

Я выжил, потому что повезло

Рано утром 22 июня 1941 года я как обычно по дороге на работу зашел за своим приятелем. Стою у ворот, жду, вдруг вижу, бежит по улице наш участковый милиционер. Лицо бледное, взволнованное. Бежит и почему-то тихо шепчет: «Война. Война началась». Так я узнал о начале войны.

В июле 1941 года началась моя фронтовая география. 27 июля 1941 года меня вместе с другими деревенскими парнями увезли в Казань. Там нас постоянно переводили из танкового в артиллерийское училище и обратно. Затем меня направили в пункт войскового соединения Нарофоминского района Московской области, я был зачислен стрелком в 24-ю воздушно-десантную бригаду. Я даже не знал командира своего полка. В первую же ночь наш полк подняли по военной тревоге. На передовую линию фронта мы продвигались через какую-то деревню. Деревенские женщины стояли у ворот, провожали нас взглядом, и вслед говорили: «Вот наши защитники». Эти слова я пронес в сердце через всю войну.

Когда я находился под Москвой, нас часто поднимали по учебной тревоге. Бой закончился. Мы сидим, отдыхаем без сил, кто-то поет песни. И, вдруг тревога! Мы быстро построились в четыре колонны, долго маршировали. Потом оказалось, что тревога учебная. Я тогда думал, что командиры над нами просто издеваются, ведь солдатам надо после боя отдохнуть, выспаться. Потом сам увидел, что немцы могут просто не дать ни минуты передышки и надо быть готовым к бою каждую минуту.

Летом 1942 года в составе 70-го заградительного отряда я попал в самое пекло Сталинградской битвы. Тогда я был вторым номером ручного пулемета. Помню, как постоянно носил на плече тяжеленный ручной пулемет. Как-то под Сталинградом наш взвод попал в засаду. Что делать, вокруг немцы, осталось только немного патронов и гранаты. Командир взвода приказал приготовиться к атаке. Но сержант, командир нашего отделения, предложил разведать обстановку и попытаться обойти немцев. Он взял с собой шесть солдат. Только они ушли, как командир взвода крикнул: «В атаку!» и мы побежали. Я бегу и думаю, чем воевать, если у меня кроме гранаты ничего нет. Вокруг засвистели пули, стали падать солдаты. Прорваться мы не смогли, а солдат потеряли много. Вернулся наш сержант. Они принесли четыре автомата и много патронов. На следующий день мы прошли обходным путем, который показал сержант, и не потеряли ни одного человека, только шесть человек получили ранения. Я тогда долго думал о том, почему так поступил командир взвода. Ведь по его вине погибло столько солдат, а нужно было всего только немного подождать.

Под Сталинградом, когда выпадала свободная минутка, мы сидели, курили, вспоминали семью, родных, любимых. Хотелось хоть на мгновение перенестись в беззаботное прошлое, где нет войны. Мы мечтали о том, как вернемся домой, как нас встретят мамы, жены, сестры. Все мечтали, но не все верили, что удастся выжить в этом аду. Однажды сидим, разговариваем и вдруг один парень молодой, красивый горько заплакал. Все мы стали его утешать. Один немолодой солдат ему сказал: «Ты молодой, сильный, красивый, вернешься домой, все девчонки твои будут». А парень ответил: «Наш город сильно бомбили, и моего дома больше нет. Мать, бабушка, сестрички – все погибли. А на отца пришла

похоронка еще в 1941-м. Мне возвратится некуда». И тут второй парень заплакал. Мы не спросить, ни успокоить его не успели, немцы перешли в наступление и нас подняли в бой. Немцы рвались со страшной силой. Я никогда не видел столько немецких танков. Три часа шел бой. Вдруг, вижу, падает парень, который только что плакал и о семье рассказывал. Идет жестокий бой, я стреляю бегу куда-то, а сам все о том паренке думаю. Я же только что с ним сидел, разговаривал, и вот его уже нет. В этот миг командир взвода встал во весь рост и громко скомандовал: «В атаку!». Пошли наши танки, а за ними бежали наши солдаты. Самыми последними шли мы. У нас был приказ – стрелять в тех солдат, которые побегут назад. Я тогда не понимал, зачем нужен заградительный отряд, и как можно стрелять в своих?

Я бегу вместе со всеми, а в голове одна за другой проносятся все эти мысли. Вдруг вижу, прямо на меня как ураган несется немецкий солдат, буквально сметая всех на своем пути. Он все ближе и ближе, я поднимаю винтовку, прицеливаюсь, стреляю в него. Осечка. Мой автомат заклинило. Я понимаю, что второй раз выстрелить уже не успею. Он целится прямо мне в грудь. Стреляет. Тоже осечка. Тогда я со всей силы бросился на него и так ударил прикладом автомата, что он больше уже не встал. Когда бой закончился, я сел и задумался, почему же мне так сегодня повезло. Тогда я понял одну простую вещь – на войне выживет тот, кому просто повезет. В этом я убеждался не раз. Мне даже товарищи говорили: «Зиннат – ты железный человек».

В своем везении я опять убедился под Сталинградом. Я был вторым номером на пулемете и очень подружился со своим первым номером. Помню, это был очень смуглый и крепкий парень. Всегда улыбчивый, веселый. Во время одного боя он первым заметил немца, целившегося в меня, и убил его, чем спас мне жизнь. А на следующий день он погиб сам.

Во время войны наш взвод постоянно пополнялся новобранцами. Осенью 1944 года после боев за освобождение Украины, нас осталось совсем мало. И нас присоединили к 37-й разведывательной роте. Весной было особенно тяжело. Постоянно шел то мокрый снег, то дождь, а мы всегда ползком по этой грязи. Каждый день мерзли, форма не успевала высохнуть и вся истрепалась. Мы

всю Украину, можно сказать, проползли. Когда вошли в Румынию, нас приняли за партизан, потому что мы были грязные, голодные и в рваной форме.

В разведывательной роте меня никогда не брали, когда ходили за «языком», а оставляли прикрывать разведчиков. Один раз наши ушли в деревню, а я вместе с четырьмя солдатами остался прикрывать с флангов. Возвращаясь, они наткнулись на немцев, завязался бой. Я стрелял без остановки из пулемета. Из прикрывающих я остался один. Наши старики, когда приходило молодое пополнение, всегда говорили: «К нам, ну да». Эти слова я слышал часто, потому что солдат гибло много, и пополнение приходило регулярно. Я до сих пор ненавижу эти слова.

Когда мы находились на Украине, у нас поменялся командир взвода. Не знаю, по какой причине. Нам простым солдатам вообще ничего не говорили. Мы не всегда даже своих командиров в лицо знали. А этот велел всем построиться, захотел на нас посмотреть. Встал перед нами и начал командовать: «Принять упор лежа, помеха слева, помеха справа». Потом заставил нас бежать кросс. Мы бежим из последних сил, а он командует: «Запевай!». Мы бежим и молчим. А он как закричит: «Я сказал, запевай!». После этих слов не выдержал мой приятель Сережа, который всю войну прошел. Сережа подошел к командиру вплотную и сказал: «Я столько боев прошел, столько друзей похоронил, а ты стоишь и орешь на меня. Сам-то ты много видел?». После этого командир стал к нам, простым солдатам, с уважением относиться.

С боями мы продвигались все дальше по территории Украины. Немцы были повсюду, они не собирались просто так уходить. Каждую деревню мы брали с боем. Один раз, когда мы подошли к краю деревни, услышали выстрелы и остановились. Стреляли в лесу. Партизан в этой стороне быть не должно, значит это немцы. Мы пошли на звуки выстрелов. Оказалось это немецкий обоз с сахарным песком. Мы напали на немцев и отбили обоз. С нами был один украинец, высокий и крепкий. Он несколько немцев без оружия, своими кулачищами положил. Этот сахар мы привезли в нашу часть.

Так как я был в разведывательной роте, то всегда впереди проходили мы, а потом уже остальные части. Через Днестр мы тоже

переправились первыми. Нас было девять человек, когда мы переплыли реку и вошли в деревню. Наш сержант завел нас в дом, где я вдоволь наелся. Затем мы поднялись на холм, и сержант приказал окопаться. К вечеру мы сделали окопы. Мы должны были дожидаться подхода наших основных сил и прикрывать их огнем. Ночью мы услышали шум, а потом увидели со стороны леса немецкие танки. Через несколько минут пять танков начали двигаться в нашу сторону. Вскоре они подошли на расстоянии 20-30-ти метров и остановились. Командир приказал не открывать огонь и не обнаруживать себя. Но когда один немецкий солдат неспеша вылез из танка и начал потягиваться, мой друг не выдержал и застрелил его. Танки тут же поехали на нас. А у нас даже гранат не было, с танками бороться было просто нечем. Тогда в окопе у меня перед глазами вся жизнь пролетела. Танки были повсюду. В живых остались только мы с сержантом. Танки отошли назад и остановились. Немцы вылезли из машин и стали разговаривать. Я взял пулемет и выпустил на них весь диск. Нам на помощь пришли партизаны, и танки отступили. Наверное, немцы приняли нас за партизан, а потом просто не понимали, что произошло. Когда очнулся, увидел своего сержанта, которого засыпало землей. Когда я его откопал, он был уже мертв. Мне опять повезло. Я сказал спасибо ангелам-хранителям, хотя никогда в них не верил. Партизаны помогли похоронить всех наших солдат, а потом сопроводили к железной дороге, которую нам предстояло охранять.

В 1944-1945 годах я прошел всю Европу. Наша дивизия освобождала Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию.

Помню, в Венгрии нас втроем отправили в разведку. Мы услышали, как рядом с оврагом разговаривают люди. Подошли ближе и видим, как какие-то люди минируют мост. Я говорю: «Митя, давай в них гранату бросим». Он мне: «Нет. Так нельзя. Мы же не знаем, кто это». Когда мы вернулись, нас сразу же вызвал командир дивизии. Оказалось, что те солдаты, которых мы видели, взорвали мост, и несколько наших солдат погибло. Долго я не мог простить себе, что послушал товарища, надо было гранату бросить.

В феврале 1945 года меня назначили командиром стрелкового отделения 61-го механизированного полка 2-го Украинского фронта. В составе этого полка я воевал в Венгрии, Чехословакии

и Австрии. В Венгрии нам поставили задачу зайти немцам в тыл, для чего мы должны были перейти через Карпаты. Мы поднимались два дня без еды и воды. Идти было тяжело. Стоял октябрь месяц, дули ветры. Чем выше мы поднимались, тем холоднее становилось. От нехватки кислорода и голода у меня стала кружиться голова. Мне стало совсем плохо, и я стал падать. Меня подхватили товарищи и понесли. Я подумал, что лучше умереть, чем так мучиться самому и быть обузой для товарищей. Но тут же я сказал себе: «Ты прошел всю войну не для того, чтобы так позорно умереть здесь. Нет, я хочу вернуться домой. Осталось немного». Не знаю, откуда вдруг появились силы, и дальше я пошел сам. Кто-то назовет это силой воли, а я опять подумал про ангелов-хранителей. С вершины горы я увидел равнину потрясающей красоты. А впереди уже была видна Чехословакия, и дальше мой путь лежал туда.

Победу я встречал в Венгрии. Там я получил контузию и остался на три месяца в госпитале.

После окончания войны мне предложили остаться служить в Австрии, поступить в военное училище и стать профессиональным военным. Но я отказался. Насмотрелся и навоевался я на всю жизнь. 24 декабря 1946 года я демобилизовался и вернулся в родную деревню, где через год встретил свою будущую жену Аминю, с которой жил в любви и согласии долгие годы.

Хафизов Шафкат Харисович

Родился 9 июля 1926 года, детские годы прошли на Южном Урале в Башкирии. Ветеран Великой Отечественной войны, принимал участие в боевых действиях по разгрому Квантунской армии в северо – восточном Китае. За боевые заслуги награждён орденом Отечественной Войны и медалью «За победу над Японией», имеет благодарность от Главнокомандующего Вооружённых Сил нашей страны И.В.Сталина.

Воспоминания о войне

Я узнал о начале войны 22 июня 1941 года в 4 часа дня. В это время в райцентре Салаватского района Башкирии проходил татарский национальный праздник – Сабантуй.

Люди плакали, когда узнали о начале войны. Только что был яркий день, и сразу от страшного горя стало темно, все быстро разошлись по домам. На следующий день 23 июня все мужчины пошли в военкомат (с 1905 года рождения по 1918 год рождения), и я с ними, но призвали меня позже, когда достиг призывного возраста. Служить пришлось на Дальнем Востоке.

10 декабря 1943 году мы прибыли на Дальний Восток, на государственную границу между Советским Союзом и Китаем. В это время Япония угрожала нападением на СССР. Воины-дальневосточники были в боевой готовности защищать нашу Родину от японских самураев. Я был пулемётчиком станкового пулемёта, вторым номером. Почти все из нашей деревни служили в 39-й дивизии.

В мае 1945 года победой закончилась война с Германией, а на Дальнем Востоке зрела опасность нападения со стороны Японии. Здесь разворачивался театр военных действий. И 1945 году я, пулемётчик, стал воевать с Японией. Советские войска получили задание разгромить японских агрессоров в Севере-Восточном Китае и Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах, чтобы привести Японию к поражению.

Шли тяжелейшие бои за важные стратегические пункты, крупные административные центры. Продвигаться нам приходилось

через таёжные чащи, горы, болота, иногда и технику на себе несли. Бойцы стойко сражались, отражая нападения. Враг был разбит, погибло до 400 тысяч японских солдат и офицеров.

Финал операции оказался блистательным. За боевые заслуги наши солдаты и офицеры были награждены орденами и медалями, 92 воина удостоены звания Героя Советского Союза.

Получил награды и я.

В 1949 году я вернулся в родную Башкирию с одной мечтой – продолжить образование. Закончил педагогический институт, работал в школе учителем русского языка и литературе, директором школы, имею педагогический стаж – 47 лет.

В настоящее время Шафкат Харисович на заслуженном отдыхе, принимает активное участие в общественной жизни г.Елабуги, читает лекции, выступает перед молодежью.

Жена, Шарипова Зайнаб Абдулловна, тоже преподаватель. И её педагогический стаж – 50 лет. Шавкат Харисович и Зайнаб Абдулловна вместе живут уже 56 лет. Вырастили детей, а сейчас воспитывают внуков.

Чибизов Сергей Иванович

Родился 29 мая 1920 года в Новошешминске Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, пограничник, позже служил в артиллерии, имеет боевые награды, в том числе медаль «За отвагу».

Рассказ ветерана

Перед встречей с ветераном мы, студенты, очень сильно волновались. Чтобы сделать обстановку более уютной, решили придти не с пустыми руками и по дороге купили гостинцы к чаю. На наше удивление, ветеран оказался очень бодрым и оптимистичным. Даже не верилось, что ему скоро стукнет 90 (!) лет. Он очень обрадовался нашему приходу, и, уютно расположившись в кресле, начал свой рассказ:

«...Река Прут. Большое румынское село. Всеобщая эвакуация в тыл. Вывозили скот, вещи... все, что не могли увезти, зарывали в землю. Уже к 20-му июня все село было чистым, лишь кое-где можно было услышать, как мяукнет кошка, оставшись одинокой в хате...

О том, что война будет 12 июня, мы узнали от радистов, которые устанавливали аппаратуру на пограничной заставе. К нам на помощь прислали батальон пехоты регулярных войск. 12 июня, 13, 14... немец не открывал огня. Батальон ушел обратно, и мы, пограничники, снова остались одни.

22 июня в четыре утра, по приказу, немцы открыли ураганный огонь из всех видов оружия, – из пулеметов, минометов, пушек... Нас учили, что воевать мы будем на чужой территории. Ждали нашу пехоту, артиллерию, танки, но никого не

было. Оборонялись один день, второй, третий...десять дней мы держали позицию. Нам не разрешали открывать огонь по румынской территории, несколько раз немцы пытались переплыть реку, и лишь когда они достигали на плотках середины реки, только тогда мы имели право стрелять. Это было нашим первым боевым крещением.

2 июля нас сменил батальон пехоты, а пограничников сняли с границы и направили в тыл, – последовала пауза, было видно, что нашему ветерану нелегко даются воспоминания последующих событий.

...Отступление, отступление, отступление. У нас было 2 танковых пулемета, 3 ручных и, у пограничников, дрынк со штыком позапрошлого века. И больше ничего. А как танки немецкие идут, так все, со штыком же на него не пойдешь! Пришлось отступить...

Позицию заняли на окраине украинского села Гуляй-поле, где родился батька Махно. Никак не можем наступать, на танки с ружьем не полезешь... Один наш пограничник, украинец-собаковод, струсил и побежал к немцам. Мы кричали ему: «Стой! Что ты, подлец, делаешь?!». Стрелять в него – а он свой, неудобно. Так и предал нас, убежал к немецким танкам. А мы вынуждены были отступать по всей Украине».

Поразительно, с какой точностью и достоверностью Сергей Михайлович помнил каждую деталь, дату, номер и название полка, место и время событий!

«В сентябре, нас, пограничников, послали на оборону Москвы. В октябре была сформирована вторая стрелковая дивизия особого

назначения войск НКВД для обороны города Москвы. Я попал в 375 артиллерийский полк, нас снабдили пушками, не своими отечественными, а чужими – бывшими чехословацкими, на деревянных колесах. Мы заняли позиции на площадях Москвы. Наша батарея стояла на площади Маяковского.

7 ноября был парад наших войск на Красной площади. По радио передавали, что в 12 часов будет выступать Сталин, – в голосе ветерана войны слышалась ирония. – Он вышел на трибуну Мавзолея, потер руками [ах, холодновато] и сказал, что враг будет разбит, победа будет за нами. Нам задали прямую наводку. Вот и началась война под Москвой. К нам присоединились сибирские войска. В 41-м году мороз был крепкий, но нам удалось отогнать немцев на 150-200 километров, сорвав их планы.

В 1942 году я попал на формирование 184 дивизии особого назначения, которая под Сталинградом потерпела крупное поражение. Пополнилась наша дивизия под Челябинском, и нас отправили на Урал.

Зимой, когда были крепкие морозы, жили мы в лесу, в палатках. Костер разжигали прямо в них. Дым шел невероятный. Из-за таких костров сильно подпортили себе глаза. Холод. Голод. А питание было – мутная водичка и несколько зернышек. Вот и все.

В марте месяце я попал в состав 375-го артиллерийского полка 181-й стрелковой дивизии. Мы попали на Курскую дугу, которой тогда еще не было. Мы сделали ее сами. В наступлении нам хорошо помогали женщины, управлявшие кукурузниками, – с гордостью продолжал Сергей Михайлович, – Ночью они бесшумно планировали над немецкой территорией и бомбили врагов. Помогали нам всеми силами. Тем самым отогнали немцев от Курска, но было потеряно очень много людей. Нашу дивизию отправили на отдых и пополнение.

Мы находились в лесу, недалеко от фронта. И вот в июне месяце немцы решили из этой дуги сделать кольцо. Наступали сначала с правого крыла с севера на юг и с левого крыла с юга на север, т.е. хотели там сделать котлован, окружить наши войска и наступить на Сталинград, – хотели отомстить нам и восстановить свое положение на фронте. Наш артиллерийский полк был немедленно снят с отдыха и направлен на оборону. Вначале мы были на правом

выступе северного крыла этой дуги. Там немцы пробились на 3-6 километров в нашу оборону. Вступив в бой, мы остановили немцев прямой наводкой по их танкам. А в это время немецкие войска выпустили в бой на наш фронт новые танки, мы их называли «Тиграми» или «Пантерами». Они чем отличались от наших танков? У них была очень сильная передняя броня, которую наши пушки, даже стреляя в лоб, пробить не могли. Против нашей батареи наступало четыре немецких танка, но мы их остановили усиленным артиллерийским огнем. Они видели, что здесь им пройти не удастся и решили вернуться обратно за бугор. Немцы боялись подставить бока, у которых не было такой сильной брони, поэтому они задом, задом увели свои танки. Вот здесь мы их и остановили, и тогда наш 375-й полк перекинули на южное крыло, где немцы здорово пробились на двадцать с лишним километров.

По дороге от левого до правого крыла наш полк был обстрелян нашими самолетами «Ил» из «Катюш», – голос его задрожал, к глазам подступили слезы, почти шепотом он продолжил, – ... Вот тут страшно было. Самолеты летали так низко, что чуть не задевали наши головы. Кому-то удалось остаться в живых, в том числе и мне.

И вот после этого несчастного случая наш полк прибыл на оборону в село Прохоровка. Мы заняли позицию, на прямую наводку выставили наше оружие. И вдруг, ни с того ни с сего, с нашего тыла на высоких скоростях помчались наши танки Т-34: началось великое сражение Второй Мировой войны – бой под Прохоровкой. Там танки немецкие, танки наши так друг друга били, что земля горела, танки горели... Очень был сильный и страшный бой. Мы даже не могли стрелять из пушек по вражеским танкам, потому что невозможно было различить, все перемешалось. Это был бой невероятный. Мы победили. Немцы потеряли всю надежду на отмщение за Сталинград».

По интонации в его голосе несложно было догадаться, что это было самое тяжелое, страшное и трудное испытание души, сил и стойкости молодого солдата.

«С этого момента мы шли только вперед. Мы форсировали Днепр, Сандомир. Был сильный бой на Сандомирском плацдарме. Заняли оборону мы на правом берегу, немцы хотели скинуть нас

обратно, но им не удалось этого сделать. Тут мы и наше военное руководство (человек двести) оказались в окружении на территории Польши. Наше командование фронтом не разрешило нам выйти из окружения: «Держитесь, держитесь!». Мы день держали оборону, второй, наши силы иссекали. Мы истекали кровью. И оставаться больше было невозможно, остаться еще – это означало попасть в плен к немцам. Но я, командир батареи и еще два командира взвода решили выйти из этого окружения. Потому что в плен попасть никто не хотел. Шли по лесу, и вдруг смотрим, на тропинке лежит наш раненый солдат. Мы его спрашиваем, как фамилия, с какой он части, он ничего не мог ответить, только сказал: «Дайте воды...». И у нас на плащ-палатке он умер. Мы пошли дальше, на опушку леса, где уже была немецкая оборона. В это время все те, кто был на верхушке горы в лесу, решили вырваться. И мы с криком «УРА» (по уставу нельзя было кричать) прорвались через немецкие окопы, и к своим, соединились со своей частью. Один солдат был ранен в живот, семь дней он лежал в лесу, и смог выползти к нам, к нашей части. Но все равно, к сожалению, умер. Вот так и воевали. Тут уже мы не отступали – только наступали».

Рассказ шел к концу, Сергей Михайлович приободрился, и почти с улыбкой вспомнил: «Однажды был такой случай, в нашей колонне оказались немецкие машины. Просыпаюсь я ночью и слышу немецкий говор. Выяснилось, что они случайно попали в наш тыл. Так и шли мы вместе, в одной колонне.

2 июня взяли Берлин, а мы добивали Бреслау. Только 7 мая город сдался. Закончилась Война».

И тут он сказал фразу, которая почему-то запомнилась и затронула нас больше всего:

«...Пуля 100-150 м летит не часами, не минутами, а секундами... С самой первой секунды можно было получить смерть, но судьба распорядилась по-своему, я жив до сих пор!»

Воевали также два брата Сергея Ивановича, прошли бои на о.Хасан, Финскую войну, участвовали в Ленинградской битве, вернулись живыми.

После войны Сергей Иванович окончил юридическую школу, работал судьей.

Шакирзянов Хасан Шакирзянович

Родился 15 июля 1924 года в деревне Ключи-Соп Кзыл-Юлского района Татарской АССР, ветеран Великой Отечественной войны, служил в пехоте, имеет боевые награды, среди которых медаль «За отвагу».

* * *

О начале войны узнал в первый же день через деревенское начальство. 22-го июня 1941-го года нас собрали на майдане. Помню, день был солнечный. Председатель дрожащим голосом, взволнованно несколько раз повторил: «Война! Война началась... Немецкие войска напали на нашу страну». Тишина стояла долгая, а потом посыпались вопросы, что и как. Эта печальная новость быстро распространилась в деревне. Все понимали, что жизнь геперь изменится, но не могли представить, что ожидает в будущем каждого. Разговоры о возможном нападении вели, но относились к этому несерьезно. Думали, что быстро разобьем фашистов. Как потом оказалось – недооценили силу врага. Противник был в полной боевой готовности, а мы нет.

В нашей семье поверили в то, что произошло только тогда, когда

пришел представитель из военкомата и сказал, что двух моих старших братьев забирают на войну. Хотя мне тогда не было восемнадцати, родные понимали, что и я буду призван. Мы росли патриотами, и у всех был один настрой – защищать Родину. В семье нас было шестеро человек: папа – Шакирзянов Шакирзян Гаффарович, мама – Майшарап, старший брат – Шарифджан, средний брат – Ахунджан, я (Хасан) и сестра- Карима. Росли дружными, честными, трудолюбивыми. Воспитание дали нам хорошее, работы не боялись, были ответственны, все доводили до конца. Отец и мать работали в колхозе. В 1940 г. отец умер, матери стало вдвойне сложнее. Да, тяжело тогда было нашим матерям.... Столько трудиться, не спать ночами, растить детей в то нелегкое время, чтоб потом они, восемнадцатилетние, ушли на фронт и многие не вернулись.

Осенью 1941 ночью, к нам домой пришел староста деревни. «Собирайся Хасан, утром в армию», – сказал он мне на крыльце. На рассвете я вышел из дома и направился в сторону майдана. Меня и еще нескольких ребят погрузили в повозки с лошадьми и из д. Ключи-Сап повезли в Арск. Несмотря на раннее утро, нас провожала вся деревня. Желали возвращения с победой!

В Арске нас погрузили в товарный поезд и увезли в Удмуртию, в лесную зону пригорода Ижевска, где находилась воинская часть. Обучались строю, стрельбе. Потом направили в стрелковый полк. Кормили плохо, еды всегда не хватало. Жили в землянках, на ноги нечего было одеть. Осенью начались сильные дожди, вода лилась со всех сторон. Потом нас переправили под Ижевск на станцию Малый Курган, где продолжалось обучение. С первым снегом нас увезли в Чувашскую республику, на станцию Вурнары. Там получили новую одежду, но сапог не выдали. Тогда командир провел опрос: интересовался, кто может плести лапти. Таковые нашлись. Их он отправил в лес за липовой корой, из которой и стали плести лапти. Это была наша обувь, которую мы привязывали на ноги, обмотанные утепленными портянками. В Вурнарах пробыли до середины зимы. Как-то в один из дней нас повели сначала в столовую, где хорошо накормили, а после товарным поездом отправили в Москву. По прибытии в столицу, мы два дня сидели в поезде и не знали, куда дальше направят.

Через некоторое время сообщили, что едем на фронт. Это уже был январь 1943 года.

Моя боевая биография началась под Москвой, с обороны столицы. Как я попал в 247-ю дивизию, так в ней и прослужил до конца войны. Для многих моих боевых товарищей, да и для себя самого этот факт всегда был удивителен. Наверное, судьба моя такая.

Под Москвой было очень трудно, воевали днем и ночью. Земля была мерзлой, лежали в снежных окопах. Шинель примерзала к земле и затвердевала настолько, что её нельзя было согнуть – ломалась. А костер разжигать нельзя. Так и сидели в обороне в обледеневшей шинели. Спать на холоде не получалось, все обмерзлое, ледяное. Для согрева давали водку. Шутили будто для храбрости. Но пить мы не умели. Свою долю отдавали старшим солдатам. Считалось, если выпил, то уже не замерзнешь. На самом деле это не так: просто временно не чувствуешь холода, а организм все равно стынет, а потом обмораживается. Вначале боеприпасами не снабжали, стрелять было нечем. Отбивались только ПТРом – двухметровой винтовкой для стрельбы по танкам, в обслуживании рассчитанной на двух человек. Один орудие тащит, другой патроны. Но стрелять из неё не получилось, её все время заклинивало, и вскоре она вышла из строя. Хорошо, хоть сапоги кирзовые выдали, да ночью кормили горячим супом, вот от него было лучше.

Ясно помню один бой. Танки не могли пройти из-за снега. Снега в то время много было. Всю ночь мы отстреливались. Будто целый полк на нас идет, больше даже. Мы, как могли, стояли до последнего. Потом чуть притихло, и мы рванулись в атаку. Немцы ждали нас на противоположной стороне фронта. Началась бомбежка немецкими самолетами. Сколько людей там полегло... страшная картина. Январь так и прошел. Затем в феврале привезли подкрепление, а нас вывезли, разместили в глубине леса, чтоб вконец не обмерзли. Там давали нам задания, увеличивали дивизию, обучали бою, стрельбе по танкам. Жили в землянках. Еду туда тоже привозили. Так прошел месяц, нас укомплектовали и снова на фронт, на линию которого во время «лобовой» атаки заходили тремя рядами. Если первый ряд падет, идет второй ряд; если второй падет, идет третий. Мы имели право только наступать, а вот

отступать – нет. Стояли насмерть. Кто хотел отступить, то сзади шли свои же командиры, которые и могли убить.

Немцы контратаковали часто. После очередного боя я с командиром уже не встретился. Его тяжело ранило, и он умер. Мне повезло, выжил. Идущим немцам мы смогли противостоять. В бой шли с длинными винтовками старого образца, я был маленького роста, и такую винтовку мог только волочить по земле. После каждого выстрела приходилось перезаряжать. А у немцев были автоматы.

На войне всякое было: и пуля со свистом однажды пролетела, сбив пилотку и опалив волосы; и в список погибших был вписан; и танк надо мной проползал. Как-то лежим в траншее. Вдоль леса прямо на нас идут четыре танка. За ними машина и солдаты. Когда они были совсем близко, думали все конец, но отступать не стали, решили стоять до последнего! Вдруг над головой появились самолеты, которые подбили три танка и машину. Я смотрю, а головной танк идет прямо на меня, на мой пулемет. Я упал на дно траншеи. Как только танк перемахнул через неё, я поднялся, бросил на моторную часть противотанковую гранату и подбил его. Вот так, повезло... После этой бомбежки оставшиеся в живых немцы отступили. Затем свои летчики начали нас бомбить, похоже, приняли за немцев! Но командир вовремя дал знать, что мы – свои, пустив красную ракету в небо.

После, в Калужской и Московской областях освобождали деревни от немецких солдат. К тому времени нас уже стали снабжать оружием. Появились автоматы, легкие, с патронным диском, вот мы потом настрелялись! К осени 1943 года дошли до реки Сож в составе стрелкового полка все той же 247-й дивизии.

Командиров у нас было много, всех не перечислишь. Запомнил только капитана Костюка – командира батальона, а также командиров роты Гозчука и Домчука.

Все ранения разной тяжести получил во время боев. Лечили на месте и в бой! Первый раз сильно ранило в марте 1943 года. Товарищи тогда в окоп оттащили, потом увезли в госпиталь, где я поправился и снова на фронт.

Второй раз мне меньше повезло, когда бомба с немецкого самолета взорвалась недалеко от меня. Я, к счастью, остался жив.

Но меня так ранило осколками, что весь с ног до головы я истекал кровью. С линии фронта меня везли санитарки. То, что смогли, вытащили из меня прямо на месте, а остальное – в госпитале в г. Калуге, где пролежал четыре месяца. Вероятно, была контузия: болела голова, не разговаривал. Спустя два месяца смог подняться с кушетки. После прохождения медицинской комиссии, получил вторую группу инвалидности и 5-го февраля 1944-го был отправлен домой. Врачи что смогли, то вытащили из меня. Но осколки во мне остались: на запястье правой руки, в ключице, на спине и в голове, на челюсти. Вреда от них нет, не болит, не чувствуется теперь. Еще провели операцию на глаз, который теперь у меня стеклянный.

Домой возвращался самостоятельно, через Москву. Помню, было очень холодно. Когда выписывали из госпиталя, дали с собой немного еды в мешочек, старую телогрейку, солдатскую одежду и ватник, а голову обмотали. В Москве, когда я купил себе шапку-ушанку и варежки стало теплее. Так поездом добрался до Арска. Там мне выдали документы, военный билет. Из Арска я попытался идти сам, но сил не было, кружилась голова. Тогда подумалось, вот, через столько всего прошел и выжил, а сейчас, если упаду, то тут и умру от холода. Собрал последние силы и вернулся обратно на вокзал. Там увидел человека с повозкой и лошадьми: он собирался ехать в Атню. Тогда я подошел к нему и прямо сказал, что тот должен довезти меня до Атни. Он, увидев мое состояние, сразу же согласился. Доехали быстро, к вечеру. В Атне я поспрашивал у людей, как добраться до своей деревни Ключи-Сап. Мне сказали, что в 2 часа ночи кто-то из местных жителей поедет на лошадях за дровами в деревню Шиньши и довезет меня до села Пичушки. Мне помогли, домой я добрался 12-го февраля 1944-го года.

Когда входил в деревню, меня увидел сосед. Тот побежал к моему дому. Через минуту вижу, мама выбегает со слезами на глазах! Подбежала, обняла и тихо прошептала: «Живой!». Все вначале были удивлены и интересовались, как я так рано вернулся, ведь война еще не закончилась. Я им все и рассказал.

В войне погибли два моих старших брата. Как и где погибли, не знаю. Один из них пропал без вести.

Дома меня встретили мама, жена старшего брата Асия и двое её сыновей. Жили все вместе в нашем доме. Из еды была только картошка. В колхозе лошади часто умирали – корма не было. В деревне был голод, поэтому поправлялся я медленно, но все же выкарабкался. Устроился в колхоз охранником, потом работал учетчиком, амбарщиком. В день выдавали по одному стакану муки, на это и жили. Работал и после выхода на пенсию. Сегодня у меня хорошая пенсия, большая. Только вот здоровья не осталось.

В 1948 году встретил Асмабику. Поженились, вырастили пятерых детей. Сейчас жена и один сын уже умерли. Дочка живет в деревне, остальные разъехались.

Себя я считаю самым счастливым дедушкой. У меня есть внуки и уже правнуки.

Еще я оказался везучим. Ведь я выходил из таких страшных и кровопролитных боев... А там, на фронте столько моих товарищей полегло. Помнится, на бой нас выпускали со словами: «Не бойся! Иди в бой смело, за Родину! Победим!» и победили, слава Богу! Но какой ценой! Иногда задаюсь вопросом – как остался жив? После боев под Москвой зимой 1943г. мы освобождали деревни от немцев. В одной из них ждали немцев, но они не нападали. Вдруг началась бомбежка, очень много солдат погибло. Я и мой товарищ Сабир по-пластунски по льду озера поползли на другой берег. Я – впереди, Сабир – сзади. Он ткнул меня в ногу и сказал, что надо разделится. Он остался на месте, а я пополз в сторону леса. И вдруг – очередь! Метрах в тридцати от меня в окопе боевого охранения находился немецкий пулеметный расчет. Он и убил Сабир. Позже пришло подкрепление, мы обезвредили немцев, но товарища я потерял навсегда. Эту войну, тех людей, те ужасные сражения с ужасающими потерями мне уже никогда не забыть. Хотелось бы, чтоб нынешнее поколение никогда не встретилось с этой бедой. Тогда война соединила нас всех воедино, и, не смотря ни на что, мы победили.

Шигабутдинов Магсум Шигабутдинович

Родился 3 января 1926 года в селе Большие Ширданы Зеленодольского района Татарстана, ветеран Великой Отечественной войны, пулеметчик, награжден орденами и медалями, среди которых Орден Славы и Орден Отечественной войны.

* * *

После окончания семилетки в 1940 году работал в колхозе им. Куйбышева Зеленодольского района. В 14 лет я на лошади возил воду, зерно, боронил землю, выполнял всю хозяйственную работу. Известие о беде пришло неожиданно: мы работали в поле, убирали сено, как тут прибежал сын одной из колхозниц и закричал, что началась война. Смысл этого ужасного слова мне, пятнадцатилетнему пацану, был не совсем ясен, но женщины закричали, запричитали, взрослые мужчины бросили работу и пошли в село. Помню, как сейчас, от всего этого мне стало очень страшно. Я, как многие парни, хотел пойти на фронт добровольцем: был рослым, крепким, здоровым. В Кайбицком военкомате на собеседовании я к своим пятнадцати годам прибавил еще год (в то время в колхозах документы колхозникам не выдавали на руки) и был зачислен в армию. Пришел домой, чтоб собрать вещи

и попрощаться с родителями. В то время мой старший брат уже воевал. Но уйти на фронт не удалось: меня оставили в колхозе бригадиром, ведь мужчин работоспособного возраста в колхозе уже не было. Все воевали. И только в феврале 1943 г. мне пришла повестка явиться в Казанский центральный военкомат, откуда нас, новобранцев, погрузили в эшелоны и повезли в Кировскую область на станцию Котельнич. По прибытию всех побрили, помыли, переодели в военную форму, так что мы друг друга не узнавали. Потом снова погрузили в эшелоны и отправили в лагерь Бикель Кировской области, в 975-й запасной стрелковый полк, где учили держать винтовку, автомат, в общем, приучали к фронтовой жизни. Командовал полком младший лейтенант (уже не помню его фамилии, да и не разглашали нам фамилии командиров). После отправки его на фронт командование принял раненый старший лейтенант. И вот в начале августа 1943 года поездом отправили нас на фронт в Курскую область в 3-ю танковую дивизию 23-й Гвардейской армии.

Готовились к прорыву на Курской дуге. Наше отделение было определено танковым десантным. Ждали приказа. В ночь перед рассветом начался штурм. Это было ужасное зрелище. Орудия били поочередно: сначала шли залпы нашего отделения, затем начинали бить орудия другого отделения. Битва продолжалась долго. Наступление до Днепра шло в течение суток. 23 августа ночью на лодках мы переплыли Днепр. Во время операции по расширению плацдарма я получил ранение в правую руку, а после переправы через Днепр оказался в госпитале.

Нас, раненных, было много. После этого сражения большое количество солдат погибло. Лекарств в госпитале не хватало. Хирург, осмотрев мою руку, хотел ее ампутировать. Я разругался с хирургом; «Пальцы мои работают, руку не дам!» И тогда доктор меня выгнал. Я пошел в другую деревню, где также был временный госпиталь для тяжелораненых. По дороге встретился мне старший лейтенант (тоже раненый), он спросил, умею ли варить еду, стрелять? Я сказал, что умею все, и он взял меня с собой. Доехали до большого населенного пункта, погрузились в эшелон и отправились в Тростинец. По дороге мы попали под бомбежку. Эшелон разбит, кругом раненые и убитые, мы, кто мог двигаться, доби-

рались до пункта назначения четверо суток. Прибыли, сдали документы, нас определили по квартирам. За все это время, что я был в дороге, руку свою не развязывал, а когда снял бинты, то не поверил своим глазам – рука – то моя зажила. Это для меня было просто чудо! Главное, работали все пальцы.

Комиссия меня определила в город Прилука (Украина). Это было очень далеко от места нашего пребывания. Мы, около 30 человек, решили пойти в запасной полк, который был ближе к фронту, в соседней деревне. Я попал в зенитную пулеметную роту, мне выдали дисковый пулемет «Дегтярев». После госпиталя выглядел я неважно: уставший, оголодавший, исхудавший. Все время было холодно: одежды путевой не было. Поблизости от нашего расположения была станция Барш. Ее каждую ночь бомбили. Нам был дан приказ отстоять этот пункт. Сделали землянки, вырыли окопы, замаскировались, и во время налета сбили вражеский самолет.

Дальше маршрут пролегал через станцию Дарницкая до Житомира. Это было зимой 1944 года. Житомир – небольшой городок, запомнился мне домами из красного кирпича. Уже весной, в апреле, вдруг выпал снег выше двух метров. Нас заставили чистить снег, движение было парализовано. А на следующий день весь снег растаял, будто и не выпадал вовсе. Запомнилось мне это явление.

Собрали всех солдат, выстроили. Полковник вызывает: «Рядовой Шигабутдинов, командуй вверенным батальоном». Я вышел из строя и говорю: «У меня же звания нет». Но стал давать команды и провел батальон метров 200 – 300. Тогда полковник говорит: «Прошел проверку, можешь командовать». Я весь вспотел от сильного волнения. А после стали нам вручать награды. Многие солдаты остались без наград. Понятно, что в боевых условиях все предусмотреть невозможно. Но за многих обидно было. С фронта я привез 2 награды, остальные получил после войны.

Через неделю отправили пулеметчиком в часть 10-й зенитной дивизии 975-го полка (зенитно-пулеметная рота резерва главного командования). Место дислокации – Западная Украина: Житомир – Ровно – Дубка. В роте 15 пулеметов. Пулемет весит 200 килограмм с воздушным охлаждением. Ствол во время стрельбы краснеет от

накала. В нашем расчете вместе с шофером должно быть шесть человек, а было только трое на всю технику. Очень тяжело было таскать 200 килограммов. Один раз мне пришлось одному вытаскивать этот пулемет из оврага, на плече. С большим трудом, но вытащил и сразу получил сильный ушиб осколком в грудь. Утром – артподготовка и сразу в наступление на город Горохово (Зап. Украина). С собой коробка с боеприпасами, лента весит 10 – 12 килограммов. Начали разведку боем, и вдруг сзади сигнал: «Разойтись». Смотрим, едут «Катюши». Нам очень хотелось увидеть, как они стреляют. При стрельбе «Катюш» рядом никого не должно быть, в машине только шофер. Он жмет стартер, начинается стрельба и стоит дикий визг от снарядов.

Летом 1944 года взяли город Горохово, затем Львов. К осени вошли в Польшу. Зимовали на Сандомирском плацдарме. 23 января 1945 года произвели прорыв через Польшу и перешли границу Германии. Передовые части быстро начали наступать и взяли город Нейс. Потом стояли в обороне, оставшись без тыла, без запасов продовольствия.

16 апреля начали наступление. Наш взвод в количестве 9 человек первым форсировал реку Рейн, за что всех представили к ордену Славы.

На Берлин наши части наступали слева, окружая город. После окружения Берлина получили приказ: любыми путями дойти до реки Эльба, опередив американцев. В ночь 27 апреля 1945 года мы последними силами взяли город Ветенберг и вышли к реке Эльба. Вскоре подошло и подкрепление.

28 апреля 1945 года я получил второе ранение в колено правой ноги и был отправлен в госпиталь города Зараум, а затем – в Заган, где и встретил день Победы.

Через месяц выписался из госпиталя и был направлен в 901-й легкий артиллерийский полк, хотя после ранения я хромал. Наш полк в числе других из Германии двинулся в Австрию, Чехословакию, Венгрию. Расположились около Будапешта, где нашу часть переименовали в 86-й тяжелый артиллерийский полк. Во время обучения я упал с турника, получил сотрясение и был отправлен на обследование в госпиталь города Будапешт, где я пролежал больше года. Военная комиссия комиссовала меня с

инвалидностью 2-й группы и демобилизовала домой в мае 1946 года.

На фронте воевали и мои родственники:

Брат Хайдар 1921 года рождения, призванный на войну в 1941 году, а в мае 1942 года – комиссованный по ранению руки (оторвало кисть). Другой брат Карим погиб на войне.

Вернувшись, я долго лечился, а поправившись, трудился на железной дороге.

В 1947 – 1948 г. – работал финансовым агентом; в 1949-1954 г. заведующим Ширданским Домом культуры; председателем сельского совета. На пенсию вышел с должности начальника Ширданского почтового отделения.

Женат, имею 4 детей. Ежегодно 9 мая, когда мы, как ветераны, можем воспользоваться бесплатной междугородней связью, я звоню своему боевому другу – Сухову Виктору Васильевичу. Мы с ним прошли всю фронтовую дорогу до Эльбы. Он сейчас почти слепой. Недавно ему как участнику войны дали квартиру. Я очень рад за однополчанина.

Юсупов Ильсур Хаич

Родился 14 апреля 1926 года в деревне Качелино Арского района Татарстана, ветеран Великой Отечественной войны, снайпер, имеет боевые награды, в числе которых Орден Отечественной войны, медаль «За боевые заслуги», участник Парада Победы 24 июня 1945 г.

* * *

Я был единственным ребенком в семье, мои родители – сельские учителя. Окончил 10 классов Арской средней школы в 1943 году. Война была уже в самом разгаре. После школы я планировал поступать в Казанский авиационный институт на факультет летательных аппаратов. Однако всю свою жизнь посвятил военному делу.

О начале войны услышал 22 июня 1941 года. На главной площади Арска организовали митинг, слушали сообщение Молотова по радио, что Германия вероломно напала на Советский Союз.

После окончания десяти классов меня призвали в армию. В военкомате сразу же поставили печать – «Годен». Со мной забрали еще четырех товарищей, которые окончили тоже десять классов, нас направили на учебу в школу снайперов в город Кулебаки

Горьковской области (ныне Нижегородская), сокращенно ОШЮОСП – окружная школа отличных стрелков снайперской подготовки.

После окончания школы в октябре 1944 г. был снайпером до февраля 1945 года. Служил на границе Белоруссии с Польшей. Моя задача, как снайпера, состояла в том, чтобы держать на мушке так называемую «ничейную зону», то есть местность между нашими и немецкими войсками. Мы называли это «хождением на охоту». Многие спрашивают меня, сколько я человек убил. Скажу честно, не считал, не делал насечек на винтовке, как многие опытные снайперы.

Затемно «выходили на охоту», занимали огневую позицию. Сидишь в окопе и ждешь, что кто-нибудь пошевелится на ничейной зоне. Снайперов нас было четверо. Мы формально числились во взводе, но даже комбата по имени не знали, так, видели пару раз. Жили в отдельной землянке со старшиной, который всячески заботился о нас. К нашему возвращению всегда был готов ужин. Он всячески оберегал нас, в обиду не давал.

«На охоту» мы ходили не каждый день. В свободное время писали письма родным. Когда приехал домой, мать показала стопку моих писем, которые она бережно хранила.

Среди нас четверых самым старшим был дядя Петя. Он был родом из Нижегородской области и называл меня земляком, потому что я учился в Кулебаках. Он и обучал нас снайперскому искусству. Когда в первый раз «пошли на охоту» он сам не стал стрелять – дал мне возможность попробовать. Я увидел цель – прицелился, выстрелил, вроде попал – поднял голову от радости, чтобы посмотреть на результат. Дядя Петя как тукнет по голове: «А если там сидит немецкий снайпер и ждет, пока ты высунешься!».

Стреляли мы из снайперской винтовки без штыка, так как он меняет траекторию полета пули.

В снайперском деле самое важное – уметь маскироваться. Хочешь остаться жить – имей терпение и умей так схоронить себя, чтоб даже прицел не высовывался. Блеснет на солнце – немецкий снайпер тебя тут же уложит.

Однажды меня вызвал командир и приказал: «Поедешь в Москву учиться на офицера». Я хотел вернуться в свою деревню, но против приказа не пойдешь. Так я стал в 1944 г. курсантом

Московского Краснознаменного пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР.

Как только поезд тронулся, на санитарный эшелон, в котором мы ехали, напали немецкие самолеты. Это был единственный раз, когда я попал под бомбежку. Вытаскивали из поезда раненых, один человек погиб.

Моя служба прошла без каких-либо критических моментов: в бой с криками «Ура» не кидался, состоял в комсомоле, был членом КПСС. Ведь тогда говорили: «офицер не может быть беспартийным».

Я принимал участие в Параде Победы 24 июня 1945 года. В день Парада проснулся в казарме от шума дождя. Шли строем до Красной площади. Всего в параде участвовали 42 тысячи человек – от 10 фронтов, от каждого фронта 200 человек. И еще от Наркомата обороны и московского гарнизона. Я маршировал третий справа в составе курсантов Московского Краснознаменного пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР.

В Казани жила моя сестра, и она увидела меня на экране кинотеатра, когда демонстрировали снятый во время парада фильм, закричала на весь зал: «Смотрите, это мой брат!». Готовились к параду долго, каждый день по полтора – два часа строевым шагом по плацу. Генеральная репетиция тогда была не на Красной площади, а на центральном московском аэродроме. Отбор участников парада был строгий: смотрели человека со всех сторон. Я прошел как курсант-отличник и фронтовик. Весь день дождь шел неумолимо, но это обстоятельство несколько не умаляло значения этого дня.

После Парада Победы я был еще на шести, каждый раз на трибуне стоял Сталин. Об окончании войны услышал, когда был курсантом в Москве. Радостную новость сообщили в казарме пехотного училища сразу после подъема. Был митинг, всех курсантов отпустили в увольнение.

Содержание

Дорогие друзья!	3
О книге	5
Ахтямов Сабир Ахтямович	7
Амерханов Талгат Камильевич	12
Блажко (Яхонтова) Анна Александровна	19
Ботов Борис Алексеевич	23
Валиуллин Гарифулла Валиудлович	29
Вишневский Всеволод Владимирович	36
Гараев Динмухамет Нурисвич	40
Гаранин Павел Алексеевич	47
Гарипов Мухаметшариф Гарифович	53
Гатауллин Рой Вафинович	59
Горшков Федор Ильич	62
Егоров Александр Николаевич	69
Зайнутдинов Самигулла Абдуллоевич	73
Заялетдинова (Садькова) Закия Харисовна	76
Ибрагимов Кадыр Каримович	79
Идрисов Хабибулла Гарифуллович	83
Константинов Михаил Петрович	85
Концевой Анатолий Иванович	90
Корнев Борис Павлович	96
Крулик Валентин Михайлович	105
Лебедев Петр Павлович	110
Ломов Борис Алексеевич	116
Малафеева Александра Андреевна	121
Мингазов Миннахмат Мингазович	125
Мифтахутдинов Хайрутдин Фасхутдинович	130
Моисеев Андрей Никонорович	133
Новиков Алексей Тихонович	140
Первушин Михаил Ильич	151
Пикулев Николай Александрович	156
Романов Борис Иванович	165
Сабирзянов Мустафа Гарифьянович	168
Сергеев Павел Сергеевич	170
Спасов Василий Иванович	173
Телешева (Гуляева) Нина Александровна	181
Тимиров Мингаз Ибрагимович	187
Уткина Евгения Ивановна	202
Хакимуллин Зиннат Хакимуллоевич	204
Хафизов Шафкат Харисович	210
Чибилов Сергей Иванович	212
Шакирзянов Хасан Шакирзянович	217
Шигабутдинов Магсум Шигабутдинович	223
Юсупов Ильсур Хаич	228

Этот день мы приближали, как могли!

Сборник воспоминаний ветеранов
Великой Отечественной войны

Ответственный редактор и
автор-составитель *С.И. Никонова*

Компьютерная верстка *В.А. Савельевой*

Подписано в печать 08.04.2010 г.
Форм. бум. 60x84 1/16. Печ. л. 15,5. Тираж 300. Заказ 60.

Издательство «Отечество»
420107, Казань, ул. Петербургская, 12.

Отпечатано в ООО «Отечество»
420126, г.Казань, ул.Чистопольская, д.27а